

NIION 2015-0057
MOSURED 77/27-012

ISSN 2346-8335 (Print)
ISSN 2720-7986 (Online)

International Journal
CRIMINAL PROCEDURE

PROBLEMS OF THEORY
AND PRACTICE

IJCP

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
УГОЛОВНОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

1
2022

No 1

IJCP

2022

1/2022

CRIMINAL PROCEDURE:
PROBLEMS OF THEORY
AND PRACTICE

УГОЛОВНОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ

Editorial Board

N. Aliev,
doctor of law
(Republic of Azerbaijan)
Н. Алиев,
доктор юридических наук,
(Республика Азербайджан)

Yu.M. Antonyan,
doctor of law, professor, honored worker
of science of the Russian Federation
Ю.М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

E.A. Antonyan,
doctor of law, professor
Е.А. Антонян,
доктор юридических наук, профессор

S.N. Baburin,
doctor of law, professor, MSA academic
С.Н. Бабурин,
доктор юридических наук, профессор,
академик МСА, Республика Беларусь

A.A. Bakradze,
doctor of law
А.А. Бакрадзе,
доктор юридических наук

E.N. Begaliev,
doctor of law, associate professor,
Honorary worker of education of the Republic
of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan)
Е.Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, доцент,
Почетный работник образования
Республики Казахстан (Республика Казахстан)

A.R. Belkin,
doctor of law, professor, academician of RAEN
А.Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН

G.A. Vasilevich,
doctor of law, professor, honored lawyer
of the Republic of Belarus
Г.А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республика Беларусь

Редакционная коллегия

A.F. Volynsky,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation
А.Ф. Волынский,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

V.Ya. Gavrilov,
doctor of law, professor
В.Я. Гаврилов,
доктор юридических наук, профессор

A.I. Glushkov,
doctor of law, professor
А.И. Глушков,
доктор юридических наук, профессор

A.Y. Grishko,
doctor of law, professor
А.Я. Гришко,
доктор юридических наук, профессор

G.S. Gurbanov,
doctor of law, professor
Г.С. Гурбанов,
доктор юридических наук, профессор

M.D. Davitadze,
doctor of law, professor
М.Д. Давитадзе,
доктор юридических наук, профессор

S.V. Dubrovin,
doctor of law,
professor, honored worker of higher school
of Russian Federation
С.В. Дубровин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

I.E. Zvecharovsky,
doctor of law,
professor, honored lawyer of the Russian
Federation
И.Э. Звечаровский,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

N.G. Ivanov,
doctor of law, professor,
honored lawyer
of the Russian Federation

Н.Г. Иванов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

S.V. Ivantsov,
doctor of law, professor
С.В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор

N.G. Kadnikov,
doctor of law, professor Honorary worker
of higher professional education
of Russian Federation

Н.Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

S.Ya. Kazantsev,
doctor of pedagogical sciences, candidate
of legal sciences, professor, honored lawyer
of the Russian Federation

С.Я. Казанцев,
доктор педагогических наук, кандидат
юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

R. Kvaratskhelia,
doctor of law Republic of Georgia
Р. Кварацхелия
доктор юридических наук Республика Грузия

N.A. Kolokolov,
doctor of law, professor
Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

V.P. Lavrov,
doctor of law, professor,
Honored worker of science of the
Russian Federation
В.П. Лавров,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

S.Ya. Lebedev,
doctor of law, professor,
Honored lawyer of Russian Federation
С.Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

N.P. Mailis,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation
honored worker of science
Н.П. Майлис,
доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист РФ
заслуженный деятель науки РФ

G.B. Mirzoev,
doctor of law, professor, honored lawyer
of the Russian Federation

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

S.L. Nikonovich,
doctor of law, associate professor
С.Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

S.B. Rossinsky,
doctor of law
С.Б. Россинский,
доктор юридических наук

Z.B. Soktoev,
doctor of law
З.Б. Соктоев,
доктор юридических наук

B.A. Spasennikov,
doctor of law, doctor of Medical
Sciences professor
Б.А. Спасенников,
доктор юридических наук,
доктор медицинских наук профессор

O.V. Staroverova,
doctor of law
О.В. Староверова,
доктор юридических наук

A.G. Khabibulin,
doctor of law, professor
А.Г. Хабибулин,
доктор юридических наук, профессор

R. Chenghis,
president of Law enforcement
University, professor
Р. Чингиз,
Президент Университета
правоохранительных органов Монголии,
профессор

V.N. Chuvalov,
doctor of law, professor
В.Н. Чувалов,
доктор юридических наук, профессор

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economic
sciences, professor
Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, доктор
экономических наук, профессор

CONTENTS 1/2022

Registration certificate
404499217

Editor-in-chief

N.P. Mailis,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian
Federation honored worker
of science

Representations in Russia:

*Chief editor
of Joint editorial*

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics, professor, laureate
of the Russian Federation
Government prize in Science
and Technology.

Representations

in Russia:

V.N. Zakaidze,
CEO of publishing house
«UNITY-DANA»
1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298

in Georgia:

A. Kldeiseli,
44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi,
0186, Righteous Georgia
Tel./Fax: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

in USA:

D. Skhirtladze, MD, MPH
3565 Edencroft Road, Huntingdon
Valley, Pennsylvania
+12157605939

E-mail:
dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

L.N. Tepman,
doctor of economical sciences,
professor
3, Tze'Elim, Yokneam
E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences,
professor, academician of the IASP
30, Gagarin str., Shymkent
Tel: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Editorial staff and external
reviewers are not responsible for the
quality, accuracy and correctness
of Responsibility for the quality,
accurate and correctness of citing
of works solely lies with the

www.unity-dana.ru
www.niion.org

A.H. BATYROV, I.M. KARTOEV, R.B. GANDALOEV. The legal status of convicts while serving a sentence of deprivation of liberty in a penitentiary	5
A.A. BORSUCHENKO. Problems of counteracting raiding in the Russian Federation	12
A.F. VOLYNSKY. Forensic examination before the «court of history» (the expert opinion)	16
V.N. GALUZO. On the correlation of legislation on criminal procedure and expert activity in the Russian Federation	29
E.S. ZHIGAREV. Idealistic and materialist views to the causality and the free will	33
Y.A. IVANOVA, T.V. RADCHENKO, L.I. LARIONOVA. Current aspects of criminological research	41
V.A. MINAEV, A.V. SIMONOV. Assessment of noise resistance when identifying extremist content in social media	48
A.Y. KIRSANOV, P.M. MURASHEV. About the state forensic expert activity in the system of law enforcement of the Russian Federation	55
M.A. MURTUZALIEVA. Features of protection against diseases	59
A.I. RAKHIMOV. Factors affecting the process of formation and change of ideal traces of the crime	62
G.M. SARBAYEV, N.D. ERIASHVILI. On the question of the history of crime and punishment	65
I.A. FADEEV. The history of the development of the institution of inquiry in the Soviet-Russian criminal process	71
V.Y. FEDOROVICH. On the results of expert activity and their use in the criminal process of the Russian Federation	83
L.E. CHISTOVA. Actual problems of the production of expert examinations in the investigation of crimes related to narcotic drugs	87
N.D. ERIASHVILI, P.M. MURASHEV. On the admissibility of using the expert's opinion in the administration of justice in the Russian Federation	91
Bui Tran CUONG, Trinh Hai LONG. Prevention and fighting miscarriage of justice and wrongful conviction in criminal investigation in order to meet requirement of justice reform in the new situation	95
A.A. BABICH. The impact of migration crime on the economic security of the Russian Federation	98
E.V. MIKHAYLOVA, E.N. KHAZOV. Terrorist youth movement Columbine: essence, reasons, warning	103
V.M. REDKOUS. Some issues of legislative consolidation of the use of the polygraph in the activities of law enforcement agencies of the CIS member states	110
A.V. STAROVEROV. Objective signs of human trafficking: content and problems	117

Свидетельство о регистрации
404499217

Главный редактор

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук
профессор, заслуженный юрист РФ
заслуженный деятель науки РФ

Представительства
в России:

Главный редактор

Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники

В.Н. Закаидзе,

Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»
123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1

в Грузии:

А. Клеисели,
0177 Тбилиси,

пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия. Тел./факс:
+995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

в США:

Д. Схиртладзе, доктор медицины
штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле:

Л.Н. Терпан, доктор
экономических наук, профессор
Иокнеам, ул. Цеелим, д. 8
E-mail: terpmn32@list.ru

в Республике Казахстан:

И.Т. Чариев, доктор
педагогических наук, профессор,
академик МАНПО
г. Шемкент, ул. Гагарина,
д. 30, кв. 57
Тел: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

Отпечатано в цифровой типографии
ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
105066, Москва, ул. Новорязанская,
д. 38, стр. 1, пом. IV
Заказ

Редакция и внешние рецензенты
не несут ответственности за
качество, правильность
и корректность цитирования
произведений авторами статей.
Ответственность за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений несут
исключительно авторы
опубликованных материалов

www.unity-dana.ru
www.niion.org

СОДЕРЖАНИЕ 1/2022

А.Х. БАТЫРОВ, И.М. КАРТОВЕВ, Р.Б. ГАНДАЛОЕВ. Правовое положение осужденных при отбывании наказания в виде лишения свободы в ИУ	5
А.А. БОРСУЧЕНКО. Проблемы противодействия рейдерству в Российской Федерации	12
А.Ф. ВОЛЫНСКИЙ. Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста)	16
В.Н. ГАЛУЗО. О соотношении законодательства об уголовно-процессуальной и экспертной деятельности в Российской Федерации	29
Е.С. ЖИГАРЕВ. Идеалистическое и материалистическое воззрения на причинность и их взаимосвязь со свободной волей	33
Ю.А. ИВАНОВА, Т.В. РАДЧЕНКО, Л.И. ЛАРИОНОВА. Актуальные аспекты криминологических исследований	41
В.А. МИНАЕВ, А.В. СИМОНОВ. Оценка шумостойкости при выявлении контента экстремистского характера в социальных медиа	48
А.Ю. КИРСАНОВ, П.М. МУРАШЕВ. О государственной судебно-экспертной деятельности в системе правоохраны Российской Федерации	55
М.А. МУРГУЗАЛИЕВА. Особенности правовой защиты нравственности	59
А.И. РАХИМОВ. Факторы, влияющие на процесс формирования и изменения идеальных следов преступления	62
Г.М. САРБАЕВ, Н.Д. ЭРИАШВИЛИ. К вопросу об истории преступления и наказания	65
И.А. ФАДЕЕВ. История развития института дознания в советско-российском уголовном процессе	71
В.Ю. ФЕДОРОВИЧ. О результатах экспертной деятельности и их использовании в уголовном процессе Российской Федерации	83
Л.Е. ЧИСТОВА. Актуальные проблемы производства экспертиз при расследовании преступлений, связанных с наркотическими средствами	87
Н.Д. ЭРИАШВИЛИ, П.М. МУРАШЕВ. О допустимости использования заключения эксперта при осуществлении правосудия в Российской Федерации	91
Буй Чан КЫОНГ, Чинь Хай ЛОНГ. Предупреждение правонарушений в уголовных судопроизводства Вьетнам, обеспечение требованиям судебной реформы в новой ситуации	95
А.А. БАБИЧ. Влияние миграционной преступности на экономическую безопасность Российской Федерации	98
Е.В. МИХАЙЛОВА, Е.Н. ХАЗОВ. Террористическое молодежное движение «Колумбайн»: сущность, причины, предупреждение	103
В.М. РЕДКОУС. Некоторые вопросы законодательного закрепления применения полиграфа в деятельности правоохранительных органов государств — участников СНГ	110
А.В. СТАРОВЕРОВ. Объективные признаки торговли людьми: содержание и проблемы	117

© А.Х. БАТЫРОВ, И.М. КАРТОЕВ, Р.Б. ГАНДАЛОЕВ. 2022

Правовое положение осужденных при отбывании наказания в виде лишения свободы в ИУ

Ахмед Хусенович БАТЫРОВ,
Инспектор ОИН ФКУ УИИ ОФСИН РОССИИ по РИ

E-mail: batyrov.93.93@mail.ru

Ибрагим Мовлиевич КАРТОЕВ,
заместитель декана юридического факультета, канд. юрид. наук, доцент ИнГГУ,
Председатель Общественной палаты Ингушетии

E-mail: kartoibrag@mail.ru

Руслан Баширович ГАНДАЛОЕВ,
кандидат политических наук, Научный сотрудник Центра мониторинга
законодательства и право применения Института законотворчества
Саратовской государственной юридической академии, Ст. преподаватель кафедры
Теория и история государства и права Ингушского государственного университета

E-mail RusSud@bk.ru

Для цитирования. А.Х. БАТЫРОВ, И.М. КАРТОЕВ, Р.Б. ГАНДАЛОЕВ. Правовое положение осужденных при отбывании наказания в виде лишения свободы в ИУ // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 5—11.

Аннотация. Предусмотренный уголовно-исполнительным законодательством режим имеет свои особенности в воспитательных колониях, исправительных колониях разных уровней безопасности и видов условий содержания, а также в структурных участках колоний, помещений трех типов, в СИЗО и карцере. Отличается степень изоляции осужденных, их возможность свободно передвигаться в пределах определенных структурных единиц, частота и характер контактов с внешним миром (свидание, переписка и телефонные разговоры, выезд, выход за пределы учреждения, нахождение за пределами учреждения), объем средств, которые могут расходовать осужденные, и объем зачислений на лицевой счет заработка

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, федеральная служба исполнения наказания, отечественная тюремная система, наказание, учреждение, содержания, лишения свободы.

The legal status of convicts while serving a sentence of deprivation of liberty in a penitentiary

Akhmed Husenovich BATYROV,
Inspector SEI PKU UII OFSIN RUSSIA for RI

E-mail: batyrov.93.93@mail.ru

Ibragim Movlievich KARTOEV,
Deputy Dean of the Faculty of Law, Ph.D. in Law, Associate Professor
of IngGU, Chairman of the Public Chamber of Ingushetia

E-mail: kartoibrag@mail.ru

Ruslan Bashirovich GANDALOEV,
candidate of political sciences, Researcher at the Center for Monitoring Legislation
and the Law of Application of the Lawmaking Institute of the Saratov State
Law Academy, Art. Lecturer, Department of Theory and History
of State and Law, Ingush State University

E-mail: RusSud@bk.ru

Abstract. The regime provided for by the penitentiary legislation has its own characteristics in educational colonies, correctional colonies of different levels of security and types of detention conditions, as well as in structural areas of colonies, three types of premises, in a pre-trial detention center and a punishment cell. The degree of isolation of convicts differs, their ability to move freely within certain structural units, the frequency and nature of contacts with the outside world (date, correspondence and telephone conversations, departure, leaving the institution, being outside the institution), the amount of funds that convicts can spend, and the amount of credits to the personal account of earnings

Keywords: penitentiary legislation, federal service for the execution of sentences, domestic prison system, punishment, institution, detention, deprivation of liberty.

Концепция развития до 2020 г. предопределила реформирование отечественной УИС и обусловила необходимость формирования условий для последующего совершенствования как положений уголовно-исполнительной отрасли российского законодательства, так и такого частного момента как правовое положение субъектов, осужденных судебным приговором.

Первоначальным шагом к изучению рассматриваемого в настоящей части работы конструкта выступает выделение позиций отечественной правовой доктрины в отношении правового положения.

В первую очередь следует обратить внимание на исследования Р.Б. Гандалоева, посвященные институту гражданства и правовому статусу гражданина. Как указывает исследователь, основными критериями статуса гражданина являются «отношение к государству как

к родному дому, понимание сопричастности собственной судьбы и страны, знание прав и свобод, а также обязанностей перед государством»¹. Следовательно, каждый гражданин обязан знать свои права и свободы независимо от того, где он находится: на воле либо в исправительном учреждении.

В целом, термин «правовое положение» индивида (или его правовой статус) включает в себя действительное социальное положение такового, формируемое на основе отдельных правовых норм и зависящее от конкретных условий социального функционирования (духовных, экономических, а также политических и пр.)²

Позиция отечественной правовой доктрины в аспекте правового положения субъектов, которые отбывают вмененное судебным приговором лишение свободы, сводится к его рассмотрению в качестве составного понятия.

Исследователь С.М. Зубарев рассматривает структуру данного явления в качестве общности четырех компонентов, образующих соответствующие пары³:

- первым из таких компонентов выделяются обязанности осужденных субъектов;
- следующим — имеющиеся у них права;
- третьим — законные интересы;
- последним — вменяемые им правовые ограничения.

Указанный исследователь понимает законные интересы в качестве имеющихся у осужденного субъекта стремлений, сформулированных в законодательных положениях, к получению отдельных общественных благ. Обычно, практическое удовлетворение таких стремлений предваряет оценивание текущего поведения субъекта, осуществляемое компетентными органами.

По мнению другого исследователя, структура правового положения содержит в себе такие независимые компоненты как права осужденных лиц, имеющиеся у них законные интересы, а также вменяемые отдельные обязанности. Второй элемент (т.е. законные интересы) определяется В.И. Селиверстовым аналогично вышепредставленной дефиниции⁴.

Схожее мнение относительно содержания правового положения высказывают В.Н. Орлов⁵ и В.Е. Южанин⁶, представляющие осужденного субъекта как непосредственного обладателя конкретных прав, соответствующих законных интересов, а также отдельных обязанностей.

В рассматриваемом аспекте понимания законных интересов субъекта, осужденного судебным приговором, представляется интересным представить позицию Г.Л. Минаков, характеризующуюся предметностью и широтой анализа⁷. Так, обозначенный исследователь утверждает, что для категории законных инте-

ресов присущи качества наличествующей у осужденного лица правовой возможности, поддерживаемой в некоторой мере со стороны публично-правового субъекта. Аналогичное мнение он высказывает и о сущности субъективных прав такого лица. Одновременно автор подчеркивает разность между правовым потенциалом возможности, заключенной в сущности законного интереса, с одной стороны, и возможности, исходящей из содержания субъективного права, гарантируемой нормативной неопределенностью, взятой на себя администрацией соответствующего исправительного учреждения. Речь идет о дифференциации возможности в форме дозволенности не гарантированной обязанностью исполнения администрацией, выражающуюся в конкретном стремлении субъекта (законный интерес), и возможности в форме дозволенности, гарантированной соответствующей обязанностью (имеется в виду субъективное право). Иными словами, рассматриваемый исследователь сравнивает законный интерес, с одной стороны, и дозволенность, не входящую в круг непосредственных обязанностей администрации учреждения, с другой, ставя между ними знак тождества. Подобная позиция ведет к недопустимости причисления законных интересов к компонентам структуры правового положения рассматриваемых осужденных субъектов.

А.И. Зубков высказывает конструктивное предложение о целесообразности выделения сути конструкта «законный интерес» осужденных за пределы ограниченного понятия их «субъективных прав», объясняя такой подход недопустимостью лимитирования первого термина исключительно стремлением субъекта к получению конкретных благ. Данная позиция не предполагает отсутствие данного элемента в структурном составе понятия «правовое положение» ввиду полного поглощения такового конструкцией состава «права осужденного»⁸.

Общим моментом представленных позиций выступает понимание законных интересов как непосредственного стремления осужденных субъектов к получению отдельных благ. Иными словами, рассматриваемое понятие является своеобразным симбиозом, включающим в себя субъективное и объективное, при котором первое имеет форму личностного стремления, не подлежащего нормативному

регулированию, а второе — регламентируется законодательными положениями (а именно, права таких субъектов и вменяемые им обязанности).

Как отмечают А.П. Скиба, Н.С. Малолеткина, в настоящее время существует проблема общественного контроля за соблюдением прав заключенных, содержащихся в ИУ. В первую очередь, такой контроль «необходим для соблюдения законности в работе сотрудников ИУ, выполнении ими обязанностей в рамках закона, а также для непосредственного общения с осужденными по поводу их жалоб на возможные нарушения прав и свобод в период отбывания наказания».⁹ Однако на законодательном уровне «отсутствует четкая привязка деятельности соответствующих субъектов осуществления общественного контроля с их исправительным воздействием в отношении осужденных»¹⁰.

Кроме этого А.П. Скибой поднимались вопросы обеспечения карантина в отношении заключенных в условиях Covid-19. Ученым отмечено, что в УИК РФ отсутствует термин «карантин», а наличие эпидемии (в данном случае коронавирусной инфекции) согласно уголовно-исполнительного законодательства не является основанием для введения режима особых условий в ИУ¹¹.

Структура правового положения индивида имеет несколько уровней: общий. Данный уровень включает конституционно-правовой статус индивида; родовой. Этот уровень регулирует соответствующие взаимоотношения конкретной группы субъектов, предоставлением им прав, реализацию свобод, а также законных интересов, практическое соблюдение вмененных обязанностей; индивидуальный. Суть данного уровня взаимосвязана с вышеобозначенными правами, обязанностями и пр. в отношении отдельных субъектов¹².

Первый уровень составляет фундамент второго, исходной основой которого, в свою очередь, выступают многовариативные общественные характеристики, наличествующие у индивида. При этом второй уровень является обязательным источником третьего, индивидуального уровня. Именно в этом и заключается их взаимосвязь.

Отечественная правовая доктрина не сформировала общей единой позиции по поводу

непосредственных компонентов структуры рассматриваемого понятия. Отдельные исследователи (А.Г. Братко, В.А. Кучинский) настаивают на различных элементах, включаемых в его состав. Вариативность таких категорий исчисляется десятками (в частности, правоспособность, юридическая ответственность, а принципы, гражданство и пр.)^{13, 14} Несмотря на разность мнений, неоспоримыми компонентами анализируемого правового положения называют права осужденных, а также вменяемые им обязанности. Поскольку обозначенные категории выделяются всеми авторами, остановимся на них более конкретно.

Исходя из правовой природы таких конструкций как правосубъектность и гражданство индивида, они представляются внешними формами закрепления компонентов, входящих в структурный состав правового положения рассматриваемых лиц.

Первая из обозначенных выше конструкций выражает наличествующую у индивида способность являться субъектом существующих правоотношений. Она имеет сложный состав из нескольких компонентов: правоспособности, означающей наличие у обладающего ей субъекта иметь права, и дееспособности, выражающей возможность такого лица самостоятельно эти права осуществлять¹⁵.

Вторая конструкция отображает крепкую и постоянную правовую взаимосвязь между индивидом, с одной стороны, и публично-властным субъектом, с другой. Такая связь является исходным основанием появления у обеих сторон данных отношений корреспондируемых прав, а также обязанностей. Анализируемая правовая связь дифференцируется в зависимости от уровня устойчивости ее существования и предусматривает несколько отдельных категорий, а именно: граждан конкретного государства, субъектов, не имеющих гражданства, а также иностранцев. Выделенная градация распространяется и на субъектов, которые осуждены судебным приговором к лишению свободы. Текущее отечественное законодательство устанавливает равные права и обязанности для всех трех категорий осужденных, кроме непосредственно оговоренных в нем изъятий и ограничений, распространяемых на субъектов, не имеющих гражданства, а также иностранцев. Об этом напрямую указано в ст. 24 УИК РФ¹⁶.

Субъективное право — законодательно оформленная возможность, поддерживаемая гарантиями со стороны публично-властного субъекта, получения конкретных благ и реализации отдельных действий. Критерий субъективности, имеющийся в данной конструкции, определяет самостоятельность индивида в желании или нежелании использования предоставленного ему конкретного права.

Понятие юридической обязанности сводится к требуемому от индивида поведению (как активному, предполагающему конкретные действия, так и пассивному, при котором следует отдельных действий избегать), направленному на управомоченного субъекта, и закреплению законодательно.

Наряду с выделенными компонентами, наблюдается повышение интереса к понятию «законные интересы», объединяющему в своем составе отдельные потребности субъекта, выходящие за пределы нормативно определенных прав и свобод, но включенные в круг законодательно охраняемых. Фактически, такие интересы представляют собой исходную ступень, предшествующую становлению нового субъективного права. Однако, поскольку они все же являются своеобразными «предправами», у них отсутствуют корреспондирующие обязанности и строго сформулированные правовые гарантии, что влияет на возможность полноценной защиты таковых¹⁷. Различием между рассматриваемыми и прочими интересами выступает правовая охрана первых.

Актуальность конструкции «законные интересы» как элемента гарантий правового статуса рассматриваемой категории субъектов обуславливается направленными действиями законодателя, который закрепляет за ними скорее возможности самостоятельного выбора конкретного поведения, нежели отдельные права. Как правило, такие возможности мотивируют осужденных к определенному поведению, обуславливая таковое предоставлением более комфортных условий содержания в исправительном учреждении¹⁸.

Исходным фундаментом формирования правового положения рассматриваемых в настоящей работе лиц выступают положения ст. 10 УИК РФ. Данная норма устанавливает обозначенный конструкт при помощи применения предусмотренных законодателем ограничений

и изъятий к основополагающему статусу российского гражданина.

Такие ограничения отличают правовое положение лиц, относящихся к категории осужденных, от всех прочих субъектов, не имеющих отношения к процессу уголовного судопроизводства. Другим отличием выступает особая совокупность прав и вмененных обязанностей, обусловленных применением к таким лицам уголовного наказания.

Способы установления соответствующих ограничений прав осужденных дифференцируются Р.С. Джинджолия на два вида: прямой и косвенный¹⁹. Первый способ устанавливается положениями уголовного закона в непосредственном описании предусматриваемого за преступное деяние наказания. Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ такие ограничения включают в себя конкретные лишения, а также ограничения наличествующих прав соответствующих субъектов и их свобод. Второй способ предусматривает формирование для осужденного субъекта условий, препятствующих реализации им определенного права (при отсутствии конкретного лишения данного права содержательной частью судебного приговора).

Основные права рассматриваемых в настоящей работе лиц, их законные интересы, а также вменяемые отдельные обязанности, предусматриваются положениями, регламентирующими аспекты практического исполнения назначенного наказания. Текущее уголовно-исправительное отечественное законодательство дифференцирует их посредством объединения в несколько отдельных групп: первая категория охватывает сферу устанавливаемого режима; следующая — проводимую с субъектами воспитательную работу; третья категория включает социально полезную работу; последняя — образование, а также профподготовку. Отдельными теоретиками (И.В. Лапытов, Д.В. Горбань) дополнительно определяются две важные, по их мнению, сферы, а именно: категория материально-бытового обеспечения таких субъектов, а также категория медико-санитарного обслуживания²⁰.

Критерием дифференциации законных интересов представляется стремление субъектов к перманентному удержанию достигнутого ценной определенной поведения правового положения. Так, положениями ч. 2 ст. 120 УИК РФ

устанавливается возможность смены условий с обычных в пользу облегченных при условии, что в течение полугодового периода отбывания наказания субъект проявит добросовестность и прилежность в труде и соблюдении текущих режимных правил. Соответственно, сами лица заинтересованы в выполнении таких условий, чтобы получить более благоприятное правовое положение. На достижении желаемого необходимость приемлемого поведения не пропадает, поскольку теперь задача состоит в сохранении полученных привилегий, так как различные нарушения могут привести к снижению комфортности положения. Иным вариантом содержания законных интересов рассматриваемых лиц выступает практическое осуществление субъективных прав (например, право на получение такими лицами жилплощади после освобождения, а также на гарантированное трудоустройство). Подчеркнем, что текущие экономические возможности публично-властного субъекта недостаточны для реализации обозначенных прав, остающихся исключительно декларативными. Их фактическое разрешение невозможно одномоментно и требует продолжительных направленных усилий.

Исходя из выделенных обстоятельств, законные интересы анализируемых в работе лиц представляют собой особые статусные состояния, достижение которых обуславливается направленным стремлением таких субъектов.

Отдельными исследователями выдвигается идея первоочередного установления в положениях УИК РФ возлагаемых на осужденных субъектов обязанностей, и лишь во вторую очередь имеющихся у них прав. Причиной такой позиции называется неотъемлемая связь между реализацией постановленных перед уголовным наказанием конкретных целей, с одной стороны, и четким и строгим соблюдением рассматриваемыми лицами ограничений, вмененных со стороны публично-властного субъекта, а также неукоснительным выполнением соответствующих обязанностей, с другой²¹. Представляется незначительная трансформационная способность обозначенной меры, поскольку текущая отечественная модернизация законодательной регламентации практического исполнения всех наказаний (включая лишение свободы) ориентируется по большей части именно на обеспечение прав субъектов,

подвергшихся осуждению, а также их законных интересов²².

Второй момент, обуславливающий низкую практическую эффективность рассматриваемой меры, заключается в принятии нашим государством конкретных обязательств международно-правового характера, касающихся обеспечения таких прав, что связывает его необходимостью внедрения критерия гуманизации в аспекте изоляции осужденных лиц, а также определения четкого содержания конструкта «правовое положение» таких субъектов, обеспечения его реализации и достижения соответствующих международных стандартов функционирования такового.

Список источников

1. *Гандалоев Р.Б.* Институт гражданства в Российской Федерации: политико-правовой анализ: автореф. Дис. ... канд. полит. Наук: 23.00.02 / Гандалоев Руслан Баширович. М., 2014. С. 20—21.
2. Уголовно-исполнительное право. Учебник в 2 тт. Т. 1 Общая часть / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2006. С. 348.
3. *Зубарев С.М.* Виды и структура правового статуса осужденных // Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. А.С. Михлина. С. 90.
4. Уголовно-исполнительное право: учебник для высших учебных заведений / под ред. В.М. Анисимова, В.И. Селиверстова. Краснодар, 2003. С. 85.
5. *Орлов В.Н.* Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты. М., 2011. С. 359.
6. *Южанин В.Е.* Уголовно-исполнительные правоотношения: лекция. Рязань, 2000. С. 31.
7. *Минаков Г.Л.* Права и законные интересы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и гарантии их реализации: учебное пособие. М., 1993. С. 8.
8. Содержание правового положения осужденных. Уголовно-исполнительное право России: учебник и основные нормативные правовые акты / под. ред. О.В. Филимонова. М., 2004. С. 47
9. *Малолеткин, Н.С.* Общественный контроль за соблюдением прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: некоторые вопросы / Н.С. Малолеткина, А.П. Скиба // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики. М.: Московский гос. лингв. Ун-т, 2020. С. 146.
10. *Скиба А.П.* Обеспечение карантина в отношении осужденных к лишению свободы по уголовно-исполнительному законодательству: постановка проблемы / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15(1-4), № 2. С. 148—150.
11. *Конегер П.Е.* Законные интересы осужденных к лишению свободы, их понятие и соотношение с правовым статусом / П.Е. Конегер // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 185—190.
12. *Братко А.Г.* Правовой статус физических лиц и организаций // Теория права и государства. Учебник. М., 1997. С. 76.
13. *Кучинский В.А.* Личность, свобода, право. М., 1978. С. 115.
14. Общая теория права и государства: учебник для вузов / под ред. В.В. Лазарева. М., 1999. С. 123—126.
15. *Джинджолия Р.С.* Уголовное право. Общая часть. М., 2017. С. 155.
16. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 112
17. Уголовно-исполнительное право. Учебник в 2 тт. Т. 1 Общая часть / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань:
18. Академия права и управления ФСИН, 2006. С. 349.
19. *Джинджолия Р.С.* Уголовное право. Общая часть. М., 2017. С. 156
20. *Горбань Д.В.* О правовом положении осужденных, проживающих за пределами исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института, 2013. № 2 (15). С. 68—69;
21. *Латыпов И.В.* Понятие и сущность правового положения осужденных в современной России // Вестник Владимирского юридического института, 2017. № 1. С. 42.
22. *Горбань Д.В.* О правовом положении осужденных, проживающих за пределами исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института, 2013. № 2 (15). С. 68—69;
23. *Латыпов И.В.* Понятие и сущность правового положения осужденных в современной России // Вестник Владимирского юридического института, 2017. № 1. С. 42.
24. *Жиров И.И.* К вопросу о содержании правового статуса осужденных к лишению

свободы / И.И. Жиров, Р.М. Абазов // Отечественная юриспруденция. 2018. № 2. С. 70—73.

23. *Беляева Л.И.* О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие. // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1-4). № 3. С. 310—323.

24. *Грудцына Л.Ю.* Формирование пенитенциарного законодательства и пенитенциарной системы России / Л.Ю. Грудцына, С.М. Оганесян, Д.А. Пашенцев. М.: Юркомпани, 2014. 183 с.

25. *Иванов А.А.* Начала дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в виде лишения свободы в России в середине XVI — второй половине XVII в. / А.А. Иванов, Н.Д. Эриашвили // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2016. № 1. С. 104—106.

26. *Кури Х.* Криминологическое прогнозирование в отношении сексуальных и других опасных преступников. Опыт Германии / Х. Кури // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 2 (17). С. 29.

27. *Михаль О.А.* Характер и степень общественной опасности преступления / О.А. Михаль // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4 (35). С. 20—24.

28. *Пушкарева И.А.* Особенности содержания различных категорий осужденных к лишению свободы в зарубежных странах / И.А. Пушкарева, Л.Н. Одинцова // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 59—74.

29. *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России / А.С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮА, 1997. 364 с.

30. Уголовно-исполнительное право России: учеб. для юрид. вузов и ф-тов / под ред. А.И. Зубкова. М.: Изд. группа ИНФРА-М.: НОРМА, 2007. 651 с.

31. Death penalty in 2018: Facts and figures 10. April 2019. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2019/04/death-penalty-facts-and-figures-2018/> (дата обращения: 01.09.2021)

¹ *Гандалоев Р.Б.* Институт гражданства в Российской Федерации: политико-правовой анализ: автореф. Дис... канд. полит. Наук: 23.00.02 / Гандалоев Руслан Баширович. М., 2014. С. 20—21.

² Уголовно-исполнительное право. Учебник в 2 тт. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2006. С. 348.

³ *Зубарев С.М.* Виды и структура правового статуса осужденных // Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. А.С. Михлина. С. 90.

⁴ Уголовно-исполнительное право: учебник для высших учебных заведений / под ред. В.М. Анисимкова, В.И. Селиверстова. Краснодар, 2003. С. 85.

⁵ *Орлов В.Н.* Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты. М., 2011. С. 359.

⁶ *Южанин В.Е.* Уголовно-исполнительные правоотношения: лекция. Рязань, 2000. С. 31.

⁷ *Минаков Г.Л.* Права и законные интересы лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и гарантии их реализации: учебное пособие. М., 1993. С. 8.

⁸ Содержание правового положения осужденных. Уголовно-исполнительное право России: учебник и основные нормативные правовые акты / под ред. О.В. Филимонова. М., 2004. С. 47.

⁹ *Малолеткина Н.С.* Общественный контроль за соблюдением прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: некоторые вопросы / Н.С. Малолеткина, А.П. Скиба // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики. М.: Московский гос. лингв. Ун-т, 2020. С. 146.

¹⁰ Там же, С. 145.

¹¹ *Скиба А.П.* Обеспечение карантина в отношении осужденных к лишению свободы по уголовно-исполнительному законодательству: постановка проблемы / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15(1-4), № 2. С. 148—150.

¹² *Конегер П.Е.* Законные интересы осужденных к лишению свободы, их понятие и соотношение с правовым статусом / П.Е. Конегер // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 185—190.

¹³ *Братко А.Г.* Правовой статус физических лиц и организаций // Теория права и государства. Учебник. М., 1997. С. 76.

¹⁴ *Кучинский В.А.* Личность, свобода, право. М., 1978. С. 115.

¹⁵ Общая теория права и государства: учебник для вузов / под ред. В.В. Лазарева. М., 1999. С. 123—126.

¹⁶ *Джинджолия Р.С.* Уголовное право. Общая часть. М., 2017. С. 155.

¹⁷ *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 112

Уголовно-исполнительное право. Учебник в 2 тт. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Рязань:

¹⁸ Академия права и управления ФСИН, 2006. С. 349.

¹⁹ *Джинджолия Р.С.* Уголовное право. Общая часть. М., 2017. С. 156.

²⁰ *Горбань Д.В.* О правовом положении осужденных, проживающих за пределами исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института, 2013. № 2 (15). С. 68—69; *Латыпов И.В.* Понятие и сущность правового положения осужденных в современной России // Вестник Владимирского юридического института, 2017. № 1. С. 42.

²¹ *Горбань Д.В.* О правовом положении осужденных, проживающих за пределами исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института, 2013. № 2 (15). С. 68—69; *Латыпов И.В.* Понятие и сущность правового положения осужденных в современной России // Вестник Владимирского юридического института, 2017. № 1. С. 42.

²² *Жиров И.И.* К вопросу о содержании правового статуса осужденных к лишению свободы / И.И. Жиров, Р.М. Абазов // Отечественная юриспруденция. 2018. № 2. С. 70—73.

УДК 343
ББК 67

© А.А. БОРСУЧЕНКО. 2022

Проблемы противодействия рейдерству в Российской Федерации

Антон Анатольевич БОРСУЧЕНКО,
студент 5 курса Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва

E-mail: bca38@mail.ru

Научная специальность: 5 — Социальные и гуманитарные науки. 5.1 — Право.
5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Для цитирования. А.А. БОРСУЧЕНКО. Проблемы противодействия рейдерству в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 12—15.

Аннотация. Латентный характер рейдерства (рейдерских захватов) актуализирует необходимость рассмотрения правовых проблем, связанных с противодействием этому негативному явлению. В статье с авторских позиций раскрывается понятие и признаки рейдерства; разграничиваются по содержанию термины «рейдерство» и «враждебное (недружественное) поглощение» компании; проанализированы проблемные вопросы квалификации и установления уголовной ответственности за неправомерные деяния лиц, осуществляющих рейдерский захват; предложены меры по противодействию рейдерству

Ключевые слова: акционер, инвестор, конгломератная сделка, реорганизация, экономическая деятельность, юридическое лицо.

Problems of counteracting raiding in the Russian Federation

Anton Anatolyevich BORSUCHENKO,
5th year student All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow

E-mail: bca38@mail.ru

Abstract. The latent nature of raiding (raider seizures) actualizes the need to consider legal problems related to counteracting this negative phenomenon. The article reveals the concept and signs of raiding from the author's point of view; the terms «raiding» and «hostile (hostile) takeover» of a company are differentiated in content; the problematic issues of qualification and establishment of criminal liability for illegal acts of persons carrying out raider capture are analyzed; proposed measures to counter raiding

Keywords: shareholder, investor, conglomerate transaction, reorganization, economic activity, legal entity

Рейдерство, как противоправное явление, представляет угрозу экономической безопасности России, а его коррупционная составляющая — национальной безопасности государства. Развитие современных рыночных отношений сопровождается процессом передела собственности в условиях конкурентной борьбы хозяйствующих субъектов, для которой характерны как легальные (законные), так и противоправные методы. Одним из распространенных методов передела собственности

является корпоративный захват, результатом которого служит слияние либо поглощение участников корпоративных отношений.

В настоящее время термин «рейдерство» на законодательном уровне не закреплен. Данное понятие связано с незаконным захватом чужого имущества¹. В переводе с английского языка «raid» означает внезапное нападение. В ряде зарубежных стран (Италии, Германии, США, Франции) рейдерство рассматривается как поглощение активов фирмы либо бизнеса.

Корпоративное объединение (слияние) носит недружественный характер, однако данная деятельность не всегда влечет установление ответственности, поскольку сделки слияния и поглощения могут быть связаны с необходимостью расширения новых рынков, бизнеса, увеличения объема продаж или обеспечения конкурентного преимущества².

Поглощения могут быть как «дружественные», когда слияние происходит по соглашению сторон и не образуется новое юридическое лицо. Такие сделки нередко носят конгломератный характер, объединяя деятельность юридических лиц из разных отраслей экономики для повышения устойчивости объединенного юридического лица³. А также «недружественные», имеющие «враждебный» противоправный характер. К процессам слияний, поглощений и иным преобразованиям корпораций применяются общие положения гражданского законодательства о реорганизации юридического лица, однако соответствующие нормы ориентированы на добросовестных субъектов корпоративных отношений.

В юридической литературе нет единого взгляда на содержание терминов «рейдерство» и «враждебное (недружественное) поглощение».

Враждебное поглощение и рейдерство представляют собой разные явления. Реализуемое в рамках правового поля враждебное поглощение имеет целью повышение финансовых результатов поглощающей организации, обеспечение ее конкурентного преимущества и стратегического развития. Высказывается точка зрения, что под враждебным поглощением следует понимать действия руководства поглощающей организации по созданию финансовых условий, в которых собственники поглощаемой организации вынуждены продать свою долю и (или) ликвидировать организацию⁴.

В свою очередь рейдерство, всегда реализуемое вне действующего законодательства, направленно на получение единовременного дохода от приобретения чужих активов с целью их дальнейшей ликвидации. В то время как враждебное поглощение реализуется исключительно экономическими действиями поглощающей организации, рейдерство возможно реализовывать разными способами.

Проблемы добросовестного приобретателя решаются в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства. Именно совершенствование гражданского и корпоративного законо-

дательства с целью предотвращения корпоративных конфликтов и противодействия «недружественным поглощениям» должно способствовать стабильности работы предприятий, в том числе целых отраслей экономики, обеспечить защиту прав и законных интересов акционеров и инвесторов, определить спектр применения мер уголовно-правового воздействия.

«Рейдерство» или «рейдерский захват» следует рассматривать как общественно опасное противоправное действие (бездействие), которое представляет собой сосредоточение контроля над юридическим лицом либо имуществом (активами) данного юридического лица, осуществляемое вопреки его волеизъявлению. В результате чего причиняется вред правам и законным интересам собственников юридического лица.

К признакам рейдерского захвата следует отнести: общественную опасность (риск); свершение деяния в форме действия (бездействия); причинение вреда юридическому лицу (преступления с материальным составом); установление неправомерного контроля над юридическим лицом либо завладение правом на имущество (активы) данного юридического лица.

Учитывая, что действия, связанные с рейдерскими захватами, посягают на достаточно широкий круг общественных отношений, охраняемых уголовным законом (собственность, интересы экономической деятельности, порядок управления и т.д.), а формы таких деяний многообразны, объединить все эти преступления в рамках одного состава невозможно.

Однако некоторые авторы предлагают криминализировать данное деяние, закрепив в главе 22 УК РФ самостоятельную норму, предусматривающую уголовную ответственность за рейдерские захваты⁵. Такая позиция, на наш взгляд, представляется спорной.

Группы статей, по которым возможно квалифицировать действия рейдеров, не связаны друг с другом, и это вызывает сложности при квалификации преступлений.

Зачастую такие преступные действия не охватываются диспозицией ст. 159 УК РФ, наиболее часто вменяемой следствием. Рейдеры, оказывая психическое и физическое воздействие на акционеров, заставляют продавать свои акции, тем самым совершают принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ). Кража реестра и других документов юридического лица образует

состав незаконного получения сведений, составляющих коммерческую тайну (ст. 183 УК РФ), а представление в регистрационные органы поддельных документов — это похищение документов и их подделка (ст. 324, 327 УК РФ). В свою очередь, нотариусы, заверившие поддельные документы, отвечают за соучастие в преступлениях, в том числе частные нотариусы — по ст. 202 УК РФ (злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами), а также за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). К этому перечню можно еще добавить ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ.

Исходя из анализа судебно-следственной практики, возможна квалификация действий, сопровождающих корпоративный захват, и по другим статьям УК РФ: грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ). Преступления, сопряженные с рейдерскими захватами, могут совершаться и в налоговой сфере.

Нередко рейдерство становится возможным благодаря наличию коррупционных связей. «Помощь» рейдерам со стороны должностных лиц может квалифицироваться как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Возбуждение «заказных» уголовных дел против руководителей намеченной к поглощению коммерческой структуры есть не что иное, как привлечение заведомо невиновного человека к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ). Вынесение заведомо неправосудного судебного акта, обеспечивающего легитимность рейдерского захвата, влечет ответственность по ст. 305 УК РФ.

Возможно также привлечение к уголовной ответственности за преступления против личности.

При систематизации составов преступлений можно установить только примерный перечень норм УК РФ, которые могут быть применены при квалификации неправомερных деяний лиц, осуществляющих рейдерский захват.

Противоправные действия могут быть завершены на разных стадиях в зависимости от целей, потенциала и настойчивости «захватчиков», а также момента, на котором он может быть пресечен. В то же время неоконченный

процесс захвата может образовывать самостоятельные оконченные составы преступлений. А в некоторых случаях процесс завладения имуществом может исключать некоторые стадии.

В целом стадии рейдерского захвата компании могут образовывать, а могут и не образовывать состав какого-либо преступления. Поэтому для систематизации анализируемых правонарушений необходимо определить существенные признаки рейдерства.

Рейдерство, как вид криминальной деятельности, носит организованный характер, совершается с использованием пробелов и коллизий законодательства, с привлечением коррупционных и силовых ресурсов. В 2021 году 40% предпринимателей заявили о рейдерских атаках на их компании⁶. По оценкам экспертов, ежегодно в стране происходит до 70 тысяч рейдерских захватов⁷.

Согласно данным Национального антикоррупционного комитета России, ежегодно происходит до 730 тысяч рейдерских захватов. Однако, только по 10—16% возбужденных уголовных дел рассматриваемой категории выносятся судебные решения. Это связано как с несовершенством уголовного законодательства, так и проблемами правоприменительной практики⁸.

Статистические данные Следственного комитета в 2020 году свидетельствуют о том, что количество уголовных дел о рейдерских захватах предприятий в России выросло за год на 135%. В 2019 году было возбуждено 101 уголовное дело по данной категории⁹.

Несмотря на динамику роста численности зарегистрированных преступлений, сопряженных с рейдерством, правоохранительными органами, внутриведомственная статистика указывает на то, что в большинстве случаев проверка в порядке ст. 145 УПК РФ завершается вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии события или состава преступления (п. 1 или п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Квалификация данного деяния включает в себя как реальную, так и идеальную совокупность нескольких составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством, что обуславливает необходимость совершенствования законодательства с целью создания механизмов противодействия противоправным захватам имущества. В связи с этим требуется комплексное совершенствование правового регулирования общественных отношений, воз-

никающих в связи с разрешением корпоративных споров, ведением реестра ценных бумаг, процедурами учреждения и ликвидации юридических лиц, а также привлечением к ответственности лиц, совершивших правонарушение в целях захвата имущества юридического лица.

Считаем необходимым криминализировать в качестве самостоятельного состава преступления против собственности силовой захват недвижимого имущества, повлекший переход права собственности, а также в качестве квалифицирующего признака данного деяния установить ответственность для специального субъекта (использование лицом своего служебного положения).

В целом надо отметить, что нормы УК РФ недостаточно адаптированы к специфике рассматриваемой категории преступлений. Противодействие рейдерству требует системного совершенствования гражданского, корпоративного, антимонопольного, административного и уголовного законодательства Российской Федерации в части создания эффективной нормативно-правовой основы. Меры противодействия рейдерских захватов также должны включать деятельность по профилактике преступлений, направленную на их предупреждение и предотвращение, которые часто сопровождают рейдерство.

Список источников

1. *Хамитов Б.Н.* К вопросу о понятии и основных признаках рейдерства // *Право и государство*. 2021. № 1 (90). С. 40—53.
2. *Зотова Е.К.* Регулирование сделок, ведущих к смене корпоративного контроля, в условиях конкуренции государств за инвестиции // *Хозяйство и право*. 2019. № 9 (512). С. 41—56.
3. *Восканян Р.О.* Реализация стратегии роста стоимости инновационной компании посредством конгломератных сделок // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 1(400). С. 54—60.
4. *Восканян Р.О.* Экономическая сущность враждебного поглощения организации // *Экономика: теория и практика*. 2018. № 1(49). С. 21—25.
5. *Абдулмуслимов М.А.* Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерских захватов): дисс. канд. юрид. наук. М., 2015. С. 15—17.

6. *Харитонов А.Н.* Правовое регулирование противодействия рейдерству // *Административное и муниципальное право*. 2015. № 1 (85). С. 38.

References

1. *Khamitov B.N.* To the question of the concept and main features of raiding // *Law and State*. 2021. No. 1 (90). pp. 40—53.
2. *Zotova E.K.* Regulation of transactions leading to a change in corporate control in the conditions of state competition for investments // *Economics and Law*. 2019. No. 9 (512). pp. 41—56.
3. *Voskanyan R.O.* Implementation of the growth strategy of the value of an innovative company through conglomerate transactions // *Economic analysis: theory and practice*. 2015. No. 1 (400). pp. 54—60.
4. *Voskanyan R.O.* Economic essence of a hostile takeover of an organization // *Economics: theory and practice*. 2018. No. 1(49). pp. 21—25.
5. *Abdulmuslimov M.A.* Countering corruption in the field of unfriendly corporate mergers and acquisitions (raider takeovers): diss. candidate of legal sciences. M., 2015. S. 15—17.
6. *Kharitonov A.N.* Legal regulation of counteraction to raiding // *Administrative and municipal law*. 2015. No. 1 (85). S. 38.

¹ *Хамитов Б.Н.* К вопросу о понятии и основных признаках рейдерства // *Право и государство*. 2021. № 1 (90). С. 40—53.

² *Зотова Е.К.* Регулирование сделок, ведущих к смене корпоративного контроля, в условиях конкуренции государств за инвестиции // *Хозяйство и право*. 2019. № 9 (512). С. 41—56.

³ *Восканян Р.О.* Реализация стратегии роста стоимости инновационной компании посредством конгломератных сделок // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. № 1(400). С. 54—60.

⁴ *Восканян Р.О.* Экономическая сущность враждебного поглощения организации // *Экономика: теория и практика*. 2018. № 1(49). С. 21—25.

⁵ *Абдулмуслимов М.А.* Противодействие коррупции в сфере недружественных корпоративных слияний и поглощений (рейдерских захватов): дисс. канд. юрид. наук, М., 2015. С. 15—17.

⁶ Рейдерские атаки на компании в 2021 году // <https://www.uk-prioritet.ru/presscenter/articles/reiderskaya-ataka/>

⁷ Незаконный захват чужой собственности — нужно ли искать защиту? // <https://www.advo24.ru/publication/nezakonnyu-zakhvat-chuzhoj-sobstvennosti.html>

⁸ *Харитонов А.Н.* Правовое регулирование противодействия рейдерству // *Административное и муниципальное право*. 2015. № 1(85). С. 38.

⁹ За год число дел о рейдерских захватах в России выросло на 135% // <https://tass.ru>

УДК 343.9
ББК 67.52

© А.Ф. ВОЛЫНСКИЙ. 2022

Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста)

Александр Фомич ВОЛЫНСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, профессор кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета

E-mail: office@unity-dana.ru

Научная специальность: 5.1.4 — Право. Уголовно-правовые науки

Для цитирования. А.Ф. ВОЛЫНСКИЙ. Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 16—28.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности возникновения и развития судебно-экспертной и экспертно-криминалистической видов деятельности в России, их организации и правовой регламентации в условиях социальных явлений, происходивших в нашей стране в XX веке; анализируются причины возникновения межведомственных противоречий в отношении этих видов деятельности и последствия до сих пор продолжающихся попыток их разрешения с позиции межведомственного противостояния. Делается вывод о необходимости формирования единой государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства; излагаются предложения о возможном подходе к решению этой проблемы

Ключевые слова: история, криминалистика, судебная экспертиза, Минюст, МВД, Прокуратура, идеологизированная кампания, интеграция, дифференциация, бесплодные дискуссии, разрушительные последствия

Forensic examination before the «court of history» (the expert opinion)

Alexander Fomich VOLYNSKY,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Professor of the Department of Forensic and Operational Investigative Activities of the Faculty of Training Criminologists of the Moscow Academy of the Investigative Committee

E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of the emergence and development of forensic and forensic activities in Russia, their organization and legal regulation in the context of social phenomena that occurred in our country in the XX century; analyzes the causes of interdepartmental contradictions in relation to these activities and the consequences of still ongoing attempts to resolve them from the position of interdepartmental confrontation. It is concluded that it is necessary to form a unified state system of scientific and technical support for criminal proceedings; proposals are made on a possible approach to solving this problem

Keywords: history, criminology, forensic examination, Ministry of Justice, Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Office, ideologized campaign, integration, differentiation, fruitless discussions, destructive consequences.

История — это не перечень явлений, событий, дат. В ней прослеживается связь настоящего с прошлым, ориентиры на будущее, история учит тех, кто умеет извлекать из нее уроки

1. Исследователи истории отечественной криминалистики и судебной экспертизы непременно вспоминают факты использования специальных знаний в судебно-следственной практике древней Греции и стран юго-восточной Азии (Индия, Китай и др.). В литературных источниках и правовых документах Российской империи такие факты отмечаются, начиная с XVI века. В основе своей при этом описываются отдельные случаи, например, использования помощи лекаря (специалиста-медика) для установления причин смерти, приходского писаря или учителя — для «сличения» почерков и т.п.

Однако уже в XVIII веке отмечаются факты правового решения вопросов организации исследования доказательств в интересах следствия. Так, в Положении об Академии наук Российской империи, утвержденном Екатериной Первой, содержалось предписание, обязывающее это учреждение давать заключения по вопросам, возникающим в деятельности государственных органов. Известны факты проведения исследований в интересах следственных органов М.В. Ломоносовым и другими выдающимися академиками того времени.

Судебно-медицинские исследования проводились в Медицинском совете МВД России (создан в 1802 году); исследовать денежные знаки была обязана Экспедиция заготовки денежных знаков (создана в 1818 году). В своде уголовного законодательства (1832 год) введено понятие «сведущие люди», правовое положение которых определялось в Уставе уголовного судопроизводства (1864 год) [1,2]. Однако говорить при этом о системно определенной организации и правовой регламентации использования достижений науки и техники в раскрытии и расследовании преступлений пока не было оснований.

Определенность и основательность в этот процесс были внесены целевыми разработками методов и средств борьбы с преступностью на основе достижений естественных и технических наук. Так, начиная с середины XIX века, широкое признание получает светопись («фотография») — изобретение Ж. Ньелса и Ж. Дагера (Фр.); их соотечественник А. Бертильон разработал антропологическую (приметописательную) регистрацию преступников, в том числе с использованием фотосъемки; ан-

личанин В. Гершель открыл криминалистическую тайну дактилоскопии. На рубеже XIX—XX веков и в нашей стране вводятся антропологическая и фотографическая (1890 год), а затем и дактилоскопическая (1906 год) регистрация преступников [3].

Сначала уголовная регистрация (так она называлась в то время) осуществлялась в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений и отбывающих наказание в местах лишения свободы, которые находились в ведении Минюста России. При этом, естественно, специалисты регистрационных бюро (кабинетов) проводили сравнительные (идентификационные) исследования вновь поступающих объектов с теми, которые уже находились в базе данных.

По существу эти исследования и были первыми криминалистическими (судебными) экспертизами, проводимыми в нашей стране в государственных правоохранительных органах. Однако, спустя 18 лет дано было понять, что уголовная регистрация — это средство, прежде всего, выявления, раскрытия и расследования преступлений, установления и розыска лиц, их совершивших. В 1908 году она была передана в ведение органов полиции [4, 5].

Для осуществления уголовной регистрации в департаменте полиции МВД России было создано Центральное регистрационное бюро, аналогичные бюро (кабинеты) создавались в губернских органах полиции, сотрудники которых стали привлекаться для участия в осмотрах мест происшествия и производстве иных следственных действий. Соответственно, в их распоряжение стала поступать фототехника, средства поиска и изъятия следов преступлений. Фактически это были первые в нашей стране экспертно-криминалистические подразделения (ЭКП), в которых зарождались и приобретали инерцию развития как экспертно-криминалистическая, так и судебно-экспертная виды деятельности.

Вместе с тем уже в то время судебная экспертиза в нашей стране обозначала свое обособленное начало. В 1899 году Е.Ф. Буринский создал частную судебно-фотографическую лабораторию, но через три года вынужден был ее закрыть, поскольку аналогичная по названию, но государственная лаборатория была организована при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты, которая в 1912 году была

преобразована в Кабинет научно-судебной экспертизы [6]. При этом словом «научно» подчеркивалось некое превосходство результатов деятельности данного Кабинета над «ненаучными» экспертизами, проводившимися в органах полиции. Такое противопоставление судебно-экспертной и экспертно-криминалистической видов деятельности получало своеобразное развитие в дискуссии о процессуальной независимости судебного эксперта, которая выражалась порой в разрушительных организационных и правовых мерах по отношению в целом к системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

2. Являясь процессуально признанным, публично воспринимаемым средством доказывания, судебная экспертиза изначально приобрело особую значимость в уголовном судопроизводстве. Как следствие, уже в советское время (1919 год) в Центр розыска создается Кабинет судебных экспертиз (правда, без слова «научно»). Но буквально через два года (1922 год) он был преобразован в научно-технический подотдел, а затем и в отдел (НТО). При этом существенно расширился круг решаемых им задач. Кроме производства криминалистических (судебных) экспертиз, его сотрудники принимали участие в осмотрах мест происшествий, в производстве иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, вели «уголовную регистрацию», то есть осуществляли научно-техническое обеспечение раскрытия и расследования преступлений в самом широком его смысле [7].

3. Научно-технические отделы милиции были созданы практически во всех регионах страны, а по существу таким образом «реанимировалась» ранее действовавшая в Минюсте России, а затем в органах полиции система регистрационных бюро, с теми же задачами и функциями, но с иным их названием. Впрочем, их название много раз изменялось и позже (НТО, ОТО, ЭКП), как и их место в системе правоохранительных органов. Особенно наглядно организационная «суэта» проявилась на уровне центральных подразделений этой системы.

Созданный на базе НТО Главного управления милиции МВД СССР НИИ криминалистики (1945 год), где проводились повторные, более сложные судебные экспертизы, преобразован в НИИ милиции (1960 год), а затем во Всесоюзный НИИ МВД СССР (1967 год). При

этом из его задач заключалось производство экспертиз, в том числе для линейных служб центрального аппарата МВД СССР. Сотрудники трех криминалистических отделов, оставшихся в этом Институте, разрабатывали «фундаментальные проблемы судебной экспертизы». Однако потребности следственной практики в экспертных исследованиях доказательств по уголовным делам никто отменить не мог, более того, потребность в них возрастала во времени.

В этой связи было принято решение создать Центральную криминалистическую лабораторию (ЦКЛ) МВД СССР (1969 год), которая в 1977 году преобразована в Центральную научно-исследовательскую (ЦНИКЛ) МВД СССР, действовавшую по Положению о ней на правах института [8]. Но это подразделение, как пример организационной нестабильности всей системы, в 1984 году было ликвидировано, а его штаты переданы во ВНИИ МВД СССР (как говорится, «вернулись на круги своя»), где на ее основе создали «шестую лабораторию», которая после очередных преобразований была выделена из института, объединена с экспертно-криминалистическим управлением МВД, уже Российской Федерации, в виде ныне действующего ЭКЦ МВД России.

Совмещение в данном Центре функции управления, производства судебных экспертиз и осуществления научных исследований объективно предопределило в этой же последовательности приоритеты всего деятельности, а в конечном итоге искажение вектора развития возглавляемой им службы. Основное внимание в ней сконцентрировано на производстве судебных экспертиз, причем явно в ущерб экспертно-криминалистической деятельности, определенной в Федеральном законе «О полиции» (от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ) как одно из основных направлений ее деятельности (ст. 2 п. 2 ч. 12). Однако, спустя уже более 10 лет, не определены и научно не обоснованы методологически важные аспекты этой деятельности: понятие, содержание, система, задачи, методы, средства, организационные формы ее осуществления, наконец, ее соотношение с судебно-экспертной деятельностью [9].

4. Аналогичное положение в нашей стране после Октябрьской революции 1917 года отмечается в истории развития государственных

судебно-экспертных учреждений. Уже в 20-х годах научно-исследовательские институты (лаборатории) криминалистики и судебной экспертизы создаются в Харькове, Одессе, Киеве, Минске, несколько позже — в Алма-Ате (1957 год), Ташкенте (1958 год), а также в ряде юридических ВУЗов (Москва, Ленинград, Саратов и др.). В 1944 году была организована первая в системе Минюста СССР Центральная криминалистическая лаборатория, но спустя два года ее передали в состав Всесоюзного института юридических наук, в 1962 году на ее базе создается Центральный НИИ судебных экспертиз, который в 1991 году преобразуется в ныне действующий Федеральный центр судебных экспертиз (ФЦСЭ) Минюста России.

В это время в системе Минюста СССР действовало уже около 50 судебно-экспертных лабораторий и институтов. Однако более 80% судебных экспертиз (в основном криминалистических), назначаемых в стране по уголовным делам, по-прежнему проводились в НТО милиции, которые в этом отношении практически полностью обеспечивали потребности следственных органов и судов. Естественно, это сдерживало развитие системы судебно-экспертных учреждений Минюста СССР, становилось одной из причин обострения межведомственных противоречий по вопросам организации и правовой регламентации судебно-экспертной деятельности. Такие противоречия в условиях идеологизированной кампании «борьбы с культом личности и преодоления его последствий» (середина 50—60-е годы прошлого века) приобрели характер разрушительных действий, негативные последствия которых проявляются до сих пор.

Скорее предлогом, а не только предметом бескомпромиссных дискуссий стал в то время принцип процессуальной независимости судебного эксперта, соблюдение которого экспертами ОВД категорически исключалось в связи с их «заинтересованностью» в исходе уголовных дел как представителей правоохранительных органов. Более того, «борцы с культом личности в судебно-экспертной деятельности» голословно, бездоказательно обвиняли экспертов НТО милиции в нарушениях социалистической законности и даже в причастности к репрессиям 30-х годов прошлого века [10].

Тогда по незнанию или умышленно игнорировался тот факт, что в 1934 году было создано НКВД СССР, в котором действовали два главных управления — Государственной безопасности и Рабоче-крестьянской милиции. При этом общая штатная численность территориальных подразделений первого более чем в два раза превосходила ее во втором, а из общего количества граждан, приговоренных к высшей мере наказания в 1937—1938 годах, менее девяти процентов составляли те, кто был осужден за общеуголовные преступления (убийства, вооруженные нападения, бандитизм и т.п.).

Не придавалось тогда значения и тому, что репрессии организовывались и осуществлялись по «законам революции», т.е. по социальным признакам (в отношении бывших царских офицеров, служителей религиозных культов, кулаков, просто «врагов народа» и т.п.), а также по политическим признакам, проявлявшимся в борьбе различных группировок партийного руководства. А для их выявления и доказывания их «вины» не были нужны ни экспертизы, ни эксперты [11].

И тем не менее кампания «борьбы с культом личности» приобрела разрушительный характер в отношении органов милиции и находящихся в их ведении НТО. В 1960 году ликвидировано МВД СССР, в созданных республиканских министерствах охраны общественного порядка (МООП) НТО милиции ликвидируются, а штаты их сотрудников, на четверть сокращенные, «скрываются» в оперативно-технических подразделениях (ОТО), где трудились специалисты по связи и оперативной технике [12].

Однако «борцы с культом личности и его последствиями в судебно-экспертной деятельности» на этом не остановились. По их инициативе в 1966 году было принято дополнение к ст. 67 (п. 3а), которым запрещалось назначать экспертизы лицам, участвовавшим в осмотре места происшествия в качестве специалиста по тому же уголовному делу, то есть экспертам ОТО, которые постоянно, как и прежде, привлекались для участия в этом следственном действии. Кстати, заметим, что в это же время приказом Минюста СССР запрещалось судебным экспертам данного министерства принимать участие в следственных действиях.

Таким образом в борьбе за укрепление и дальнейшее развитие системы судебно-экспертных учреждений Минюста СССР (против чего тогда никто не возражал и не возражает сегодня), была фактически уничтожена исторически сформировавшаяся и довольно успешно действовавшая в борьбе с общеуголовной преступностью система НТО милиции — по существу система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства страны.

Ошибочность и даже вредность указанных организационных и правовых решений проявилась буквально в те же годы. Уже в 1967 году восстанавливается союзное МООП (позже переименованное в МВД) СССР; в 1981 году в его системе создается экспертно-криминалистическое управление (ЭКУ), а в территориальных ОВД стали формироваться экспертно-криминалистические подразделения (ЭКП), которые в настоящее время представляют наиболее мощную в системе правоохранительных органов страны экспертно-криминалистическую (а в определенной мере — и судебно-экспертную) службу, с общей штатной численностью сотрудников около 17 тыс. человек.

5. В условиях «борьбы с культом личности» проявилась и приобрела популярность идея «отпочкования» судебной экспертизы от криминалистики в качестве самостоятельной науки. Развитие любой науки характеризуется сложными диалектически взаимосвязанными процессами: интеграцией и дифференциацией знаний. Интеграцией обеспечивается более высокий темп развития научного знания и более успешная его практическая реализация. Интеграция научных знаний выражается в их синтезе либо по предметному принципу, по мере вовлечения в процесс познания новых сфер жизнедеятельности человека, либо по проблемному, связанному с необходимостью решения вновь возникающих проблем теории и практики.

Интеграция научного знания характеризует весь процесс развития криминалистики и зарождавшейся в ней судебной экспертизы. Она определяет их природу как синтезированных прикладных отраслей научного знания. В основе своей для них характерна проблемная интеграция, ориентированная на аккумуляцию и внедрение в следственную практику достижений естественных, технических и гуманитарных наук.

Однако освоение новых областей реальности, расширение и углубление знаний приводит к дифференциации, к дроблению на специализированные области знания. Сама криминалистика (по Г. Гроссу) своим возникновением обязана дифференциации знаний уголовно-правового блока юридических наук, прежде всего, уголовного права и уголовного процесса. Но при этом закладывались предпосылки для будущей дифференциации криминалистических знаний, в частности, вычленения из них научных основ судебно-экспертной деятельности (СЭД) и оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Интеграция и дифференциация научного знания по-разному проявляется в фундаментальных и прикладных науках и, соответственно, приводит к разным последствиям. В прикладных науках дифференциация накопленных знаний закономерно сопряжена с их обеднением в материнской науке, а как следствие, приводит к нарушениям, к разрывам практически значимых интеграционных связей и традиционных организационных форм их практической реализации. Нечто подобное произошло с криминалистикой после отпочкования от нее СЭД и ОРД (60—70-е годы прошлого века) [13].

Само определение предмета криминалистики, данное Р.С. Белкиным и Ю.И. Краснобаевым в 1967 году, с последующими уточнениями, как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках... собирания, исследования и использования доказательств» оказалось в очевидном противоречии с реалиями практики. Трудно себе представить собирание информации о преступлении без оперативно-розыскной деятельности, а ее исследование без судебной экспертизы.

В результате дифференциации криминалистических знаний оказались разорванными практически значимые интеграционные связи с другими науками уголовно-правового блока, в том числе с уголовным правом, уголовным процессом, а также с приобретенными самостоятельностью судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельностью. Такие связи следовало бы формировать вновь на качественно иной, межнаучной основе, но этого пока не произошло.

В результате отмечается противоречивое толкование значения и места криминалистики в системе наук уголовно-правового блока, снижение интереса к ней как к учебной дисциплине в юридических учебных учреждениях. А в настоящее время наглядно проявилась слабая готовность криминалистики к реагированию на вызовы высокотехнологичного криминала. Не готова к таким вызовам, по большому счету, и судебная экспертиза [14].

Следует признать, что отпочкование СЭД от криминалистики способствовало росту ее популярности в общественном сознании правоприменителей, обусловило ее законодательную регламентацию (Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Приобретя научную самостоятельность, разработчики теории СЭД сосредоточили свои усилия на проблемах самосознания, самоутверждения их науки, то есть на определении ее предмета, системы, задач и т.д.

При этом фактически упускается из вида такая основополагающая (стратегическую) цель уголовного судопроизводства, как раскрытие и расследование преступлений. В 60-х — 70-х годах прошлого века фактически все диссертационные исследования по судебной экспертизе завершались, если не главой, то параграфом об использовании ее результатов в раскрытии преступлений или в процессе доказывания. В настоящее время встречаются диссертации по специальности на соискание ученой степени кандидата юридических наук, в которых правовые проблемы даже не упоминаются.

6. Вместе с тем, как отмечалось выше, с момента введения в нашей стране уголовной (криминалистической) регистрации, реально в деятельности правоохранительных и судебных органов обозначилось два направления их научно-технического обеспечения: экспертно-криминалистическое (ЭКД) и судебно-экспертное (СЭД). При этом ЭКД по своей сути и содержанию является поисково-познавательной. Ее основной задачей является собирание (поиск, фиксация, изъятие, анализ) следов преступления — источников розыскной и доказательственной информации, их безотлагательное криминалистическое (подчеркнем, именно криминалистическое) исследование в целях установления факта преступления и лица, подозреваемого в его совершении.

Судебная экспертиза традиционно рассматривается уголовном процессе как средство доказывания [15]. В этом качестве представляется и криминалистическая экспертиза, хотя по своей сути она является важнейшим элементом ЭКД. Между этими направлениями деятельности отмечается тесная взаимосвязь в части их научно-методического обеспечения, используемых при этом методов и средств криминалистического исследования доказательств. Однако для них характерны принципиальные отличия не только по организационно-правовым формам деятельности, но и по тактическим целям и задачам, по средствам и способам их решения, по условиям труда специалистов-криминалистов и судебных экспертов, по содержанию знаний и умений, а следовательно, по профессиональной подготовке и методам обучения [16]. Судя по всему, в этом общем и особенном пока не могут разобраться ни представители юридических наук, ни законодатель. При этом в основе «неразрешимой» проблемы остается дискуссия, возникшая 60 лет назад о том, где эксперты «независимей», а эксперты «научней».

В этом контексте появились и явно дискуссионные проблемы, связанные с весьма произвольным толкованием сущности и назначения судебной экспертизы. С одной стороны, она была низведена до элементарного проверочного действия, проводимого до возбуждения уголовного дела (Федеральный закон № 23-ФЗ от 4 марта 2013 года). С другой стороны, законодательно была признана возможность противопоставления заключению судебного эксперта, данному на основе результатов объективного исследования доказательств, проведенного на основе апробированной экспертной методики, с использованием инструментальных методов и средств, фактически субъективного мнения сведущего лица, представляемого в виде заключения или показаний специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), причем даваемого им не проводя исследование.

В этой уголовно-процессуальной норме некоторые ученые и специалисты отмечают проявления коррупционной составляющей, обусловленной «процессуальной независимостью мнения специалиста», определяемого суммой полученного гонорара». Не замечать этого возможно, лишь закрыв глаза на реалии

судебно-следственной практики и на «специфическую роль» в ней некоторых специалистов.

В этой связи представляется некорректным, если не сказать абсурдным, позаимствованное из зарубежной литературы противопоставление «эксперта обвинения» и «эксперта защиты». При этом вместо сугубо организационного аспекта (по чьей инициативе назначена экспертиза) в условиях состязательности сторон в уголовном процессе, эти понятия толкуются предвзято в отношении объективности и достоверности даваемых ими заключений. Но при этом незамеченным остается опыт ряда зарубежных стран, связанный с законодательным признанием в качестве средства доказывания, наряду с судебной экспертизой, исследования специалиста. Опыт исторически сформировавшийся в странах Евросоюза, который восприняли и внедрили у себя и некоторые восточноевропейские страны, еще будучи в составе «социалистического лагеря» [17].

Такое решение данной проблемы, как отмечалось выше, корреспондируется с системой стадийного уголовного процесса. На каждой его стадии решаются специфические для нее задачи, реализуются необходимые для этого формы деятельности, применяются соответствующие методы и средства. При этом, конечно, учитывается, что на последующих стадиях расследования не только добываются новые и дополнительные доказательства, но и проверяются уже имеющиеся. Иначе говоря, для проверки объективности исследования специалиста при наличии сомнений в достоверности его заключения, может быть назначена судебная экспертиза. Таким образом, существенно сокращаются формально дублируемая работа эксперта-специалиста, расходы на эту деятельность, и соответственно сроки расследования.

7. Не сподвигла на более активное и рациональное решение проблемы СЭД и принятая в 2010 году Комиссией ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию резолюция «О судебно-экспертной деятельности». Положения этой резолюции имплементировали в свое законодательство все бывшие советские республики, в том числе Республика Беларусь и Казахстан (2012—2013 годы). В нашей стране проект соответствующего федерального закона был разработан и рассмотрен в первом чтении в Государственной Думе

РФ еще в 2013 году, но до сих пор остается проектом.

Между тем, по инициативе Генеральной прокуратуры РФ в марте 2018 года вопрос о судебно-экспертной деятельности рассматривался на заседании Комиссии по общественной безопасности Совета безопасности Российской Федерации. В решении этой Комиссии, явно вопреки ожиданиям инициаторов этого мероприятия, выступавших с предложением «запретить производство судебных экспертиз в ЭКП органов полиции», было принято решение о разрешении судебно-экспертной деятельности в других правоохранительных органах.

Результаты анализа судебно-экспертной практики показывают, что основная суть проблемы процессуальной независимости судебного эксперта заключается не в его ведомственной принадлежности, а в уровне его профессионализма и квалификации, в личной порядочности и ответственности. Реальной гарантией объективности и достоверности выводов судебного эксперта является надлежащая проверка и оценка заключения эксперта, как доказательства по уголовному делу, допрос эксперта после дачи им своего письменного заключения, возможности назначения дополнительной, а затем и повторной судебной экспертизы, и наличие альтернативной системы судебно-экспертных учреждений (подразделений), негосударственных экспертных организаций и возможности привлечения в качестве судебных экспертов ведущих ученых и специалистов в любых сферах научного знания.

О расширении возможностей привлечения негосударственных экспертных организаций и экспертов к производству судебных экспертиз по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях свидетельствует и Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 года № 3214, которым утвержден перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебными экспертными организациями. В этот перечень включено всего шесть видов судебных экспертиз — баллистическая, взрывотехническая, психологическая, психиатрическая, пожарно-техническая и экспертиза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ. Таким образом, все остальные

виды экспертиз, в том числе и криминалистические, могут проводиться негосударственными судебно-экспертными организациями и частными экспертами.

Принцип независимости судебных экспертов правоохранительных органов правомерно рассматривать по аналогии с принципом процессуальной независимости следователя, гарантии которого, хотя и подвергаются сомнению, например, в дискуссиях по поводу «обвинительного уклона», но не возводятся в абсолют. Ясно, что в условиях социума ничто и никто не может быть гарантированно независимым.

8. В истории развития ЭКД и СЭД важные страницы вписал Следственный комитет Российской Федерации, приобретший статус самостоятельного ведомства в 2011 году. В нем сохранился и получил развитие, созданный еще в Генеральной прокуратуре СССР (1954 год) институт следователей-криминалистов.

В соответствии с приказом СК России от 8 августа 2013 года № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» следователи-криминалисты обеспечивают надлежащее функционирование передвижных криминалистических лабораторий и эффективное использование технико-криминалистических средств; применяют при производстве следственных действий криминалистическую и специальную технику, средства поиска и аудиовизуальной фиксации орудий, следов преступления и других вещественных доказательств, в том числе, в различных средах; участвуют в организации работы по назначению судебных экспертиз; формируют федеральные и ведомственные учеты, базы данных криминалистической и иной информации о лицах, предметах и фактах, используют банки данных федеральных органов исполнительной власти, анализируют практику и разрабатывают меры по совершенствованию работы следователей СК России.

Следователи-криминалисты фактически выполняют функции как следователей, так и специалистов-криминалистов, но находясь непосредственно в следственном подразделении, делают они это в порядке постоянного сопровождения процесса расследования уголовных дел. При этом их деятельность является образцом гармоничного сочетания соответствующих требований уголовного и уголовно-процес-

суального законодательства с применением научно выверенного инструментария современной криминалистики.

Опыт деятельности следователей-криминалистов СК России заслуживает более основательного изучения и, возможно, распространения в других министерствах и ведомствах, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений. Особенно внимательно к этому опыту следовало бы присмотреться МВД России, где, несмотря на довольно большую общую штатную численность ЭКП ОВД, научно-техническое (экспертно-криминалистическое) обеспечение следственных и оперативно-розыскных подразделений, выверенное с правовой точки зрения, оставляет желать лучшего. В абсолютном большинстве ОВД такие специалисты (эксперты-криминалисты) представлены в одном-двух лицах, а в каждом четвертом их нет вообще.

Эта проблема существенно актуализировалась в современных условиях, когда приходится иметь дело с высокотехнологичной преступностью и на этом же уровне обеспечивать реализацию специальных знаний и профессиональных компетенций сведущих лиц в борьбе с ней. Стремительное распространение киберпреступности оказалось «неожиданным» явлением для правоохранительных органов страны, в том числе для судебно-экспертных учреждений Минюста и ЭКП ОВД системы МВД России.

Повсеместное внедрение стихийно складывающейся на сегодняшний день специализации следователей, дознавателей, оперативных сотрудников по раскрытию и расследованию киберпреступлений — одна из перспективных возможностей адекватного ответа правоохранительных органов страны на современные вызовы высокотехнологичной преступности. При этом, конечно же, необходимо официально закрепить эту специализацию для целенаправленной подготовки специалистов, обладающих знаниями не только в области юриспруденции, традиционных ЭКД и СЭД, но и хотя бы основами знаний в области компьютерной техники и информационных технологий.

9. Важным событием в становлении системы научно-технического обеспечения деятельности следователей СК России явилось законодательное решение вопроса об организации

производства судебных экспертиз в этом ведомстве (Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 224-ФЗ). Сразу же заметим, что принципиально важно, в отличие от МВД России, судебно-экспертные учреждения, во главе с Федеральным государственным казенным учреждением «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (СЭЦ СК России), организационно обособлены не только от следственных подразделений, но и от криминалистической службы данного ведомства. Таким образом, снимается дискуссионная проблема о процессуальной независимости судебного эксперта, обеспечивается более высокий уровень специализации и профессиональной подготовки судебных экспертов.

Учитывая возрастающую роль судебной экспертизы не только в уголовном, но и в гражданском и арбитражном процессе, растущие объемы таких экспертиз в СЭУ Минюста России, есть все основания прогнозировать в перспективе интенсивное развитие судебно-экспертных учреждений СК России, и возможное формирование на их основе межведомственной (для правоохранительных министерств и ведомств страны) системы судебно-экспертных учреждений, как альтернативной системе СЭУ Минюста России. Такая система СЭУ действительно будет выступать своеобразной и довольно действенной коллективной гарантией принципа процессуальной независимости судебных экспертов, а соответственно мотивировать их на повышение своей квалификации и особой ответственности. При этом, что также очень важно, будет оптимизировано размещение таких учреждений по территории страны, а как следствие, минимизированы расходы государства на их технико-приборное оснащение, материальное обеспечение и на подготовку (переподготовку) экспертных кадров.

10. В общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства экспертно-криминалистическая деятельность имеет определяющее значение, в том числе как одно из ключевых условий эффективности судебно-экспертной деятельности. Однако пока законодателем не придается должного значения самому факту существования этой деятельности и правовой оценке ее результатов. Напомним, что в зарубежных странах, в том числе бывших советских республиках, средствами

доказывания признаются не только судебная экспертиза, но и исследования специалиста, проведенные с использованием инструментальных методов и средств, то есть в порядке ЭКД [18].

Территориальным ЭКП ОВД выполняется довольно объемная и значимая для раскрытия и расследования преступлений деятельность, во всяком случае по производству экспертиз и исследований. Вместе с тем, в 2020 году, по сравнению с 2010 годом, заметно (более, чем на 100 тыс.) уменьшилось количество проведенных в ЭКП ОВД судебных экспертиз, снизилось (с 53% до 42%) количество фактов, когда их результаты способствовали раскрытию преступлений. Более, чем в два раза за это же время уменьшилось количество проведенных в ЭКП ОВД исследований (с 1.113.460 тыс. до 528.373 тыс.), как и количество тех из них, которые способствовали раскрытию преступлений (с 631.563 тыс. до 389.051 тыс.). При этом уровень результативности, способствовавшей раскрытию преступлений, справедливости ради заметим, вырос в 57% до 73 %.

Факторы, обусловившие в целом существенное снижение показателей деятельности экспертно-криминалистической службы МВД России за последние 10 лет, имеют как внешне-системные, так и внутрисистемные причины, которые, безусловно, заслуживают отдельного обстоятельного изучения. Однако в контексте предмета данной статьи обращает на себя внимание факт уменьшения в этой связи персональной нагрузки экспертов ЭКП ОВД (примерно на 20—25%) и на явно участвовавшие факты их привлечения к выполнению других служебных обязанностей (патрулирование, дежурство, отдельные поручения и т.п.).

Представляется, что это результат длительного экстенсивного развития экспертно-криминалистической службы МВД России, когда расширялась сеть ЭКП ОВД, увеличилась их штатная численность, совершенствовалось их техническое оснащение, но неизменными оставались организация и правовое регулирование их деятельности. Как и сто лет назад сотрудники ЭКП ОВД выполняют функции и экспертов, и специалистов-криминалистов. Однако узкоэкспертная специализация не гарантирует успешное решение поисково-познавательных задач, например, при осмотре места происшествия, где специалисту

приходится иметь дело со множеством «неизвестных», с разнообразными и по природе, и по механизму образования следами, причем в заранее непредсказуемой обстановке [19].

Осмотр места происшествия — следственное действие в уголовно-процессуальном понимании, а для криминалистики — это объект исследования, осуществляемого с ориентацией на установление обстоятельств совершения преступления и лиц, подозреваемых в его совершении, а в конечном итоге на раскрытие преступления по горячим следам. При этом для безусловного выполнения требований уголовно-процессуального законодательства и надлежащего использования криминалистического инструментария необходима основательная универсальная (а не узкоэкспертная) профессиональная подготовка специалиста.

Более того, в организационно обособленных самостоятельных подразделениях МВД России (НТО, ОТО, ЭКП) эксперты-криминалисты традиционно действовали и действуют в роли «помощников по вызову», выполняя отдельные ситуационные задания следственных органов или оперативно-розыскных аппаратов, но фактически не испытывая ответственной сопричастности к работе по уголовному делу и ответственности за конечный ее результат.

Для судебного эксперта такая форма и стиль деятельности стали нормой. Он в лабораторных условиях осуществляет экспертное исследование по постановлению следователя, изучает представленные для этого объекты, исследует их с помощью уже имеющихся экспертных методик в целях формирования обоснованных выводов — ответов на конкретно поставленные следователем вопросы. Задача специалиста — сопровождать процесс раскрытия и расследования преступлений, находясь в постоянном поиске, оказывать следователю помощь, в том числе инициативно, давать разъяснения по надлежащему использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций. В этом отношении, следует признать, что более рациональна и результативна организация деятельности следователей-криминалистов СК России, действующих непосредственно в составе следственных подразделений.

В заключение есть все основания отметить, что:

1. Судебно-экспертная деятельность в нашей стране прошла длительный и весьма про-

тиворечивый путь своего становления и развития. Решающее значение при этом имели реальные потребности судебной и следственной практики, рассматриваемые через призму общественного прогресса. Существенное и не всегда позитивное влияние на этот процесс оказывали узковедомственные, в основе своей противоречивые, подходы к организационному и правовому обеспечению этой деятельности, приобретающие в условиях идеологизированной кампании «борьбы с культом личности» разрушительный характер по отношению ко всей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Последствия принимавшихся в тех условиях организационных и правовых решений предопределили современное критическое состояние судебно-экспертной деятельности и продолжающиеся до сих пор бескомпромиссные и безрезультатные дискуссии о возможностях ее осуществления в экспертно-криминалистических подразделениях органов полиции.

2. Признавая дифференциацию криминалистических знаний как одну из закономерностей развития науки, важно понять особенности ее проявления в криминалистике — прикладной по свойствам и назначению отрасли знания. В ее результате оказались «разорванными» не только основы теории этой науки, но и практически значимые интеграционные связи, традиционные формы их практической реализации, что в условиях идеологизированных межведомственных противоречий выразилось в разрушительном воздействии на исторически сложившуюся систему научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. В условиях «неразрешимого» межведомственного «противоречия» экспертно-криминалистические подразделения системы МВД России объективно оказались на экстенсивном пути своего развития — расширилась их сеть, увеличились штаты экспертов, но оставалась неизменной сформировавшаяся более века назад организация их деятельности, в которой в одном лице совмещаются функции специалиста-криминалиста и судебного эксперта. Уровень развития криминалистической техники оказался в очевидном противоречии с системой организации ее использования.

3. Перспективные формы организации экспертно-криминалистической и судебно-эксперт-

ной видов деятельности сформированы в системе СК России. Фактическое организационное разделение задач и функций следователей-криминалистов (специалистов), действующих непосредственно в следственных подразделениях, и судебных экспертов, действующих в учреждениях, организационно обособленных от этих подразделений, способствует конкретизации их служебных задач и, соответственно, росту профессионализма, а как следствие, повышению результативности поисково-познавательных действий специалистов и производительности труда судебных экспертов.

При этом исключаются поводы для десятилетиями продолжающихся бескомпромиссных и безрезультатных дискуссий о процессуальной независимости судебных экспертов, создаются предпосылки для формирования альтернативной (межведомственной для правоохранительных органов) системы судебно-экспертных учреждений, которая может стать одной из важнейших гарантий объективности заключения судебного эксперта.

4. Экспертно-криминалистическая деятельность осуществляется практически по линии всех правоохранительных министерств и ведомств, выполняющих функции органов дознания. В этих условиях проявляются основания для ее законодательной (единой для всех ведомств) регламентации. Однако, отсутствие системного, научно обоснованного представления об этой деятельности (понятие, система, задачи и т.п.) не способствует ее восприятию в общественном сознании как самостоятельного, исключительной значимости, вида деятельности, предшествующей судебно-экспертной деятельности и определяющей ее эффективность.

В этом контексте очевидны причины: искажения вектора развития экспертно-криминалистической службы МВД России (с явным уклоном в сторону судебной экспертизы); безуспешных многолетних усилий завершить подготовку проекта нового закона о СЭД; появления законодательных актов, продиктованных служебно-ведомственными или даже корпоративными интересами; наконец, отрицание доказательственного значения заключения специалиста (опыт зарубежных стран), наряду с заключением судебного эксперта. При этом достоверность и объективность выводов специалиста гарантируются поэтапным процессом

расследования преступлений и правом следователя назначить экспертизу на любом из них.

5. Общий вывод. Указанные выше проблемы организации и законодательной регламентации судебно-экспертной деятельности следует решать в общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, в которой могут быть представлены соответствующие учреждения Минюста России, Следственного комитета Российской Федерации и экспертно-криминалистические подразделения правоохранительных министерств и ведомств России. Таким образом могут быть созданы условия для их созидательного взаимодействия, что исключительно важно в современных условиях борьбы с высокотехнологичной преступностью.

Список источников

1. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики // М.: Норма. 1999. 496 с.
2. *Колдаев В.М.* Из истории практической криминалистики в России // Антология криминалистики. М.: ЛексЭст. 2005. 274 с.
3. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики.
4. *Колдаев В.М.* Из истории практической криминалистики в России.
5. *Кулагин П.Г.* К истории развития учреждений судебной экспертизы в СССР // Экспертная практика. 1968. № 2. С. 3—17.
6. *Колдаев В.М.* Из истории практической криминалистики в России.
7. *Кулагин П.Г.* К истории развития учреждений судебной экспертизы в СССР.
8. *Волынский А.Ф.* ЦНИКЛ МВД СССР: воспоминание о будущем // 85 лет экспертно-криминалистической службе МВД России. М. 2004. С. 157—170.
9. *Волынский А.Ф.* К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90—100.10. Сокол В.Ю., Кризис отечественной криминалистики // Краснодар. 2017. 332 с.
11. *Сидорчик А.* Уникальный всплеск насилия. Историк Александр Дюков о «большом терроре» // Аргументы и факты (27 сентября 2017 г. № 39).
12. *Скорченко П.Д.* Экспертно-криминалистическая служба органов внутренних дел:

как она стала самостоятельной, как укреплялась и почему так называется // 85 лет экспертно-криминалистической службе МВД России. М. 2004. С. 78—110.

13. *Волынский А.Ф.* Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175—185.

14. *Волынский А.Ф., Прорвич В.А.* Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики // М.: Экономика. 2020. 476 с.

15. *Крылов И.Ф.* Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л. Ленинградский университет. 1963. 214 с.

16. *Волынский А.Ф.* Соотношение судебной экспертизы и исследования специалиста // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 24—28.

17. *Волынский А.Ф.* К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории.

18. *Волынский А.Ф.* Соотношение судебной экспертизы и исследования специалиста.

19. Там же.

References

1. *Belkin R.S.* The history of domestic criminalistics // М.: Norm. 1999. 496 p.

2. *Koldaev V.M.* From the history of practical criminalistics in Russia // Anthology of criminalistics. Moscow: Lexest. 2005. 274 p.

3. *Belkin R.S.* The history of domestic criminology.

4. *Koldaev V.M.* From the history of practical criminology in Russia.

5. *Kulagin P.G.* On the history of the development of forensic examination institutions in the USSR // Expert practice. 1968. No. 2. pp. 3—17.

6. *Koldaev V.M.* From the history of practical criminology in Russia.

7. *Kulagin P.G.* On the history of the development of forensic examination institutions in the USSR.

8. *Volynsky A.F.* TSNIKL of the Ministry of Internal Affairs of the USSR: remembrance of the future // 85 years of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. М. 2004. pp. 157—170.

9. *Volynsky A.F.* To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Unlearned history lessons // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (52). pp. 90—100.10. Sokol V. Yu, The crisis of domestic criminalistics // Krasnodar. 2017. 332 p.

11. *Sidorchik A.* A unique surge of violence. Historian Alexander Dyukov on the «great terror» // Arguments and Facts (September 27, 2017, No. 39).

12. *Skorchenko P.D.* The forensic service of the internal affairs bodies: how it became independent, how it was strengthened and why it is so called // 85 years of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. М. 2004. pp. 78—110.

13. *Volynsky A.F.* The subject of criminalistics and «scientific separatism»: consequences and possibilities of overcoming them // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (45). pp. 175—185.

14. *Volynsky A.F., Prorvich V.A.* Computer criminalistics in the system of criminal legal protection of the «traditional» and digital economy // Moscow: Ekonomika. 2020. 476 p.

15. *Krylov I.F.* Forensic examination in criminal proceedings. L. Leningrad University. 1963. 214 p.

16. *Volynsky A.F.* Correlation of forensic examination and specialist research // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 1. pp. 24—28.

17. *Volynsky A.F.* To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: unlearned history lessons.

18. *Volynsky A.F.* Correlation of forensic examination and specialist research.

19. Ibid.

Библиографический список

1. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории // М.: Норма. 2006. 479 с.

2. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики // М.: Норма. 1999. 496 с.

3. *Возгрин И.А.* О структуре методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Л. ВПУ МВД СССР. 1974. С. 74—84.

4. *Волынский А.Ф., Прорвич В.А.* Компьютерная криминалистика в системе уголовно-

правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики // М.: Экономика. 2020. 476 с.

5. *Волынский А.Ф.* К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90—100.

6. *Волынский А.Ф.* Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175—185.

7. *Волынский А.Ф.* Соотношение судебной экспертизы и исследования специалиста // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 24—28.

8. *Волынский А.Ф.* ЦНИКЛ МВД СССР: воспоминание о будущем // 85 лет экспертно-криминалистической службе МВД России. М. 2004. С. 157—170.

9. *Колдаев В.М.* Из истории практической криминалистики в России // Антология криминалистики. М.: ЛексЭст. 2005. 274 с.

10. *Кулагин П.Г.* К истории развития учреждений судебной экспертизы в СССР // Экспертная практика. 1968. № 2. С. 3—17.

11. *Крылов И.Ф.* Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л. Ленинградский университет. 1963. 214 с.

12. *Сидорчик А.* Уникальный всплеск насилия. Историк Александр Дюков о «большом терроре» // Аргументы и факты (27 сентября 2017 г. № 39).

13. *Скорченко П.Д.* Экспертно-криминалистическая служба органов внутренних дел: как она стала самостоятельной, как укреплялась и почему так называется // 85 лет экспертно-криминалистической службе МВД России. М., 2004. С. 78—110.

14. *Сокол В.Ю.* Кризис отечественной криминалистики // Краснодар. 2017. 332 с.

15. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. 2-е издание. СПб. Типография М.М. Стасюлевича. 1899. 607 с.

Bibliographic list

1. *Averyanova T.V.* Forensic examination. The course of general theory // М.: Norm. 2006. 479 p.

2. *Belkin R.S.* History of domestic criminalistics // М.: Norm. 1999. 496 p.

3. *Vozgrin I.A.* On the structure of the methodology of investigation of certain types of crimes //

Questions of theory and practice of combating crime. L. VPU of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1974. pp. 74—84.

4. *Volynsky A.F., Prorvich V.A.* Computer criminalistics in the system of criminal legal protection of the «traditional» and digital economy // М.: Экономика. 2020. 476 p.

5. *Volynsky A.F.* To the centenary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Unlearned history lessons // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (52). pp. 90—100.

6. *Volynsky A.F.* The subject of criminology and «scientific separatism»: consequences and possibilities of overcoming them // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (45). pp. 175—185.

7. *Volynsky A.F.* Correlation of forensic examination and specialist research // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 1. pp. 24—28.

8. *Volynsky A.F.* TSNIKL of the Ministry of Internal Affairs of the USSR: remembrance of the future // 85 years of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. М. 2004. pp. 157—170.

9. *Koldaev V.M.* From the history of practical criminalistics in Russia // Anthology of criminalistics. Moscow: Lexest. 2005. 274 p.

10. *Kulagin P.G.* On the history of the development of forensic examination institutions in the USSR // Expert practice. 1968. No. 2. pp. 3—17.

11. *Krylov I.F.* Forensic examination in criminal proceedings. L. Leningrad University. 1963. 214 p.

12. *Sidorchik A.* A unique surge of violence. Historian Alexander Dyukov about the «great terror» // Arguments and facts (September 27, 2017, No. 39).

13. *Skorchenko P.D.* The forensic service of the internal Affairs bodies: how it became independent, how it was strengthened and why it is so called // 85 years of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. М. 2004. Pp. 78—110.

14. *Sokol V. Yu.* The crisis of domestic criminalistics // Краснодар. 2017. 332 p.

15. *Foynitsky I. Ya.* Course of criminal proceedings. Vol. 2. 2nd edition. St. Petersburg. Printing house of M.M. Stasyulevich. 1899. 607 p.

О соотношении законодательства об уголовно- процессуальной и экспертной деятельности в Российской Федерации

Василий Николаевич ГАЛУЗО,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.01 — Право

Для цитирования. В.Н. ГАЛУЗО. О соотношении законодательства об уголовно-процессуальной и экспертной деятельности в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 29—32.

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о соотношении уголовно-процессуальной и экспертной деятельности в Российской Федерации, обосновано несколько суждений: в Российской Федерации допускается многообразие государственной деятельности; и уголовно-процессуальная деятельность, и экспертная деятельность могут рассматриваться в качестве самостоятельных разновидностей государственной деятельности; для каждой разновидности государственной деятельности целесообразно выделение отрасли законодательства; уголовно-процессуальная деятельность регулируется системой нормативных правовых актов, составляющих уголовно-процессуальное законодательство, сердцевину которого составляет Уголовно-процессуальный кодекс РФ; экспертная деятельность регулируется системой нормативных правовых актов, составляющих законодательство об экспертной деятельности, сердцевину которого составляет Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.; противоречия между уголовно-процессуальным законодательством (в особенности, Уголовно-процессуальным кодексом РФ) и законодательством об экспертной деятельности (в особенности, Федеральным законом РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.) разрешаются по правилам коллизии

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, отрасль законодательства, нормативный правовой акт, Конституция РФ, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г., Уголовно-процессуальный кодекс РФ, государственная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, экспертная деятельность, комплексное правоприменение.

On the correlation of legislation on criminal procedure and expert activity in the Russian Federation

Vasily Nikolaevich GALUZO,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Abstract. In the article, based on the analysis of legal literature and legislation on the correlation of criminal procedural and expert activities in the Russian Federation, several judgments are substantiated: in the Russian Federation, a variety of state activities is allowed; both criminal procedural activities and expert activities can be considered as independent types of state activities; for each type of state activity, it is advisable to allocate a branch of legislation; criminal procedural activities are regulated by a system of regulatory legal acts that make up criminal procedural legislation, the core of which is the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; expert activity is regulated by a system of normative legal acts that constitute legislation on expert activity, the core of which is the Federal Law of the Russian Federation «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» of April 5, 2001; contradictions between criminal procedure legislation (in particular, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and legislation on expert activity (in particular, the Federal Law of the Russian Federation «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» of April 5, 2001) are resolved according to the rules of conflict

Keywords: Russian Federation, legislation, branch of legislation, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On State Forensic Expert activity in the Russian Federation» dated April 5, 2001, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, state activity, criminal procedural activity, expert activity, complex law enforcement.

Предметом данной статьи является соотношение законодательства о двух разновидностях государственной деятельности в Российской Федерации¹: об уголовно-процессуальной и экспертной.

Уголовно-процессуальная деятельность регулирована уголовно-процессуальным законодательством².

Основу такового составляет Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.³ — база и венец системы уголовно-процессуального законодательства, (ст. 15, 71 и 76).

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой⁴.

Относительно же уголовно-процессуальной деятельности необходимо в первую очередь обратиться к Уголовно-процессуальному кодексу РФ от 22 ноября 2001 г.⁵ (введен в действие с 1 июля 2002 г.⁶): «1. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации. 2. Порядок уголовного судопроизводства, установленный настоящим Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства. 3. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора. Не допускается применение правил международных договоров Российской

Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Такое противоречие может быть установлено в порядке, определенном федеральным конституционным законом» — ст. 1.

В уголовный процесс вовлекаются разные физические и юридические лица, которые изменяют свой статус⁷. В частности, субъектами уголовного процесса могут быть и эксперты, и специалиста. Результаты деятельности названных субъектов уголовного процесса могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам⁸. Что же касается деятельности экспертов, то необходимо обратиться к Федеральному закону РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.⁹ («Настоящий Федеральный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации ... в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации» — аннотация).

В данном случае могут возникнуть противоречия между нормативными правовыми актами с равной юридической силой: Уголовно-процессуальным кодексом РФ и Федеральным законом РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г. Противоречия при этом должны разрешаться по правилам коллизии¹⁰.

Таким образом, исследования относительно соотношения уголовно-процессуальной и экспертной деятельности в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, в Российской Федерации допускается многообразие государственной деятельности.

Во-вторых, и уголовно-процессуальная деятельность, и экспертная деятельность могут рассматриваться в качестве самостоятельных разновидностей государственной деятельности.

В-третьих, для каждой разновидности государственной деятельности целесообразно выделение отрасли законодательства.

В-четвертых, уголовно-процессуальная деятельность регулируется системой нормативных правовых актов, составляющих уголовно-процессуальное законодательство, сердцевину которого составляет Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В-пятых, экспертная деятельность регулируется системой нормативных правовых актов, составляющих законодательство об экспертной деятельности, сердцевину которого составляет Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.

В-шестых, противоречия между уголовно-процессуальным законодательством (в особенности, Уголовно-процессуальным кодексом РФ) и законодательством об экспертной деятельности (в особенности, Федеральным законом РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.) разрешаются по правилам коллизии.

Список источников

1. *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119—123.

2. *Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н.* О системе уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД РФ. 2012. № 2. С. 80—82.

3. *Галузо В.Н.* Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98—102.

4. *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28—30.

5. *Галузо В.Н.* О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27—30.

5. *Галузо В.Н., Якунов Р.Х.* Уголовный процесс: Учебник. 7-е изд., перераб. М.: ТЕИС, 2013.

6. Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации: Монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2021. С. 124—166.

7. *Якунов Р.Х.* Правоприменение в уголовном процессе (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 5, 7.

8. *Якунов Р.Х.* Правоприменение в уголовном процессе (юридические проблемы): Монография. М., 1993. С. 166—170.

Bibliographic list

1. *Galuzo V.N.* Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. pp. 119—123.

2. *Eriashvili N.D., Galuzo V.N.* On the system of criminal procedure legislation in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2012. No. 2. pp. 80—82.

3. *Galuzo V.N.* Is it possible to ensure uniform enforcement of legislation in the absence of its systematization? // State and Law. 2014. No. 11. pp. 98—102.

4. *Galuzo V.N.* Systematization of legislation in the Russian Federation: state and prospects of development // Law and Law. 2009. No. 8. pp. 28—30.

5. *Galuzo V.N., Yakupov R.H.* Criminal procedure: Textbook. 7th ed., pererab. M.: TEIS, 2013.

6. Proving in law enforcement through justice in the Russian Federation: Monograph. 5th ed., ispr. and add. / Edited by V.N. Galuzo. M.: TEIS, 2021. pp. 124—166.

7. *Yakupov R.H.* Law enforcement in criminal proceedings (legal problems): Abstract diss. ... doct. jurid. M., 1993. pp. 5, 7.

8. *Yakupov R.H.* Law enforcement in criminal proceedings (legal problems): Monograph. M., 1993. pp. 166—170.

¹ Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именованья государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119—123).

² О таковом подробнее см., например: *Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н.* О системе уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД РФ. 2012. № 2. С. 80—82.

³ См.: РГ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: *Галузо В.Н.* Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98—102.

⁴ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28—30; *он же*: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27—30.

⁵ См.: СЗ РФ. 2001. N 52 (часть I). Ст. 4921; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5122.

⁶ См.: О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 22.11.2001 г. // СЗ РФ. 2001. N 52 (часть I). Ст. 4924.

⁷ О субъектах уголовного процесса подробнее см.: *Галузо В.Н., Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: Учебник. 7-е изд., перераб. М.: ТЕИС, 2013.

⁸ Подробнее об этом см.: *Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации*: Монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2021. С. 124—166.

⁹ См.: СЗ РФ. 2001. N 23. Ст. 2291; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5101.

¹⁰ О правилах комплексного правоприменения подробнее см.: *Якупов Р.Х.* Правоприменение в уголовном процессе (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 5, 7; *он же*: Правоприменение в уголовном процессе (юридические проблемы): Монография. М., 1993. С. 166—170.

УДК 122
ББК 87.21

© Е.С. ЖИГАРЕВ. 2022

Идеалистическое и материалистическое воззрения на причинность и их взаимосвязь со свободной волей

Евгений Семенович ЖИГАРЕВ,

профессор кафедры криминологии, доктор юридических наук,
профессор, Почетный член (академик) Российской академии
естественных наук (РАЕН). Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: office@unity-dana.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

Для цитирования. Е.С. ЖИГАРЕВ. Идеалистическое и материалистическое воззрения на причинность и их взаимосвязь со свободной волей // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 33—40.

Аннотация. Анализу подвергнуты две противоположные философские концепции причинности — одна ранняя идеалистическая и гораздо поздняя материалистическая, у истоков которой стояли классики марксизма. Основным для них затруднением стал поиск закона развития вещей объективной действительности из самих себя, чтобы напрочь исключить посторонние нематериальные силы, в том числе и свободную волю. В этой связи они обратили внимание на гегелевский идеалистический закон развития мышления, заключающийся во взаимном проникновении противоположностей, под которым понимаются мысли, сформулированные в понятия. И как показал наш анализ — из этого ничего путного у них не получилось. Разве можно признать закон единства и борьбы противоположностей за действительный, если сами его авторы считают единство условным, а борьбу безусловной? Но главное это то, что их объективному детерминизму абсолютной противоположностью выступает свободная воля человека, которую догматики марксизма пытались представить продуктом объективной необходимости, но потерпели фиаско

Ключевые слова: причинность, причина, идеалистический закон Гегеля «взаимного проникновения противоположностей», закон классиков марксизма «единства и борьбы противоположностей», противоречие, воля, свобода, необходимость.

Idealistic and materialist views to the causality and the free will

Evgenij Semenovich ZHIGAREV,

Professor of Department of Criminology, Doctor of Law, Professor,
Honorary Member (Academician) of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS).
Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot

E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. Analyzing two opposing philosophical concepts of causality — one early idealistic and a much later materialistic, which was founded on the classics of Marxism. The main difficulty for them was the search for the law of the development of things of objective reality from themselves, in order to completely exclude extraneous non-material forces, including free will. In this connection, they drew attention to the Hegelian idealistic law of the development of thinking, which is consisted in the mutual penetration of opposites, which are understood as thoughts formulated in concepts. And as our analysis showed, they did not succeed in doing anything useful. Is it possible to recognize the law of unity and the struggle of opposites as valid, if its authors themselves consider unity conditional, and the struggle unconditional? But the main thing is that their objective determinism is the absolute opposite of the free will of man, which the dogmatists of Marxism tried to present as the product of objective necessity, but failed

Keywords: causality, reason, the idealistic law of Hegel «of the interpenetration of oppositions», the law of the classicists of Marxism «of unity and struggle of opposites», contradiction, will, freedom, need.

Определенные воззрения на причинную обусловленность явлений действительности появились вместе с возникновением философии. У первых философов причина, как правило, совпадает с первоначалом, с материей, лежащей в основе всего существующего. У древнегреческих философов она выступает в виде апейрона (греч. *apeiron* — неопределенное) — первовещества, нечто божественного, из которого путем выделения возникают различные вещества (Анаксимандр), воды (Фалес), воздуха (Анаксимен), огня (Гераклит), обуславливающих своим изменением появление всего многообразия наблюдаемых в мире явлений. Затем причинность представляется в виде вечных неизменных атомов, отличающихся друг от друга формой, положением и порядком и образующих при своем столкновении различные тела (Демокрит).

Позже в качестве причины начинает рассматриваться вся совокупность факторов, обуславливающих появление вещи. У Платона к этим факторам относятся: бесформенная материя, соответствующая идея, математическое отношение и идея «высшего блага». Соединение этих факторов, по Платону, приводит к возникновению вещи. Аристотель в отличие от Платона называет факторы, необходимые для возникновения вещи, различными видами причин. Среди них выделяются: материальная причина, представляющая собой материю, участвующую в образовании вещи; целевая причина, осуществляющая в ходе всего этого цель. Эти причины Аристотель демонстрирует на примере постройки дома, где материал, из которого строится дом, выступает у него как материальная причина; а план, по которому осуществляется строительство, — как формальная причина; деятельность архитектора — как производительная причина; цель, которая должна осуществиться в результате данного строительства, уже выступает как целевая причина.

Аристотелевское понимание причины долгое время оставалось неизменным. Средневековая философия ничего не добавила к тому, что сделал Аристотель в разработке данных категорий. Она, используя его учение о формальной и целевой причинах, была всецело поглощена обоснованием существования Бога и творения Им чувственного мира.

Некоторый шаг вперед в познании причинности сделал Ф. Бекон. Хотя он и признавал

указанные четыре аристотелевские причины (материальную, производительную, формальную и целевую), однако категориальное значение отводил лишь одной — формальной причине, которая у него находилась не вне вещи, как это имело место у Аристотеля, а в ней самой. Она представляла собой закон существования самой вещи.

В отличие от Бэкона, Т. Гоббс отвергал формальную и целевую причины и считал реально существующими только две — производительную (действующую) и материальную. Под производительной причиной он понимал совокупность свойств активного тела, вызывающих соответствующие изменения в пассивном теле: под материальной — совокупность свойств пассивного тела, обеспечивающих появление этих изменений. Если Бэкон в определении причины упор делал на ее принадлежность к области внутреннего, к природе вещи, то Гоббс отводил причине область внешнего, сводил ее к воздействию одного тела на другое.

Вне единичных конкретных явлений-тел находилась причина и у Б. Спинозы. Однако Спиноза уже видел ограниченность такого понимания причинности и делал попытку преодолеть ее. Он ставил вопрос о необходимости отыскания причины существования вещей в них самих и в связи с этим выдвигал понятие причины самого себя. Правда, причину своего существования, по мнению Спинозы, может в себе содержать лишь мир в целом, бесконечная абсолютная природа. Что же касается конечных вещей, то причины их существования содержатся не в них самих, а вовне, в других конечных вещах.

Идея о том, что природа содержит в себе причину своего существования и совершенно не нуждается в посторонней, лежащей во вне её силе, являлась весьма прогрессивной и сыграла основную роль в борьбе материализма с идеализмом и религией. Однако она была недостаточной для преодоления метафизического представления о причинности, сводящего причинно-следственную связь к воздействию одного тела на другое. Не случайно, поэтому спинозовская «причина самого себя» не внесла никакого изменения в существующее в то время понятие причины. И в естествознании, и в философии под причиной по-прежнему

понималось воздействие внешней силы на ту или иную вещь. Такое определение причины можно найти у Ньютона, французских материалистов XVIII в. и других авторов. «Причины..., — писал, например, Ньютон, — суть те силы, которые надо к телам приложить, чтобы произвести ... движение»¹. «Причина, — подчеркивал Гольбах, — это существо, производящее в движение другое существо или производящее какое-нибудь изменение в нём»².

Но подобное представление возникновения и развития вещи по причине воздействия другой вещи привело к целому ряду трудностей в области познания. В самом деле, познание, допустим, какого-либо явления или вещи предполагает познание их причин. Об этом уже говорил Аристотель: «Мы считаем, что у нас есть знание тогда, когда мы познаем причины»³. Но, если причина данной вещи содержится в другой вещи, то, чтобы познать данную вещь, мы должны познать другую вещь, ту, которая является причиной первой. Но познание этой второй вещи предполагает выявление ее причины, а она находится в третьей вещи, следовательно, мы должны сначала познать эту (третью) вещь. Но она тоже имеет свою причину, которая содержится в четвертой вещи. Значит, мы должны обратиться к исследованию этой новой вещи. Но с нею повторится то же самое. Таким образом, познание всякой данной (объективной) вещи неизбежно уводит нас при указанном понимании причинности в бесконечность, предполагая познание бесчисленного множества других вещей. Но это, разумеется, неосуществимо. Данный факт отметил в свое время и Спиноза, сделав из этого вывод о невозможности адекватного познания единичных вещей.

Правда, философы и физики XVIII в., выдвигавшие указанный метафизический принцип причинности, не замечали неизбежно следовавшего из него противоречия. Руководствуясь этим принципом, они не только не сомневались в возможности познания исследуемой вещи, но считали его достаточным для получения исчерпывающего знания о всей Вселенной, для объяснения любого явления, имевшего место в прошлом, для предсказания любого события в будущем. Это объясняется тем, что они все наблюдаемые в мире изменения сводили к простому механическому перемещению и считали,

что их можно объяснить, исходя из законов классической механики. Существующий в то время уровень развития физической науки позволял на основе знания силы, действующей на тело, координат и скорости движения тела в данный момент времени определить его координаты и скорость в любой момент времени в будущем. Но если указанное понимание причинно-следственной связи в той или иной мере приемлемо для объяснения явлений простого механического движения, где изменение состояния изолированной системы не связано с изменением ее качества, то оно совершенно неприемлемо для явлений других, более сложных форм движения, возникновение которых связано с определенными качественными изменениями, обуславливаемыми не столько действием внешних сил, сколько внутренними взаимодействиями объекта.

На ограниченность и противоречивость метафизического понимания причинности впервые обратил серьезное внимание и Гегель. Показывая, что метафизический подход к причинно-следственной связи явлений неизбежно уводит в «дурную» бесконечность (каждое явление, выступающее в роли причины какого-либо следствия, имеет свою причину в другом явлении, а это — в третьем, и так без конца), Гегель отверг указанную концепцию причинности и предложил диалектическое решение проблемы. По его предположению, причина и следствие находятся в диалектическом взаимодействии.

Причина, будучи активной субстанцией, воздействует на пассивную субстанцию и вызывает в ней определенные изменения, делающие ее следствием. Последняя, оказывая известное противодействие, снимает действие активной субстанции и, таким образом, из пассивной субстанции превращается в активную и начинает выступать по отношению к первой, действующей на нее субстанции, как нечто первоначальное, то есть как причина.

Противодействие пассивной субстанции, считал Гегель, раскрывая данную мысль, направлено против первой действующей причины. Ибо то действие, которое субстанция, бывшая прежде пассивной, снимает внутри себя, есть именно как раз вышеупомянутое действие первой действующей причины⁴. Благодаря взаимодействию причина и следствие, по Гегелю, переходят друг в друга, меняются

местами, в одно и то же время выступая и как причина, и как следствие. А если это так, если каждое из явлений, находящихся между собой в причинно-следственной зависимости, выступает в отношении другого и как причина, и как следствие, то при познании их нет необходимости рассматривать бесчисленное множество других, связанных с ними явлений, достаточно исследовать существующее между ними взаимодействие. Познав его, мы тем самым познаем причину, а вместе с этим и природу обоих явлений. Так Гегель на основе взаимодействия причины и следствия снимает по сути дела ограниченность метафизического понимания причинности. Взяв за исходное взаимодействие причины и следствия, Гегель, по мысли классиков марксизма, вплотную подходит к материалистическому пониманию причинности.

Конечно же, классики марксизма не были согласны с Гегелем в главном, что он все мировое развитие связал с мышлением, а по сути с Разумом. Отсюда гегелевская философия является объективным идеализмом, воплотившим существовавшую до возникновения мира некую идею в реальность. Тем самым, по мнению классиков марксизма, все было поставлено на голову⁵, то есть на мозги. Отсюда Гегель призывал исследовать наиболее общие закономерности развития мышления, как первоосновы всего существующего в мире. Отсюда возникли и три гегелевских закона развития познания: закон перехода количества в качество и обратно; закон взаимного проникновения противоположностей (имеется в виду противоположных мыслей); закон отрицания отрицания.

Родившись за 13 и 11 лет до смерти Гегеля, К. Маркс и Ф. Энгельс выстраивают свою теорию причинности, подвергая грубой ревизии его учение, объявив свои материалистические законы объективной действительности (природы) и гегелевские идеалистические законы мышления тождественными. Правда, классикам марксизма пришлось один из них радикально изменить. И вот что из этого получилось, но в начале приведем их законы: закон перехода количественных изменений в качественные; закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания отрицания.

Главное их отличие заключается в изменении сущности второго закона: у Гегеля он сформулирован как взаимное проникновение противоположных результатов мышления,

отчего и происходит развитие, если хотите, самого самосознания, являющегося источником как прогресса, так и регресса. У классиков марксизма этот закон существенно отличается и звучит как единства и борьбы противоположностей. Эти противоположности, по мысли классиков марксизма, свойственны вещам и находятся в органической взаимосвязи, если по-другому, в диалектическом единстве.

Однако встает вопрос: почему классики марксизма обратили внимание именно на идеалистическую диалектику Гегеля, а не на материалистические концепции иных философов? И в первую очередь на его духовные законы, которые впоследствии они переименовали, чтобы обосновать развитие материи. И, во-вторых, как они сами об этом говорили: все до них философы, в том числе и материалисты, были идеалистами в понимании общественной жизни, поскольку останавливались на констатации истинного факта, что в отличие от природы, где действуют слепые силы, в обществе действуют люди — существа сознательные, руководствующиеся в своих действиях идеальными (психическими) побуждениями, формирующимися по иным, психологическим, законам⁶. Но классикам радикального материализма необходимо было в этой связи объективировать, сделать независимым от самих людей процесс общественного развития, подогнав его под действие вымышленных ими универсальных законов материалистической диалектики, что и было воплощено в учении исторического материализма.

Поэтому и наблюдается отличие смысла этих законов в интерпретации их сущности идеалистами и материалистами. Гегелевское видение сущности этого закона связано с умственной деятельностью, направленной на понимание, осознание чего-либо. Материалистический подход преследует цель действием этого закона обосновать, что природа, развиваясь, содействует развитию и мышления. В центре такого развития находится борьба взаимоисключающих противоположностей в самих вещах и явлениях объективной действительности, следовательно, и в материальном мозгу человека. Однако, почему только у человека?

Если действительно в самих вещах присутствуют взаимоисключающие противоположности, следовательно, между ними должно быть противоречие, некое несоответствие,

в результате которого одна противоположность вещи путем борьбы исключает другую. В этой связи апологеты учения марксизма считают, что единство противоположных сторон, тенденций образует противоречие, являющееся источником развития вещей объективного мира. «Противоречие есть единство взаимоисключающих противоположностей»⁷. В этом они видят единство (неразрывность) тождества (т.е. сходства) и различия (несходства) взаимоисключающих противоположностей.

Однако в этом умозаключении возникает явная коллизия между двумя сущностями этого закона — единством и борьбой взаимоисключающих противоположных сторон, тенденций конкретной вещи. Смысл термина «единство» заключается в неразрывности противоположных сторон вещи, а иначе ее просто не существовало бы, а борьба, наоборот, доказывает отсутствие единства и взаимной связи между противоположными сторонами (тенденциями) вещи. Борьба предполагает искоренение какой-либо из противоположных сторон вещи. Следовательно, нет никакого единства противоположностей. В этой связи В.И. Ленин признавал, что единство противоположностей условно⁸, то есть воображаемо, реально несуществующее. Поэтому, со всей откровенностью можно сказать, что такого закона в природе не существует.

Этот вывод подтверждается и тем обстоятельством, что классики марксизма не представили ни одной противоположности, присущей вещи, которая бы являлась двигательной силой, источником развития вещей из самих себя, в том числе и трансформации неживого в живую сущность. В этой связи апологеты учения классиков марксизма своеобразно вышли из данной ситуации и в качестве противоположных сторон, тенденций вещей перевели внимание постороннего наблюдателя на внешние противоположные явления. Примерами противоположностей, по их мнению, могут служить северный и южный полюсы, темное и светлое время суток, сложение и вычитание, личность и общество и т.д., в основе которых должна присутствовать борьба. Однако эти примеры лишь доказывают существование противостоящих друг другу внешних полярных факторов и образований. А надуманный классиками марксизма закон единства и борьбы противоположностей как раз должен был

обосновать эволюционное развитие вещей объективной действительности из самих себя вплоть до появления на земле разумной сущности — категории духовной, именуемой сознанием. А этого, как видим, классики марксизма обосновать не смогли. Поэтому три их универсальных закона по сути фикция, намеренное измышление, которым хотели доказать, что в основе всякого развития (природы, общества и мышления) лежит вечная и бесконечная материя, а не вечный и бесконечный дух.

Классики марксизма очень старались подыскать философскую основу их материализму. В этой связи они и обратили в первую очередь внимание на идеалистическую концепцию Гегеля, в частности, на его законы, которые были названы «перевёрнутым материализмом»⁹.

В этой связи В.И. Ленин даже говорил, что Гегель угадал диалектику вещей, вообще природы. Но это, конечно же, неправда. Он, наоборот, был противником этого взгляда и категорически заявлял, что природа не развивается во времени, а лишь разнообразится в пространстве. Однако, не отрицая многообразия изменений, происходящих в природе, Гегель утверждал, что все они совершаются в рамках вечно повторяющегося, раз навсегда установленного круговорота. «Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое»¹⁰. Но Гегель в то же время не отрицал, что материя и движение неотделимы друг от друга. Однако само движение воспринималось им не как эволюционное изменение, ведущее к прогрессивному развитию (совершенству), а как простое перемещение в пространстве, круговорот, повторение того, что существовало ранее. В этом и состоит принципиальное отличие диалектического идеализма Гегеля от диалектического материализма классиков марксизма. Таким образом, идеалистическая концепция, согласно которой материя есть производное от Духа, привела Гегеля к логическому отрицанию эволюционного развития природы, вещественного мира, возникновения живого от неживого.

Разные философские подходы к трактовке сущности противоречия в качестве причинности объективной действительности, как у классиков марксизма, или объективного духа, сформировавшего мышление человека, отразились и на понимании происхождения внешнего мира. Классики марксизма позиционировали

категорию «противоречие», выступающую в форме единства и борьбы взаимоисключающих противоположных сторон, тенденций, присутствующих, как они сами сказали, условно, то есть в силу их воображения, в каждой вещи, заставляя их самопроизвольно развиваться от простых форм к сложным, то есть эволюционно.

В идеалистической диалектике Гегеля, в его представлении процесса развития мышления, который следует понимать как обнаружение и разрешение противоречий, содержащихся в мыслях, выраженных в понятиях, в формах мышления (а не в вещах, как у классиков марксизма). А под противоречием Гегель понимал *столкновение* противоположных понятий (определений) и разрешение их путем объединения (а не борьбы на уничтожение одной противоположности другой, как у классиков марксизма). Противоречие рассматривается Гегелем как внутренний мыслительный импульс, как развитие самосознания, если хотите, как борьбу мотивов поведения. Такое развивающееся движение вперед (пример — духовное развитие ребенка) придает процессу мышления характер перехода из одного состояния в другое, более совершенное. Таким образом, противоречие как принцип развития мысли (а она категория духовная) Гегель представлял в головах людей, а не в объективных вещах. В этой связи Гегель очень глубоко и конкретно трактовал природу самого противоречия. Оно для него не есть простое отрицание той мысли, которая только что полагалась и утверждалась. Это — двойное отрицание (первое отрицание есть обнаружение противоречия, второе — его разрешение путем объединения), когда исходная антиномия (противоречие) одновременно и осуществляется и снимается. Иначе говоря, высшая ступень развития включает в себя низшую, последняя же отменяется в ней именно в этом двойственном смысле. Быть отрицаемым, согласно Гегелю, — значит, быть одновременно и сохраняемым и возвышаемым.

И этот факт подтвердит любой думающий ученый-криминолог, который на всем творческом пути совершенствует свои знания по той или иной интересующей его криминологической проблеме. В этом и заключается смысл идеалистической диалектики, связанной с самим человеком, и категории «противоречие», выражаемой в криминологии через понятие

«борьба мотивов», которая происходит под контролем свободной воли человека. Однако и здесь марксистский материализм дает свою интерпретацию и воле, и свободе, полную непреодолимых противоречий. В этой связи, чтобы не быть голословным, нужно проанализировать тезисы классиков, характеризующих объективную причинность.

Итак, *первый тезис: Воля зависит от внешних обстоятельств и связана с объективной необходимостью.* Если кратко дать ему оценку, то данный тезис выражает полное безволие человека, подчиненного объективной необходимости. Если объективная необходимость формирует волю, тогда воля, не проявившись в действиях субъекта, растворится в том неизбежном (должном), которое непременно наступит, если имеются в наличии определенные причины. Если признать волю объективной категорией, но не субъективной, связанной с индивидуально-психическими особенностями и умственными способностями, тогда нужно и признать, что поведением человека руководит объективная причинность, а не субъективные психические мотивы. И в этой связи человек не самодостаточен, ибо он зависим. Но в таком случае у криминолога может возникнуть естественный вопрос: как при таком подходе оценивать индивидуальное преступное поведение (преступление), если объективная причина, независящая от сознания, необходимо обуславливает (порождает) преступные действия субъекта?

В идеалистической философии концепция воли неотделима от свободы, которой наполнена душа человеческая. Воля, можно сказать, — это способность каждого субъекта к самоопределению. А это означает, что он может сам без постороннего влияния определять свое место в социуме или, как говорят, в жизни и осознавать свои интересы и т.д.

Общие принципы учения Гегеля о воле предполагают ее рассмотрение в двух параллельных направлениях: первое — как процесс формирования воли человека, обусловленный мышлением и понятием свободы; второе — как деятельность воли человека, непосредственно осуществляемая в жизни. В учении об абсолютном духе, которому он посвятил трактат «Философия духа», волю он рассматривал сначала в связи с учением о субъективном духе

как предполагаемом единстве души и сознания. Гегель, опираясь на принцип триады (тезис, антитезис, синтез), последовательно связывал понимание воли, во-первых, с теоретическим духом и мышлением и отмечал, что мышление само себя определяет к воле, и первое остается субстанцией последней; так что без мышления не может быть никакой воли. Во-вторых, с практическим духом в качестве свободной воли, развивающейся от неосознанной свободы (через чувство и влечения) к ее осознанию в качестве «волящей воли». И, в-третьих, со свободным духом как единством воли и идеи свободы, появление которой в истории Гегель непосредственно соединил с религией свободы, то есть с христианством.

Для криминологов должна быть интересна первая позиция Гегеля, которая связывает волю с мышлением. Ведь мышление, согласитесь, абсолютно свободно, следовательно, и воля как духовный акт всегда является свободной волей. В этой связи она может выбирать среди многих мотивов даже такой мотив, который противоречит жизненным потребностям человека.

Второй тезис: Источником целенаправленной волевой деятельности человека являются объективные внешние причины окружающей действительности. Из этой догмы вытекает закономерный вывод: если поведение субъекта обусловлено объективной внешней причинностью, тогда со всей определенностью следует считать, что преступность вечна, а те прошлые лозунги о её постепенном отмирании изначально были лукавыми домыслами.

И еще одно замечание. Криминологи-материалисты к объективной причинности относят негативные социальные факторы, которые имеют, по их мнению, ранг объективных. Но здесь тоже не всё однозначно. Ведь социальная сфера — продукт деятельности людей, следовательно, «криминогенные факторы», так называют криминологи-детерминисты обстоятельства, способствующие преступности, есть следствие их неразумной деятельности. И получается, что и хорошему, и плохому в устройстве общества человек обязан самому себе. Отсюда напрашивается весьма простой вывод: каков человек — такова и социальная сфера его обитания.

Третий тезис: Сила воли, как и сама воля, есть продукт воспитания и самовоспитания. Однако практика свидетельствует об

обратном: безволевого человека в процессе социализации невозможно воспитать в волевою личность, все равно должно быть природное семя воли, которое можно было бы развить воспитанием и самовоспитанием. Ну, а если нет того, что хотел человек в себе приумножить, то откуда должно проявиться приумноженное? Правильно, как представляется, по этому поводу говорил Аристотель: «...если что-то возникает, то должно существовать то, из чего оно возникает, и то, чем оно порождается...»¹¹. Так что эта способность человека генетически заложена в него и не может образоваться и, следовательно, развиваться сама по себе в процессе социализации.

И четвертый тезис: Свобода и необходимость диалектически взаимосвязаны между собой (то есть каждый из них по отдельности не смог бы существовать и развиваться). Но на самом же деле это совсем не так. Даже глубоко не вникая в смысл этого тезиса, а применив логический подход к рассуждению, можно обнаружить, что эти категории противоположные и соотносятся между собой как тезис и антитезис (приставка «анти» — против), как утверждение и отрицание. Если термин «свобода» — тезис, основополагающее положение, то термин «необходимость» — антитезис или противоположение (утверждение противоположного), чем и занимались классики марксизма, назвав эту процедуру диалектикой. Между этими диаметрально противоположными по сути и смыслу понятиями существует противоречие (антиномия), каждое из которых признается логически доказуемым, одинаково обоснованным.

Предвидя, что в данном месте можно легко обнаружить антиномию во взаимосвязи этих двух разных категорий, классики марксизма придумали своеобразную теорию, которой пытались обосновать справедливость такого понимания «диалектического единства противоположных категорий» (имеется в виду противоположные категории «единство и борьба», а теперь «свобода и необходимость»). В этой связи апологеты их учения писали: «Появление антиномии не есть результат субъективной ошибки человека; оно связано с диалектическим характером процесса познания, в частности с противоречием между формой и содержанием»¹². Видимо, глубоко не вникая в содержа-

ние сказанного, они еще больше усугубили несуразность в отношениях этих категорий. Кстати, нужно отметить как заслугу марксизма, что это учение может так изощренно все запутать, как не умеет это делать ни одно из иных философских учений. Примером тому служит и это объяснение антиномии, якобы возникшей диалектически и поэтому имеет право на существование. Однако противоречие между формой — свободой и содержанием — необходимостью (несвободой) никогда не может разрешиться, потому что «свобода» не может иметь «несвободу» в качестве своего содержания — это абсурд. Свобода развивается диалектически как духовная категория, которая не имеет формы, ее невозможно узреть как вещь или как любое иное явление внешней действительности, ведь это духовное состояние человека. Кстати, учение марксизма противоречие как принцип развития признает в самой сущности предметов объективного мира, но духовный мир не тождественен физическому миру, ибо не тождественны.

Если вникнуть в этимологию этих слов, то можно убедиться, что по смыслу они взаимноисключают друг друга. Слово «свобода» означает независимость, отсутствие каких-либо стеснений и ограничений. А «необходимость» словарь русского языка трактует как надобность, обязательность, неизбежность. Поэтому можно сказать, что «свобода» — категория субъективная, связанная с волей человека. Человек оценивает присутствие свободы через волевою возможность добровольно совершать действия, даже противоречащие своим жизненным интересам и убеждениям, но не по необходимости. Необходимость же — объективная категория, не зависящая от воли человека; она предопределяет, что при взаимодействии соответствующих объективных причин и условий обязательно наступит следствие. А если иметь в виду криминальный поступок, который индивид совершил несвободно, то его следует освобождать от ответственности, а в некоторых случаях и направлять на принудительное лечение, ибо действия его были не волевые.

Список источников

1. *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: «Мысль», 1976.
2. Диалектический материализм. Учебное пособие / под ред. А.П. Шептулина. М.: «Высш. школа», 1974.
3. Краткий очерк истории философии / под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щипанова. Изд. 2-е, перераб. М.: «Мысль», 1971.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20.
6. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963.

References

1. *Aristotle*. Works in 4 volumes. Vol. 1. Ed. V.F. Asmus. M.: «Thought», 1976.
2. Dialectical materialism. Textbook / ed. by A.P. Sheptulin. M.: «Higher School», 1974.
3. A brief essay on the history of philosophy / ed. by M.T. Iovchuk, T.I. Oizerman, I. Ya. Shchipanov. Ed. 2, revised. M.: «Thought», 1971.
4. *Lenin V.I.* The complete collection of works. T. 29.
5. *Marx K., Engels F.* Collected works. T. 20.
6. Philosophical dictionary / edited by M.M. Rosenthal and P.F. Yudin. M.: Politizdat, 1963.

¹ Цит. по: Диалектический материализм. Учебное пособие / под ред. А.П. Шептулина. М.: «Высш. школа», 1974. С. 247.

² См.: Там же. С. 247.

³ *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: «Мысль», 1976. С. 97.

⁴ Цит. по: Диалектический материализм. С. 249.

⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 24.

⁶ См.: Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963. С. 177.

⁷ См.: Диалектический материализм. С. 282.

⁸ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

⁹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 215.

¹⁰ Цит. по: Краткий очерк истории философии / под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щипанова. Изд. 2-е, перераб. М.: «Мысль», 1971. С. 285.

¹¹ *Аристотель*. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. С. 137.

¹² См.: Философский словарь. С. 24.

УДК: 343.974

© Ю.А. ИВАНОВА, Т.В. РАДЧЕНКО, Л.И. ЛАРИОНОВА. 2022

Актуальные аспекты криминологических исследований

Юлия Александровна ИВАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета — МИРЭА

E-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

Татьяна Викторовна РАДЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета — МИРЭА

E-mail: radchenko.tv@mail.ru

Лидия Ирековна ЛАРИОНОВА,

преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

E-mail: kazan_larionova@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования. Ю.А. ИВАНОВА, Т.В. РАДЧЕНКО, Л.И. ЛАРИОНОВА. Актуальные аспекты криминологических исследований // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 41—47.

Аннотация. Термин «криминология» происходит от латинского слова «crimen» — преступление и греческого «logos» учение и означает «наука (учение) о преступлении». Но в отличие от науки уголовного права, изучающей преступления, ответственность и наказания за них в законодательной характеристике и правоприменительной практике, криминология исследует преступность, причины и условия ее возникновения и распространения, личность преступника и предупреждение преступлений как массовых социальных явлений. Криминология, как самостоятельная отрасль знаний и совокупность концепций борьбы с преступностью существует менее двух веков. Хотя некоторые суждения о причинах преступности и методах борьбы с ней встречаются уже в (античных) трудах римских и греческих мыслителей и в философских трактатах XVI—XIX вв. Но до второй половины XIX в. они не представляли еще самостоятельной системы научных положений

Ключевые слова: криминология, профилактика, предупреждение, преступление, преступник, ответственность.

Current aspects of criminological research

Yulia Aleksandrovna IVANOVA,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department «Cybersecurity and digital transformations» of the Russian Technological University — MIREA

E-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

Tatiana Viktorovna RADCHENKO,

candidate of law, associate Professor of the Department «Cybersecurity and digital transformations» Russian technological University — MIREA

E-mail: radchenko.tv@mail.ru

Lidia Irekovna LARIONOVA,

Lecturer at the Department of Criminal Law Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: kazan_larionova@mail.ru

Abstract. The term «criminology» comes from the Latin word «crimen» — crime and the greek «logos» teaching and means «science (teaching) about crime». But unlike the science of criminal law, which studies crimes, responsibility and punishment for them in legislative characteristics and law enforcement practice, criminology studies crime, the causes and conditions of its occurrence and spread, the identity of the criminal and the prevention of crimes as mass social phenomena. Criminology as an independent branch of knowledge and a set of concepts for combating crime has existed for less than two centuries. Although some judgments about the causes of crime and methods of combating it are already found in the (ancient) works of Roman and Greek thinkers and in philosophical treatises of the XVI-XIX centuries. But until the second half of the XIX century .they did not yet represent an independent system of scientific positions

Keywords: criminology, prevention, prevention, crime, criminal, responsibility

Общепризнано, что систематическое изучение криминологии было впервые предпринято итальянским ученым Чезаре Бонесана Маркиз де Бекария (1938—94), который известен как основатель современной криминологии. Его величайший вклад в науку криминологии состоял в том, что он впервые приступил к изучению преступников на научной основе и пришел к определенным выводам, из которых можно было разработать определенные методы борьбы с преступностью и преступниками. Таким образом, «теории криминологии» или «школы криминологии» имеют более позднее происхождение.

Школа криминологии подразумевает следующие направления исследований:

- приверженцы каждой школы пытаются объяснить причинно-следственную связь преступности и преступного поведения по-своему, опираясь на теорию, предложенную представителем этой конкретной школы;
- каждая школа криминологии предлагает наказание и превентивные меры в соответствии со своей идеологией;
- каждая из школ представляет социальное отношение людей к преступности и преступнику в данное время¹.

В попытке найти рациональное объяснение преступности было выдвинуто большое количество теорий. Различные факторы, такие как злой дух, грех, болезнь, наследственность, экономическая дезадаптация и т.д. Были выдвинуты либо по отдельности, либо вместе, чтобы объяснить преступность. С развитием поведенческих наук моногенетическое объяснение поведения человека больше не действует, и современная тенденция состоит в том, чтобы

принять эклектичный взгляд на генезис преступности. Тем не менее, некоторые криминологи все еще склонны уделять больше внимания физическим чертам, чтобы оправдать исключительное обращение к исправительным методам лечения преступника.

В период Средневековья в Европе доминировала схоластика святого Фомы Аквинского. Доминирование религии в государственной деятельности было главной характеристикой того времени. В политической сфере такие мыслители, как Гоббс и Локк, концентрировались на общественном договоре как основе социальной эволюции. Концепция Божественного права короля, отстаиваемая верховенство монарха, пользовалась большим уважением. Поскольку научные знания были еще неизвестны, понятие преступления было довольно расплывчатым и неясным. Существовало общее убеждение, что человек по своей природе прост и его действия контролируются какой-то сверхдержавой. Обычно считалось, что человек совершает преступление из-за влияния какого-то внешнего духа, называемого «демоном» или «дьяволом». Таким образом, преступник совершает противоправное деяние не по своей собственной воле, а под влиянием какой-то внешней сверхдержавы. Однако не было предпринято никаких попыток исследовать реальные причины преступности. Эта демонологическая теория преступности, предложенная представителями до классической школы, признавала всемогущество духа, который они рассматривали как великую силу.

До классики рассматривали преступление и преступников как свидетельство того факта, что человек был одержим дьяволом или демоном, единственным лекарством от которого

было свидетельство эффективности духа. Поклонения, жертвоприношения и испытания водой и огнем обычно предписывались, чтобы указать дух и освободить жертву от его злого влияния. Испытание — древний способ судебного разбирательства по уголовным делам. Когда преступник признал себя «невиновным», он мог выбрать, будет ли он подвергаться себя суду Бога и страны, или только Бога, и тогда это называлось «судом Божиим», предполагая, что Бог освободит невинных. Примерами таких испытаний являются бросание в огонь, бросание в воду после привязывания камня к шее, введение клятвы путем вызова Божьего гнева, испытание битвой и т.д.

Испытание битвой было обычным способом решения судьбы преступника. Клятвы и мытарства играли очень важную роль в средневековой судебной системе при определении вины преступника. Оправдание, выдвинутое для этих ритуалов, было знакомым убеждением, что «когда человеческое агентство терпит неудачу, обращение к божественным средствам доказательства становится самым неизбежным». Хотя эти практики кажутся наиболее иррациональными и варварскими для современного ума, они были повсеместно приняты и существовали в большинстве христианских стран до тринадцатого века. Римское же право полностью игнорировало систему испытаний, и это было запрещено в мусульманской системе права.

Право общества наказывать преступника было, однако, хорошо признано. Преступник считался врожденно развращенным человеком, которого можно было вылечить только пытками и болью. Эволюция уголовного права была еще на зачаточной стадии. Т. Гоббс предположил, что страх наказания от рук монарха был достаточным сдерживающим фактором для членов раннего общества, чтобы держать их подальше от греховных действий, которые были синонимами преступлений. Таким образом, теософы, в частности Фома Аквинский и писатели общественного договора, такие как Н. Макиавелли, Мартин Лютер и Жан Боден, обеспечили непосредственный фон для создания классической школы Ч. Беккариа на более позднем этапе. Доклассическое мышление, однако, увядало с течением времени и развитием знаний.

Классическая школа в криминологии обычно ссылается на работы XVIII века —

философов эпохи Просвещения утилитарного и социального контракта Джереми Бентама и Чезаре Беккариа. Их интересы лежат в системе уголовного правосудия и пенологии и, косвенно через положение о том, что «человек — расчетливое животное», в причинах преступного поведения. Классическая школа мысли основывалась на идее, что люди имеют свободную волю в принятии решений, и что наказание может быть сдерживающим фактором для преступления, если наказание пропорционально, соответствует преступлению и выполняется быстро.

Ч. Беккариа — пионер современной криминологии, изложил свою натуралистическую теорию преступности, отвергнув всемогущество злого духа. Он уделял больше внимания психическому феномену личности и приписывал преступление «свободной воле» личности. Таким образом, он находился под большим влиянием утилитарной философии своего времени, которая опиралась на гедонизм, а именно на «теорию боли и удовольствия». Как правильно выразился Дональд Тафт, эта доктрина подразумевала понятие причинности с точки зрения свободного выбора совершить преступление рациональным человеком, ищущим удовольствия и избегающим боли.

В своей книге «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа представил последовательный, всеобъемлющий проект просвещенной системы уголовного правосудия, которая должна была служить народу, а не монархии. Согласно его мнению, проблема преступности может быть прослежена не до плохих людей, а до плохих законов. Современная система уголовного правосудия должна гарантировать всем людям равное обращение перед законом. Книга Ч. Беккариа была снабжена, синим шрифтом. Этот синий шрифт был основан на предположении, что люди свободно выбирают то, что они делают, и несут ответственность за последствия своего поведения.

Пожалуй, ни одна другая книга в истории криминологии не оказала такого большого влияния. После Французской революции основные принципы Беккариа послужили руководством для разработки Французского уголовного кодекса, который был принят в 1791 году.

Ученые-юристы и реформаторы по всей Европе заявили о своем долге Ч. Беккариа, но

никто не был обязан ему больше, чем английский философ права Джереми Бентам. Бентам имел долгую и продуктивную карьеру. Он вдохновил многих своих современников, а также криминологов будущих поколений своим подходом к рациональному контролю над преступностью.

Бентам посвятил свою жизнь разработке научного подхода к созданию и нарушению законов. Как и Ч. Беккариа, он был озабочен достижением «величайшего счастья наибольшего числа». Его работа руководствовалась утилитарными принципами.

Утилитаризм предполагает, что все человеческие действия рассчитываются в соответствии с их вероятностью принести счастье (удовольствие) или несчастье (боль). Люди взвешивают вероятности настоящих будущих удовольствий против вероятностей настоящей и будущей боли.

Бентам предложил точную псевдоматематическую формулу для этого процесса, которую он назвал «фелицифическим исчислением». Согласно его рассуждениям, люди — это «человеческие калькуляторы», которые складывают все факторы в уравнение, чтобы решить, стоит ли совершать конкретное преступление. Это понятие может показаться довольно причудливым сегодня, но в то время, когда было более 200 смертных приговоров, оно дало обоснование для реформы правовой системы. Бентам рассуждал, что если предотвращение было целью наказания, и если наказание стало слишком дорогостоящим, создавая больше вреда, чем пользы, то наказания должны быть установлены только немного избыток удовольствия можно было бы получить от совершения преступления, и не выше. Закон существует для того, чтобы создать счастье для общества. Поскольку наказание создает несчастье, оно может быть оправдано только в том случае, если оно предотвращает большее зло, чем производит. Таким образом, Бентам предположил, что если бы повешение чучела человека произвело тот же профилактический эффект, что и повешение самого человека, не было бы причин вешать человека.

Бентам утверждал, что человек-это расчетливое животное, которое будет взвешивать потенциальные выгоды против боли, которая может быть наложена. Если боль перевешивает

выгоды, он будет сдерживаться, и это дает максимальную социальную полезность. Поэтому в рациональной системе система наказаний должна быть градуирована так, чтобы наказание более точно соответствовало преступлению. Наказание — это не возмездие или месть, потому что это морально несовершенно: палач платит убийству комплимент имитации.

Но концепция проблематична, потому что она зависит от двух критических предположений: если сдерживание будет работать, потенциальный преступник всегда должен действовать рационально, тогда как большая часть преступлений — это спонтанная реакция на ситуацию или возможность; если система выпускает шкалу наказания в соответствии с серьезностью преступления, она предполагает, что чем более серьезный вред может быть причинен, тем больше преступник должен получить.

В этом контексте обратите внимание на предложение Бентама о тюремном дизайне под названием «паноптикум», который, помимо системы наблюдения, включал право начальника тюрьмы использовать заключенных в качестве контрактной рабочей силы².

Спиритуалистическое понимание преступности проистекает из понимания жизни в целом, что большинство вещей в жизни — это судьба, и их нельзя контролировать, мы рождаемся мужчиной или женщиной, хорошими или плохими, и все наши действия определяются высшим существом. Люди придерживались таких убеждений на протяжении всей записанной истории: «первобытные люди рассматривали стихийные бедствия, такие как голод, наводнения и эпидемии, как наказание за зло, которое они причинили духовным силам» (Vold, G. Bernard, T. and Snipes, J. 1998). Эти духовные силы набрали силу в средние века, когда они объединились с феодальными силами для создания систем уголовного правосудия. В рамках спиритуалистической системы уголовного правосудия преступление было частным делом, которое велось между преступником и семьей жертвы. Однако этот метод оказался слишком мстительным, поскольку государство взяло под свой контроль наказание. Духовные объяснения давали понимание преступления, когда не было другого способа объяснить преступление. Однако проблема с этим пониманием заключается в том,

что оно не может быть доказано, и поэтому оно никогда не принималось.

Основные принципы классической школы криминологии:

1. Выход человека из религиозного фанатизма государства включал применение его разума как ответственной личности.

2. Именно действие индивида, а не его намерение формирует основу для определения преступности внутри него. Другими словами, криминологи обеспокоены действием преступника, а не его намерением. Тем не менее, они никогда не могли думать, что может быть что-то вроде преступной причинности.

3. Классические авторы принимали наказание как основной метод причинения боли, унижения и позора, чтобы создать «страх» в человеке, чтобы контролировать его поведение.

4. Сторонники этой школы, однако, считали предупреждение преступления более важным, чем наказание за него. Поэтому они подчеркнули необходимость Уголовного кодекса во Франции, Германии и Италии для систематизации наказания за запрещенные действия. Таким образом, реальный вклад классической школы криминологии заключается в том, что она подчеркнула необходимость четко определенной системы уголовного правосудия.

5. Сторонники классической школы поддерживали право государства наказывать преступников в интересах общественной безопасности. Опираясь на гедонистический принцип боли и удовольствия, они указывали, что индивидуализация должна быть присуждена с учетом удовольствия, полученного преступником от преступления, и боли, причиненной жертве от него. Они, однако, умоляли уравнять справедливость, что означало равное наказание за одно и то же преступление.

6. Представители классической школы полагали, что уголовное право в первую очередь опирается на позитивные санкции. Они были против использования произвольных полномочий судей. По их мнению, судьи должны ограничивать свои вердикты строго в рамках закона. Они также ненавидели мучительные наказания.

Таким образом, классическая школа, предложенная Ч. Беккариа, возникла в результате влияния трудов Монтескье, Юма, Бэкона и Руссо. Его знаменитая работа «Очерки о пре-

ступлении и наказании» получил широкое признание по всей Европе и дал толчок новому криминологическому мышлению на современном западе. Он стремился гуманизировать уголовное право, настаивая на естественных правах человека. Он поднял свой голос против суровых наказаний, пыток и смертной казни. Взгляды Ч. Беккариа на преступление и наказание были также поддержаны Вольтером, в результате чего ряд европейских стран пересмотрели свои уголовные кодексы, смягчающие строгие варварские наказания, а некоторые из них даже дошли до отмены смертной казни из своих уголовных кодексов.

Вклад классической школы в развитие рационализованного криминологического мышления был отнюдь не менее важен, но имел свои подводные камни.

1. Классическая школа исходила из абстрактной презумпции свободы воли и полагалась исключительно на акт, не уделяя никакого внимания душевному состоянию преступника.

2. Он ошибался в назначении равного наказания за одно и то же преступление, таким образом, не делая различия между первыми преступниками и обычными преступниками и различной степенью тяжести преступления.

Тем не менее, самое большое достижение этой школы криминологии заключается в том, что она предложила существенную уголовную политику, которую было легко управлять, не прибегая к наложению произвольного наказания. Это заслуга Ч. Беккариа, который осудил более ранние концепции преступления и преступников, основанные на религиозных заблуждениях и мифах, и сместил акцент на необходимости концентрации на личности преступника, чтобы определить его вину и наказание. Взгляды Ч. Беккариа послужили основой для последующих криминологов, чтобы выйти с рационализированной теорией причинно-следственной связи преступности, которая в конечном итоге привела к основанию современной криминологии и пенологии.

В криминологии неоклассическая школа продолжает традиции Классической школы в рамках правового реализма. Следовательно, утилитаризм Джереми Бентама и Чезаре Беккариа остается актуальной социальной философией в политическом плане для использования наказания в качестве сдерживающего фактора через

правоохранительные органы, суды и тюремное заключение³.

Теория «свободной воли» классической школы просуществовала недолго. Вскоре стало ясно, что представители классической школы ошибались в своем подходе, игнорируя индивидуальные различия в определенных ситуациях и рассматривая первых преступников и обычных одинаково на основе сходства действия или преступления. Неоклассики утверждали, что к определенным категориям преступников, таким как несовершеннолетние, идиоты, сумасшедшие или некомпетентные, следует относиться снисходительно в вопросах наказания независимо от сходства их преступного деяния, потому что эти люди не способны оценить разницу между правильным и неправильным. Эта тенденция неоклассиков различать преступников по их умственной порочности была действительно прогрессивным шагом, поскольку она подчеркивала необходимость модификации классического взгляда. Таким образом, вклад неоклассической мысли в науку криминологии имеет свои достоинства.

Основные положения неоклассической школы криминологии можно резюмировать следующим образом:

1. Неоклассики подошли к изучению криминологии с научной точки зрения, признав, что определенные смягчающие ситуации или психические расстройства лишают человека нормальной способности контролировать свое поведение. Таким образом, они оправдывали смягчение равного наказания в случаях определенных психопатических преступников. Комментируя этот момент, проф. А.А. Жилин заметил, что неоклассики представляют собой реакцию против строгости классического взгляда на равное наказание за одно и то же преступление.

2. Неоклассики были первыми в свое время, чтобы выявить различие между первыми преступниками и рецидивистами. Они поддерживали индивидуализацию методов лечения правонарушителя, которые требовали наказания в соответствии с психопатическими обстоятельствами обвиняемого. Таким образом, хотя «акт» или «преступление» все еще оставались единственным определяющим фактором для вынесения решения о преступлении без какого-либо отношения к намерению, все же неоклассическая школа сосредоточила по

крайней мере некоторое внимание на психической причинности косвенно.

3. Сторонники этой школы исходили из основного предположения, что человек, действующий по разуму и интеллекту, является самоопределяющейся личностью и, следовательно, несет ответственность за свое поведение. Но те, кому не хватает нормального интеллекта или у кого есть некоторая умственная порочность, безответственны к своему поведению, поскольку они не обладают способностью различать хорошее или плохое, и поэтому к ним следует относиться иначе, чем к ответственным преступникам.

4. Хотя неоклассики рекомендовали мягкое обращение с «безответственными» или психически развращенными преступниками из-за их неспособности противостоять преступной тенденции, но они, безусловно, считали, что все преступники, ответственные или безответственные, должны быть отделены от общества.

5. Важно отметить, что различие между ответственностью и безответственностью, то есть здравомыслием и безумием преступников, предложенное неоклассической школой криминологии, проложило путь к последующему формированию различных исправительных учреждений, таких как условно-досрочное освобождение, пробация, исправительные учреждения, лагеря под открытым небом и т.д. В отправлении уголовного правосудия. Именно через эту школу внимание криминологов было впервые привлечено к тому факту, что у всех преступлений есть причина. Следует, однако, отметить, что хотя эта причинность первоначально ограничивалась психопатией или психологией, но позже была расширена дальше, и, наконец, позитивистам удалось установить разумную связь между преступлением и средой преступника.

6. Неоклассики приняли субъективный подход к криминологии и сосредоточили свое внимание на условиях, при которых индивид совершает преступление.

Таким образом, можно видеть, что основной вклад неоклассической школы криминологии заключается в том, что она пошла на определенные уступки в теории «свободной воли» классической школы и предположила, что индивид может совершить преступные действия из-за определенных смягчающих обстоятельств, которые должны быть должным

образом приняты во внимание при назначении наказания. Поэтому, помимо преступного деяния как такового, при оценке его вины не следует упускать из виду личность преступника в целом, а именно его предшествующие обстоятельства, мотивы, предыдущую историю жизни, общий характер и т.д. Можно отметить, что возникновение системы присяжных в уголовной юриспруденции по существу является результатом реакции неоклассического подхода к обращению с правонарушителями.

Что касается недостатков неоклассической школы криминологии, следует отметить, что представители этой теории считали, что преступник, ответственный или безответственный, является угрозой для общества и, следовательно, должен быть устранен из него.

Список источников

1. Ананич В.А. Введение в криминологию: лекции. В.А. Ананич. Минск: Академия МВД. 2014. 159 с.
2. Криминологическое измерение. Л.В. Кондратюк, В.С. Овчинский. Москва. Норма. 2012. 271 с.
3. Криминология: практикум: учебное пособие. С.М. Иншаков и др. Москва. Юнити-Дана. 2015. 367 с.
4. Криминология и профилактика преступлений. Общая часть: курс лекций. О.П. Колченогова и др. Минск: Академия МВД. 2012. 231 с.
5. Криминология: учебник. В.И. Авдийский и др. Москва. Юрайт, 2015. 351 с.
6. Ювенальная криминология. Учебник. В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева. Москва. ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 311 с.
7. Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А. Систематизация законодательства и ее значение для совершенствования правового регулирования. Образование и право. 2021. № 6. С. 113—116.
8. Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А. Теоретико-правовые основы противодействия международной преступности. Социально-гуманитарное обозрение. 2021. № 1. С. 43—50.
9. Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А. Борьба с рабством, работоторговлей: актуальные аспекты. Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 93—100.
10. Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Федюлов В.И. Коллодирующие привязки в между-

народном частном праве. Современная наука. 2021. № 6. С. 19—21.

11. Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А. Значение международного права в сфере защиты прав человека. Образование и право. 2021. № 7. С. 36—42.

References

1. Ananich, V.A. Introduction to criminology: lectures. V.A. Ananich. Minsk. Academy of the Ministry of Internal Affairs. 2014. 159 p.
2. Criminological dimension. L.V. Kondratyuk, V.S. Ovchinsky. Moscow. Norma. 2012. 271 p.
3. Criminology: practicum: textbook. S.M. Inshakov et al. Moscow. Unity-Dana. 2015. 367 p.
4. Criminology and crime prevention. General part: a course of lectures. O.P. Kolchenogova et al. Minsk. Academy of the Ministry of Internal Affairs. 2012. 231 p.
5. Criminology: textbook. V.I. Avdiyskiy et al. Moscow: Yurayt. 2015. 351 p.
6. Juvenile criminology: textbook. V.A. Lelekov, E.V. Kosheleva. Moscow: UNITY-DANA. 2014. 311 p.
7. Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Yu.A. Systematization of legislation and its importance for improving legal regulation. Education and law. 2021. No. 6. pp. 113—116.
8. Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Yu.A. Theoretical and legal foundations of countering international crime. Social and Humanitarian review. 2021. No. 1. pp. 43—50.
9. Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Yu.A. Fight against slavery, slave trade: current aspects. Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. No. 2. pp. 93—100.
10. Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Fedulov V.I. Collodating bindings in private international law. Modern science. 2021. No. 6. pp. 19—21.
11. Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Yu.A. The importance of international law in the field of human rights protection. Education and law. 2021. No. 7. pp. 36—42.

¹ Ананич В.А. Введение в криминологию: лекции. В.А. Ананич. Минск: Академия МВД. 2014. 159 с.

² Криминология: учебник. В.И. Авдийский и др. Москва. Юрайт, 2015. 351 с.

³ Криминология: практикум: учебное пособие. С.М. Иншаков и др. Москва. Юнити-Дана. 2015. 367 с.

УДК 519.766.4
ББК 004.032.26

© В.А. МИНАЕВ, А.В. СИМОНОВ. 2022

Оценка шумостойкости при выявлении контента экстремистского характера в социальных медиа

Владимир Александрович МИНАЕВ,
профессор кафедры специальных информационных технологий,
доктор технических наук, профессор, Московский университет МВД России

E-mail: m1va@yandex.ru

Александр Валерьевич СИМОНОВ,
аспирант кафедры защиты информации, Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация

E-mail: san.siman@yandex.ru

Научная специальность: 1.2.2 — Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ. 2.3.6 — Методы и системы защиты информации, информационная безопасность

Для цитирования. В.А. МИНАЕВ, А.В. СИМОНОВ. Оценка шумостойкости при выявлении контента экстремистского характера в социальных медиа // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 48—54.

Аннотация. Целью исследования является оценка и поиск классификатора, имеющего высокий уровень устойчивости к шумовым эффектам при выявлении текстового контента экстремистского характера. Осуществлен анализ трех часто используемых методов классификации: метод опорных векторов (SVM), классификатор на основе нейронной сети GRU, а также классификатор на основе трансформера BERT. Оценены их свойства и влияние шумовых факторов на качество классификации

Ключевые слова: МВД России, деструктивный контент, экстремистское воздействие, метод выявления, социальные медиа, классификация.

Assessment of noise resistance when identifying extremist content in social media

Vladimir Aleksandrovich MINAEV,
Professor of the Special Information Technologies Department,
Doctor of Technical Sciences, Professor, Moscow University
of the Internal Affairs Ministry of Russia

E-mail: m1va@yandex.ru

Alexander Valerievich SIMONOV.
Post-graduate Student of the Information Security Department,
Bauman Moscow State Technical University

E-mail: san.siman@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to estimate and search for a classifier that has a high level of resistance to noise effects when identifying extremist text content. The analysis of three commonly used classification methods is carried out: the support vector machine (SVM) method, a classifier based on the GRU neural network, as well as a classifier based on the BERT transformer. Their properties and the influence of noise factors on the classification quality are evaluated

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia, destructive content, extremist influence, identification method, social media, classification.

Введение

Социальные медиа (СМ) включают не только известные социальные сети В Контакте, Одноклассники и другие, но и системы обмена мгновенными сообщениями — Telegram, Whats App и т.п. В СМ осуществляется рабочее взаимодействие между коллегами, общение с друзьями и близкими, публикация и обсуждение новостей, а также реализация развлекательного контента.

В то же время, в связи с широким охватом аудитории, а также недостаточным контролем со стороны противодействующих структур СМ усиливают механизмы образования и распространения контента экстремистского характера, к которому относится радикальный ислам, прославление нацизма и расизма, призывы к насильственному захвату власти и др.

Государственные органы, включая систему МВД России, активно принимают участие в пресечении и устранении распространения экстремистских материалов.

Сегодня основным форматом для распространения был и остается текстовый, как наиболее удобный в распространении, передаче и изменчивости.

Выявление деструктивного контента в СМ осуществляют как с использованием автоматизированных систем (АС), так и в результате экспертных процедур. Поскольку ежемесячно создается более миллиарда новых текстовых публикаций — основные направления поиска социально опасного контента в СМ связываются с автоматизированными системами, так как проводить качественный анализ такого объема новых публикаций с привлечением человека-эксперта невозможно.

В этой связи при разработке и модификации такого рода АС необходимо учитывать точность их работы, связанную с шумостойкостью. Под термином «шумостойкость» определим *способность АС с необходимым уровнем вероятности отделять контент деструктивного характера от допустимого контента, похожего синтаксически, но отличного семантически, далее называемого шумовым.*

Оценке шумостойкости различных методов обнаружения деструктивного контента посвящена настоящая статья.

Методы и этапы исследования

Для проведения экспериментальных исследований выбраны следующие корпуса текстов: СМК, в который вошли русскоязычные публикации в СМ «Twitter» [1] и новости интернет-издания «Lenta.ru», моделирующие основное наполнение СМ;РК — радикальный корпус, состоящий из запрещенных к распространению в России текстов по теме радикального ислама; ШК — шумовой корпус, включающий религиозную литературу, одобренную муфтиятами России.

Для определения деструктивности контента в АС применялись различные алгоритмы классификации, позволяющие относить поступающий на вход текст к тому или иному корпусу. Классификаторы могут создаваться на основе: статистических моделей машинного обучения, с использованием искусственных нейронных сетей, а также с использованием моделей-трансформеров.

В рамках проведенных экспериментов применены наиболее точные методы классификации, как показали наши исследования [2]: метод опорных векторов (SVM), рекуррентная нейронная сеть с механизмом вентилей (GRU) и трансформер BERT.

SVM — один из распространенных методов обучения, основная идея которого заключается в построении гиперплоскости, разделяющей исследуемые объекты оптимальным способом. Алгоритм работает в предположении — чем больше расстояние между разделяющей гиперплоскостью и объектами разделяемых классов, тем меньше средняя ошибка классификатора [3].

GRU—рекуррентная нейронная сеть с памятью (LSTM), при решении целого ряда задач показывающая аналогичные или более высокие результаты. В определенном смысле GRU можно рассматривать как версию LSTM.

BERT — наиболее известный трансформер для классификации текста, состоящий примерно из двух десятков искусственных нейронных сетей [4], кодирующих поданные на вход числовые последовательности в векторное представление предложения, которое поступает на входнейронной сети, называемой головой.

Обработка текстов из СМ до подачи на вход классификатора различается для моделей

SVM, GRU и BERT. Так, для SVM и GRU в целях получения качественных результатов [2], в первую очередь, необходимо провести процедуру лемматизации — замену формы слова ее основой [5]. После этого, в частности, для классификатора SVM производится операция векторизации по методу TF-IDF [6].

Так как классификатор на основе BERT учитывает информацию, хранящуюся в суффиксах и окончаниях — проведение процедуры лемматизации для BERT нецелесообразно.

Далее для GRU и BERT следует процедура токенизации — преобразования составляющих текстового контента в числовую последовательность. После этого числовая последовательность подается на вход классификаторов GRU и BERT.

Во всех проведенных экспериментах для обучения классификатора бралось 80% выборки текстов, а оставшиеся 20% использовались для оценки его работы.

Для оценки работы точности определения конкретных корпусов будем использовать соотношение [7]:

$$A_c = \frac{P}{N} \quad (1)$$

где P — количество правильно определенных текстов;

N — количество всех исследуемых текстов.

Необходимо отметить, что (1) не учитывает структуру текстов. Чтобы избежать данного недостатка, для оценки работы классификаторов будем также использовать F -меру [7]:

$$F = \frac{P_{rec} \cdot R_{ec}}{P_{rec} + R_{ec}} \quad (2)$$

где P_{rec} — определенность работы классификатора, рассчитываемая как:

$$P_{rec} = \frac{TP}{TP + FP}$$

где R_{ec} — полнота работы классификатора, рассчитываемая по формуле:

$$R_{ec} = \frac{TP}{TP + FN}$$

где TP — истинно-положительное решение классификатора;

TN — истинно-отрицательное решение классификатора;

FP — ложноположительное решение классификатора;

FN — ложноотрицательное решение классификатора.

F -мера учитывает как полноту, так и определенность классификации, что позволяет оценивать качество модели более объективно.

Дополнительно, для понимания затрат вычислительных ресурсов также замерим время ($t_{обуч}$) обучения рассматриваемых классификаторов.

Для оценки шумостойкости проведем следующие 5 экспериментов:

Эксперимент № 1 — моделирование ситуации, при которой отсутствуют шумовые текстовые корпуса, а присутствует только СМ-контент и радикальные тексты.

Эксперимент № 2 — моделирование ситуации, в которой применяется классификатор, обученный на выборке из эксперимента № 1, то есть только на СМ и радикальном корпусе, но классифицирует в том числе и тексты из шумового корпуса, добавленные в СМ класс. Целью эксперимента является оценка того, насколько снижаются результаты классификатора, если при его обучении не учитывать шумовые составляющие.

Эксперимент № 3 — расширение классификатора текстов путем добавления шумового класса. В данном случае применяется F -мера по трем рассматриваемым классам с целью учета влияния шумового корпуса на радикальный.

Эксперимент № 4 — применение бинарной классификации, когда тексты разделяются на 2 класса — нерадикальный и радикальный. Причем в нерадикальном корпусе смешиваются корпус СМ с шумовым корпусом.

Эксперимент № 5 — создание сложной модели, состоящей из двух последовательных классификаций. Первая отделяет СМ от совместного класса шумового и радикального корпуса, а вторая разделяет шумовой и радикальный класс. Тем самым проверяется гипотеза снижения ошибок первого рода за счет двойной классификации.

Результаты экспериментов

Результаты эксперимента № 1, в рамках которого проводилась классификация по СМ и РК для каждого классификатора, представлены в таблице 1, где указана рассчитанная A_c для каждого класса, а также F -мера и время обучения для каждого классификатора.

Таблица 1. Точность результатов в эксперименте № 1

	A_c		F -мера	$t_{обуч}$
	CM	PK		
SVM	0,95	0,95	0,955	0,6
GRU	0,95	0,96	0,957	113
BERT	0,96	0,95	0,954	2970

Полученные результаты следует рассматривать, как эталонные, к которым необходимо стремиться в экспериментах. Как видно из таблицы 1, все три классификатора показывают практически одинаковую точность. Стоит обратить внимание, что обучение SVM быст-

рее BERT практически в 5 тысяч раз при одинаковых показателях точности.

В эксперименте № 2, результаты которого представлены в таблице 2, использовались классификаторы из первого эксперимента в оценочном режиме, т.е. без обучения, в связи с чем измерение $t_{обуч}$ отсутствует.

Таблица 2. Точность результатов в эксперименте № 2

	A_c		F -мера	$t_{обуч}$
	$CM + ШК$	PK		
SVM	0,81	0,98	0,896	—
GRU	0,8	0,99	0,895	—
BERT	0,81	0,95	0,88	—

Как видно из полученных результатов, добавление в нерадикальный класс шумового контента существенно повышает количество ложных срабатываний, что можно наблюдать, исходя из снижения точности определения $CMK+ШК$ и

возрастанием точности определения PK . Результаты различных классификаторов близки, однако точность BERT несущественно ниже. Результат F -меры является условной нижней границей точности проводимых экспериментов.

Таблица 3. Точность результатов в эксперименте № 3

	A_c		F -мера	$t_{обуч}$
	$CM + ШК$	PK		
SVM	0,88	0,91	0,895	0,8
GRU	0,89	0,9	0,892	122
BERT	0,94	0,94	0,94	2949

Модель бинарных классификаторов в третьем эксперименте показывает достаточно высокие результаты определения контента. В отличие от эксперимента № 2 модель BERT превосходит модели SVM и GRU на 0,05 по F -мере,

что в задачах классификации выступает существенным результатом.

Результаты эксперимента № 4, где применена классификация на 3 различных класса представлены в таблице 4.

Таблица 4. Точность результатов в эксперименте № 4

	A_c			F -мера	$t_{обуч}$
	CM	$ШК$	PK		
SVM	0,95	0,86	0,8	0,868	3,8
GRU	0,95	0,85	0,83	0,874	171
BERT	0,99	0,92	0,87	0,922	2985

При трех классовой классификации лучшие результаты показывает модель BERT. Результаты всех классификаторов лучше, чем в эксперименте № 2, но A_c эталонных моделей достигла только для класса CM.

В эксперименте № 5 необходимо использовать составной классификатор, решающий две задачи: 1) отделение CM от РК + ШК (таблица № 5); 2) разделение РК и ШК (таблица № 6).

Таблица 5. Точность результатов в эксперименте № 5, первый классификатор

	A_c		F -мера	$t_{обуч}$
	CMK	PK + ШК		
SVM	0,97	0,97	0,97	1,5
GRU	0,96	0,97	0,965	273
BERT	0,99	0,99	0,986	3011

Таблица 6. Точность результатов в эксперименте № 5, второй классификатор

	A_c		F -мера	$t_{обуч}$
	ШК	PK		
SVM	0,86	0,83	0,84	1
GRU	0,85	0,85	0,85	113
BERT	0,93	0,9	0,91	2850

Из проведенных экспериментов видно, что если с разделением CMK от РК + ШК все модели классификаторов справляются практически одинаково, то синтаксически похожие тексты они различают по-разному. BERT справляется с данной задачей лучше, чем SVM и GRU.

Точность правильного определения принадлежности контента можно рассматривать в вероятностном смысле. Поэтому для нахождения суммарного результата по точности для составного классификатора перемножим точности двух классификаторов, работающих последовательно и независимо.

Таблица 7. Точность результатов в эксперименте № 5, последовательная классификация

	Суммарная A_c		F -мера
	ШК	PK	
SVM	0,834	0,805	0,816
GRU	0,816	0,825	0,82
BERT	0,92	0,891	0,905

Как видно из таблицы 7, модель составного классификатора BERT достигает улучшения классификационных показателей по сравнению с SVM и GRU на 0,1. Однако составной классификатор не отличается более высокой точностью в сравнении с моделью из эксперимента № 3.

На рис. 1 представлены измерения F-меры всех классификаторов, используемых в экспериментах.

Как следует из рис. 1, все три классификатора при отсутствии шумовых факторов показывают одинаковое качество работы. Однако при добавлении шумового контента наиболее шумостойким является классификатор на основе BERT (эксперименты 3—5). При этом наиболее результативным является модель BERT с бинарной классификацией (эксперимент № 3).

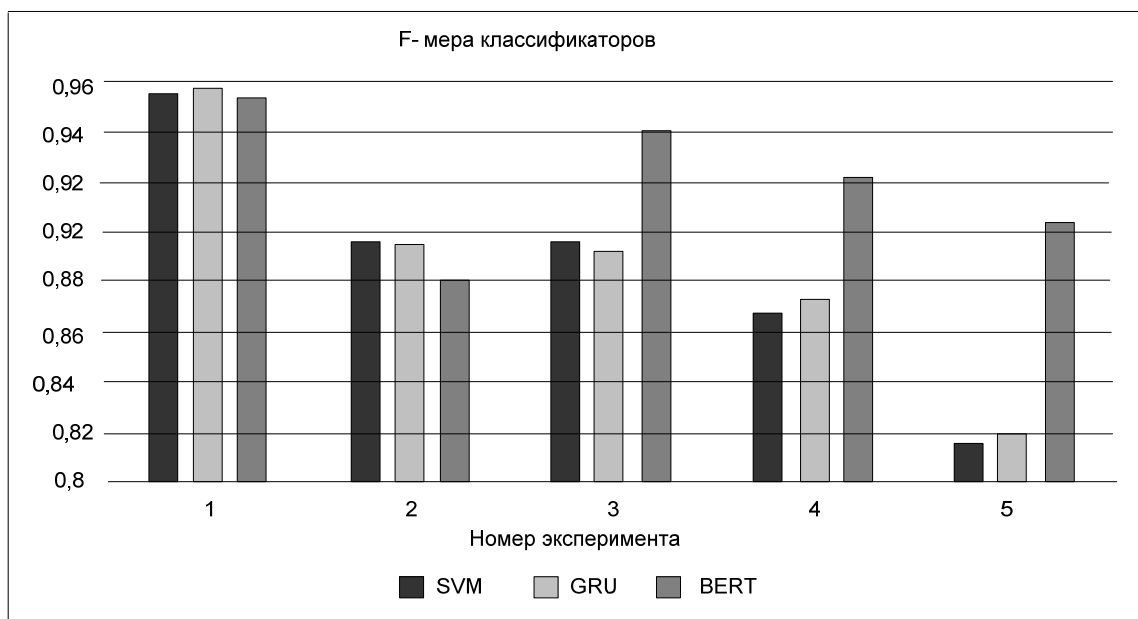

Рис. 1. Значения F-меры классификаторов, используемых в экспериментах

Обсуждение и выводы

В заключение подчеркнем, что современный этап развития правоохранительной системы России характеризуется ускоряющейся цифровизацией, все более широким использованием информационно-аналитических систем в управлении социальными процессами, включая перспективные технологии искусственного интеллекта, постоянным совершенствованием средств связи и возрастающей ролью информационно-коммуникационной среды.

Целевую основу исследований тематики, рассматриваемой в статье, составляют проблемы, связанные с ключевыми угрозами кибербезопасности, в числе которых в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации названы информационно-психологические воздействия (ИПВ) на индивидуальное, групповое и общественное сознание.

Новые разработки в области анализа и прогнозирования ИПВ могут стать серьезным вкладом в борьбу с криминальными проявлениями в обществе, особенно с терроризмом и экстремизмом, информационно все активнее и заметнее проявляющихся в социальных медиа.

Учитывая многоплановость, обширный спектр информационно-психологических аспек-

тов проблемы кибербезопасности, ее серьезный научный и практический объем и потенциал, исследования в этом направлении предполагают решение многих новых задач анализа, оценки и прогнозирования распространения деструктивной информации в информационных сетях.

Для практики ценность полученных при этом научных результатов заключается в новых возможностях методологического и методического обеспечения аналитической деятельности, связанной с обработкой и анализом больших данных (Big Data), зашумленных искусственно и естественно генерируемые «текстовками». Поэтому задача отделения деструктивного контента, результаты решения которой необходимы для принятия своевременных и эффективных мер по противодействию ИПВ в социальных медиа, от шумовых эффектов, весьма и весьма актуальна.

В настоящей статье исследовались свойства шумостойкости наиболее известных текстовых классификаторов — SVM, GRU, BERT.

В целях выявления свойств шумостойкости классификаторов сформированы корпуса текстов, каждый из ста тысяч предложений со средним количеством слов в них, равном 14,

моделирующие основное наполнение социальных медиа, целевой радикальный корпус, а также шумовой корпус (материалы, не являющиеся экстремистскими).

Показано, что наибольшую точность определения шумового контента при выявлении текстов деструктивной составляющей в СМ имеет архитектура классификатора на основе трансформера BERT.

Результаты работы данного классификатора при моделировании шумовых воздействий превосходят аналогичные архитектуры классификаторов моделей SVM и GRU.

Полученные результаты исследования целесообразно учитывать при разработке и модернизации автоматизированных систем правоохранительных структур, в частности — МВД России, для автоматического поиска контента экстремистской направленности в социальных медиа.

Отметим также, что, если существуют ограничения на вычислительные ресурсы, целесообразно использование классификатора SVM, как наиболее быстрого способа нахождения опасного деструктивного текстового контента.

Перспективы и дальнейшее развитие моделей и методов выявления деструктивного контента лежит в определении более эффективной конфигурации BERT, а также в расширении возможностей классификации текстов любого объема.

Список источников

1. Рубцова Ю.В. Построение корпуса текстов для настройки тонового классификатора // Программные продукты и системы. 2015. № 1. С. 72—78.

2. Минаев В.А., Поликарпов Е.С., Симонов А.В. Применение глубинных нейронных сетей для выявления деструктивного контента в социальных медиа // Информация и безопасность. 2021. Т. 24. № 3. С. 361—372.

3. Platt J.C. Fast training of support vector machines using sequential minimal optimization / Advances in Kernel Methods / Ed. by Bernhard Scholkopf, Christopher J.C. Burges, Alexander J. Smola. Cambridge, MA, USA: MIT Press, 1999. С. 185—208.

4. Devlin J. et al. Bert: Pretraining of deep bidirectional transformers for language understanding // arXiv preprint arXiv: 1810. 04805. 2018. С. 1—16.

5. Митренина О.В. Прикладная и компьютерная лингвистика: коллективная монография. М.: URSS, 2016. 320 с.

6. Zhang W., Yoshida T., Tang X. A comparative study of TF* IDF, LSI and multi-words for text classification // Expert Systems with Applications. 2011. Т. 38. №. 3. С. 2758—2765.

7. Forman G. et al. An extensive empirical study of feature selection metrics for text classification // J. Mach. Learn. Res. 2003. Т. 3. №. Mar. С. 1289—1305.

References

1. Rubtsova Yu.V. Building a Corpus of Texts for Tuning a Tone Classifier // Software Products and Systems. 2015. No. 1. —Pp. 72—78. **In Russian.**

2. Minaev V.A., Polikarpov E.S., Simonov A.V. The Use of Deep Neural Networks to Identify Destructive Content in Social Media // Information and Security. 2021. Vol. 24. No. 3. Pp. 361—372. **In Russian.**

3. Platt J.C. Fast Training of Support Vector Machines Using Sequential Minimal Optimization / Advances in Kernel Methods / Ed. by Bernhard Scholkopf, Christopher J.C. Burges, Alexander J. Smola. Cambridge, MA, USA: MIT Press, 1999. Pp. 185—208.

4. Devlin J. et al. BERT: Preliminary Preparation of Deep Bidirectional Transformers for Understanding the Language // Preprint arXiv:1810. 04805. 2018. Pp. 1—16.

5. Mitrenina O.V. Applied and Computational Linguistics: Collective Monograph. М.: URSS, 2016. 320 p. **In Russian.**

6. Zhang W., Yoshida T., Tang X.A. Comparative Study of TF* IDF, LSI and Multi-words for Text Classification // Expert Systems with Applications. 2011. Т. 38. No. 3. Pp. 2758—2765.

7. Forman G. et al. An Extensive Empirical Study of Feature Selection Metrics for Text Classification // J. Mach. Learn. Res. 2003. Vol. 3. No. Mar. Pp. 1289—1305.

УДК 343.9
ББК 67.52

© А.Ю. КИРСАНОВ, П.М. МУРАШЕВ. 2022

О государственной судебно-экспертной деятельности в системе правоохраны Российской Федерации

Алексей Юрьевич КИРСАНОВ,

старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образования
и науки, кандидат юридических наук, адвокат, адвокат международного класса

E-mail: inconsult.ak@gmail.com

Павел Михайлович МУРАШЕВ,

председатель Научно-исследовательская судебно-экспертная группа «СОДЕЙСТВИЕ»,
ведущий судебный эксперт

E-mail: myptver@gmail.com

Научная специальность: 5.1.1 — Право

Для цитирования. А.Ю. КИРСАНОВ, П.М. МУРАШЕВ. О государственной судебно-экспертной деятельности в системе правоохраны Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 55—58.

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о государственной судебно-экспертной деятельности в системе правоохраны в Российской Федерации высказано несколько суждений: судебно-экспертная деятельность может рассматриваться разновидностью государственной деятельностью; государственную судебно-экспертную деятельность осуществляют государственные органы, наделенные статусом «правоохранительный орган»; государственная судебно-экспертная деятельность может рассматриваться в системе правоохраны Российской Федерации

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Конституция РФ, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г., теория правоохраны, система правоохранительных органов, правоохранительный орган, государственный орган, заключение эксперта.

About the state forensic expert activity in the system of law enforcement of the Russian Federation

Alexey Yurevich KIRSANOV,

Senior Researcher, Scientific-research institute of education and science,
Candidate of Legal Sciences

E-mail: inconsult.ak@gmail.com

Pavel Mikhailovich MURASHEV,

Chairman of the Scientific Research Forensic Expert Group «SODYSTVIE»,
leading forensic expert, scientific specialty

E-mail: myptver@gmail.com

Abstract. In the article, when analyzing the legal literature and regulatory legal acts on state forensic expert activity in the law enforcement system in the Russian Federation, several judgments are made: forensic expert activity can be considered a kind of state activity; state forensic expert activity is carried out by state bodies endowed with the status of «law enforcement agency»; state forensic expert activity can be considered in the system of law enforcement of the Russian Federation

Keywords: Russian Federation, legislation, Constitution of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On State forensic expert activity in the Russian Federation» dated April 5, 2001, theory of law enforcement, system of law enforcement agencies, law enforcement agency, state body, expert opinion.

Предметом данной статьи являются государственная судебно-экспертная деятельность и ее место в системе правоохраны Российской Федерации¹.

Первоначально о состоянии теории.

Так, по мнению М.В. Жернового «целях активизации профилактической деятельности экспертно-криминалистических подразделений и определения эффективности результатов их работы необходимо: принять меры к организации систематических мероприятий по обобщению и анализу экспертно-профилактической работы, в том числе при производстве судебных экспертиз; отразить в должностных инструкциях экспертов ведение профилактической работы, направленной на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, и разработку мер по устранению криминогенных факторов; перед руководителями следственных подразделений, подразделений по организации дознания, экспертных подразделений поставить задачу по проведению совместного систематического анализа профилактики преступлений с использованием средств судебных экспертиз, с выработкой мер по совершенствованию данной работы; в планах работы экспертно-криминалистических подразделений предусмотреть мероприятия по выявлению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и разработке конкретных профилактических предложений, по различным направлениям экспертной деятельности; при проведении рецензирования заключений экспертов необходимо обращать внимание на экспертно-профилактическую работу с использованием средств судебных экспертиз: приняты ли экспертом при производстве конкретной экспертизы меры по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, внесены ли предложения профилактического характера; учитывать степень участия экспертов в профилактической работе при их аттестации, а также при подведении итогов работы экспертно-криминалистических подразделений»².

М.А. Фараджиевым «изложены предложения ... о внедрении в деятельность правоохранительных органов статистических карточек «Учета использования технических средств при производстве осмотра места происшествия» (форма ОМП), «Учета назначенных судебных

экспертиз» (форма СЭ), «Учета использования заключений судебных экспертиз в судебном процессе» (форма СЭСП)» («По результатам анализа карточек можно: определить основные направления и задачи мероприятий по устранению проблем технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия, наиболее эффективные пути устранения причин низкого качества использования технических средств при производстве осмотров мест происшествий; разработать рекомендации по рациональному использованию технико-криминалистических средств при производстве осмотров мест происшествий; вносить предложения по организации лабораторий и подготовке судебных экспертов для производства сложных и современных видов судебных экспертиз; определять недостатки в профессиональной деятельности специалистов-криминалистов, следователей и судебных экспертов и с учетом этого осуществлять повышение их квалификации; планировать мероприятия по организационно-техническому обеспечению деятельности следственных, технико-криминалистических служб и судебно-экспертных учреждений и многое другое»)³.

Н.И. Мягких обозначил «некоторые проблемы отбора кандидатов на службу в органах внутренних дел, возникающие в связи с обновлением в 2010 году нормативно-правовой базы проведения специальных психофизиологических исследований, осуществляемых силами МВД России» («Таким образом, сугубо аппаратные исследования для установления зависимости — это нонсенс. Реализация такого подхода к отбору кадров противоречит действующему законодательству. Речь может идти только о проведении психофизиологических исследований (в том числе СПФИ) в целях проверки информации, сообщаемой обследуемым лицом относительно фактов немедицинского употребления/неупотребления психоактивных веществ (наркотических, токсических, злоупотребления алкоголем и т.п.)»)⁴.

И.В. Глазунова отметила следующее: «Экспертно-криминалистические подразделения таможенных органов, как и иных правоохранительных органов, несут нелегкое бремя борьбы с правонарушениями в таможенной сфере. Организация данного направления деятельности обусловлена необходимостью при-

менения специальных познаний в процессе выявления, раскрытия, расследования и предупреждения правонарушений и преступлений в сфере таможенного дела» («Совершенствование порядка организации и производства экспертиз по постановлениям таможенных органов способно оказать позитивное влияние на качество осуществляемой ими правоохранительной деятельности»)⁵.

Н.А. Прокопенко обосновал следующее суждение: «В настоящее время нельзя сказать, что проблема использования микроследов в раскрытии и расследовании преступлений решена. Практикой накоплен большой эмпирический материал о микрообъектах и методах работы с ними. Однако он нуждается в дальнейшем научном обобщении и анализе»⁶.

Как известно, государственная судебно-экспертная деятельность урегулирована в нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ⁷. Таковым является Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.⁸ («Настоящий Федеральный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации ... в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации» — аннотация).

Государственную судебно-экспертную деятельность осуществляют, как правило, правоохранительные органы⁹.

Деятельность правоохранительных органов и их система ныне в теории вызывают дискуссии¹⁰.

Таким образом, исследования государственной экспертной деятельности и ее месте в системе правоохраны, необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, судебно-экспертная деятельность может рассматриваться разновидностью государственной деятельностью.

Во-вторых, государственную судебно-экспертную деятельность осуществляют государ-

ственные органы, наделенные статусом «правоохранительный орган».

В-третьих, государственная судебно-экспертная деятельность может рассматриваться в системе правоохраны Российской Федерации.

Список источников

1. *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119—123.
2. *Жерновой М.В.* Особенности деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений // Российский следователь. 2008. № 7.
3. *Фараджиев М.А.* О внедрении в деятельность правоохранительных органов статистических карточек // Эксперт-криминалист. 2012. № 4.
4. *Мягих Н.И.* Вопросы организации специальных психофизиологических исследований при отборе кандидатов в органы внутренних дел // Эксперт-криминалист. 2011. № 1.
5. *Прокопенко Н.А., Глазунова И.В.* Проблемные вопросы производства экспертизы в правоохранительной деятельности таможенных органов России // Таможенное дело. 2007. № 3.
6. *Прокопенко Н.А.* Проблемы использования микроследов в правоохранительной деятельности // Эксперт-криминалист. 2009. № 2.
7. *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28—30.
8. *Галузо В.Н.* О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27—30.
9. *Галузо В.Н.* Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
10. *Галузо В.Н.* Теория правоохраны — новое направление в юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15—16.
11. *Галузо В.Н.* Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110—113.

Bibliographic list

1. *Galuzo V.N.* Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. pp. 119—123.
 2. *Zhernovoy M.V.* Features of the activities of forensic units of internal affairs bodies in the field of crime prevention // Russian investigator. 2008. No. 7.
 3. *Faradzhiyev M.A.* On the introduction of statistical cards into the activities of law enforcement agencies // Expert-criminalist. 2012. No. 4.
 4. *Soft N.I.* Questions of the organization of special psychophysiological studies in the selection of candidates for internal affairs bodies // Forensic expert. 2011. No. 1.
 5. *Prokopenko N.A., Glazunova I.V.* Problematic issues of expert examination in law enforcement activities of the customs authorities of Russia // Customs business. 2007. No. 3.
 6. *Prokopenko N.A.* Problems of using microtraces in law enforcement // Forensic expert. 2009. No. 2.
 7. *Galuzo V.N.* Systematization of legislation in the Russian Federation: state and prospects of development // Law and Law. 2009. No. 8. pp. 28—30.
 8. *Galuzo V.N.* On the role of a normative legal act in the system of law of the Russian Federation // Education. The science. Scientific personnel. 2009. No. 4. S. 27—30.
 9. *Galuzo V.N.* Law enforcement: a Textbook for University students. M.: YUNITI-DANA, 2019.
 10. *Galuzo V.N.* Theory of law enforcement — a new direction in legal science? // Law and Law. 2009. No. 12. pp. 15—16.
 11. *Galuzo V.N.* Theory of law enforcement in the Russian Federation: pro et contra // State and Law. 2012. No. 11. pp. 110—113.
-
- ¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).
 - ² *Жерновой М.В.* Особенности деятельности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений // Российский следователь. 2008. N 7.
 - ³ *Фараджиев М.А.* О внедрении в деятельность правоохранительных органов статистических карточек // Эксперт-криминалист. 2012. N 4.
 - ⁴ *Мяжгих Н.И.* Вопросы организации специальных психофизиологических исследований при отборе кандидатов в органы внутренних дел // Эксперт-криминалист. 2011. N 1.
 - ⁵ См.: *Прокопенко Н.А., Глазунова И.В.* Проблемные вопросы производства экспертизы в правоохранительной деятельности таможенных органов России // Таможенное дело. 2007. N 3.
 - ⁶ *Прокопенко Н.А.* Проблемы использования микроследов в правоохранительной деятельности // Эксперт-криминалист. 2009. N 2.
 - ⁷ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.
 - ⁸ См.: СЗ РФ. 2001. N 23. Ст. 2291; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5101.
 - ⁹ О таковых подробнее см.: *Галузо В.Н.* Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
 - ¹⁰ В юридической науке даже предложен термин «теория правоохраны» (см. об этом: *Галузо В.Н.* Теория правоохраны - новое направление в юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113).

Особенности правовой защиты нравственности

Марьям Ахмедовна МУРТУЗАЛИЕВА,

преподаватель Дагестанского государственного университета народного хозяйства,
г. Махачкала

E-mail: musa60kg@gmail.com

Научная специальность: 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования. М.А. МУРТУЗАЛИЕВА. Особенности правовой защиты нравственности // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 59—61.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются критерии воздействия нравственных отношений на позиционирования государства. Государственно-правовая природа в отношении сформировавшихся нравственных устоев. Позиция уголовного права и права в целом относительно нравственных догм. Факторы влияющие на формирование нравственности. Оценка вариативности значений нравственности на различных уровнях. Роль нравственности в современном мире, как часть государственно-правового регулирования, законодательные основание на нравственные составляющие в Российской Федерации. Исторически сформировавшиеся принципы относительно смерти в духовной, правовой и социальной сферы.

Ключевые слова: нравственность, закон, порядок, мораль, социальный регулятор.

Features of protection against diseases

Maryam Akhmedovna MURTUZALIEVA,

Lecturer, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala

E-mail: musa60kg@gmail.com

Abstract. This article discusses the criteria for the impact of moral relations on the positioning of the state. State-legal nature in relation to the formed moral foundations. The position of criminal law and law in general regarding moral dogmas. Factors influencing the formation of morality. Evaluation of the variability of the values of morality at different levels. The role of morality in the modern world, as part of state-legal regulation, the legislative basis for moral components in the Russian Federation. Historically formed principles regarding death in the spiritual, legal and social spheres.

Keywords: morality, law, order, morality, social regulator.

Нравственность в обществе занимает ключевую роль в воспитании молодежи, в сформировавшихся устоях старшего поколения. Так как низкая нравственность прямо пропорционально отражается на высоком уровне преступности и сути неправомерных поступков. Высокая нравственность позволяет жить без жестко ограниченных правил, так как сама нравственность становится барьером при совершении каких-либо опасных или вредных поступков.

Но право не может потакать этим устоям, так как у права есть своя значимость и четко

определённая цель. Выступая социальным регулятором в обществе, право не может идти оппозиционно морали, так как оно предстает подчиненным ей.

Право является регулятором общественных отношений и выступает важнейшим фактором развития общества, ведь обеспечивает возможность плодотворной правомерной деятельности человека, препятствуя незаконному вмешательству, при помощи механизмов юридической составляющей. Понятие ценности права призвано раскрыть его положительную роль для общества и отдельной личности, так

как ценность права имеет огромное значение и заключается в том, чтобы оно, воплощая общую (согласованную) волю участников общественных отношений, способствует развитию тех отношений, в которых заинтересованы не только отдельные индивиды, но и общество в целом, а высшая общественная ценность права заключается в том, что оно оказывает воздействие на поведение и деятельность людей посредством согласования их специфических интересов.

Роль морали выступает в свете событий, которые произошли в доисторическом периоде и сформировали такие догмы, но в месте с развитием и эволюцией имеют различные взгляды, убеждения базирующихся на этих догмах. Это определяет отношение людей между друг другом и стиль ведения переговоров относительно конфликтных ситуаций как в отношении самих себя, так и в отношении государства, среду обитания и действительности в целом. Отсюда исходит формирование самооценки, влияние на окружающую среду, формирование того, что является добром, а что злом. Мотивы человека могут быть ангельски чисты, но идти на перекокс всем правовым нормам, поэтому необходима тщательная подготовка в формировании правовых ограничений и четкое обособление границ, за которые индивиду нельзя переходить.

Плотное взаимодействие этих двух составляющих определяют вектор и скорость развития государства, так как наличие этики в ведущих странах мира позволяет гармонично распределять и решать нормы права и нравственности. Таковыми столпами являются справедливость, честность, уважение они также регулируют ценности руководящиеся государством, такая природа взаимодействия права и нравственности позволяет выступать им инструментом регулирования отношений в обществе, улучшения общественной солидарности с учетом моральных ценностей [1].

Поддержания такого взаимодействия становится трудным в связи с многочисленными реформами, которые в свою очередь создали огромное количество противоречий в сфере политики, экологии, нравственности и права. Утрата заветов предков, формирование новых ценностей стали обыденностью в нашей стране, а это влечет конфликт интересов не только

относительно взаимоотношений, но и касается всех окружающих человека социальных сфер.

Развитость конкретной нации можно определить при помощи нравственных устоев, так как именно они являются помощниками права, осуществляющих внутренний контроль над поступками, адекватную оценку происходящего и рациональное использование эмоциональных ресурсов. Эти устои формируются исходя из религиозных, национальных, культурных и исторически сложившихся условий.

Нравственность это глобальный критерий для оценки культурно-нравственной позиции государства. Адаптация нравственности согласно государственно-правовых норм одна из сложнейших задач, так как в зависимости от политических, географических, экономических и других параметров постоянно меняется. На сегодняшний день не существует ни одного государственно-правового документа, который не учитывал бы нравственные компоненты общества.

Обусловить значения нравственности в отношении юридически правовых норм является многоплановой задачей и в силу своей многоплановости может изучаться на различных уровнях в связи с тем, что с каждым днем укрепляется позиция прав человека.

В Конституции Российской Федерации определяют два критерия нравственности:

1. Нравственность находится на ряду с основополагающими ценностями как здоровье, безопасность, охрана окружающей среды и др.

2. Определение нравственных границ, нравственных ориентиров и наложение неких ограничений на индивида в отношении его деятельности, а также в отношении свободы, обязательств и прав человека. Для общественного строя который относится государственной и общественной власти нравственные ориентиры определяются в характере полномочий, обязательствах по защите прав и свобод человека и юридической ответственности [2].

Учение о природной личности, отвергнутое ранее, получило признание в науке и практике. В отличие от социалистических отношений с признанием российских юридических наук нравственная ценность стала более приоритетной частью государственно-правового регулирования.

Субъективные права и юридические обязанности являются не только юридическими, но и важнейшими нравственными категориями. Они служат стандартами возможного, уместного, этичного, аморального, справедливого и несправедливого поведения. Путеводитель на жизненные ситуации человека, является его нравственной свободой.

В Уголовном кодексе РФ преступления, посягающие на общественную нравственность, помещены в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Как видно из самого названия эта глава объединяет две группы преступлений: против здоровья населения и против общественной нравственности. В учебной и научной литературе уголовно-правовой тематики к преступлениям против здоровья населения принято относить преступные деяния, предусмотренные ст. 228—239 УК РФ, а к преступлениям против общественной нравственности деяния, предусмотренные ст. 240—245 УК РФ.¹

Закреплённый в статье 19 Конституции принцип равноправия независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств касается всех сфер жизни, который означает одинаковый подход, равную меру при решении вопроса о правах и свободах, обязанностях и ответственности людей.

Неотъемлемое, основополагающее и естественное право человека на жизнь четко прописано в статье 20 Конституции РФ. Право на жизнь имеет каждый — от рождения до самой смерти. Из этого не следует, что если у человека имеется права на жизнь, то что он имеет юридическое обоснование на смерть [4].

Если заглянуть в историю, то можно найти огромное количество примеров в которых ни церкви, ни мечети, ни даже сами государства не становились на сторону лиц просивших ускоренной смерти, даже при тяжелых заболеваниях, так как это законодательно предусмотрено.

Критическое обоснование и изучение и естественного опыта общества, соотношения в обычаях и традициях может быть связано с формированием защиты от посягательств разного характера. Опора на законы подходящие под

определения регулирующих нравственность и поиск новых эффективных способов, методов и средств помогут возродить духовность, природные ценности, сохранить межнациональное согласие и согласие в обществе.

С развитием конституционного регулирования нравственности в контексте конституционного права Российской Федерации происходит создание закрепления основ нравственности в едином Федеральном законе о защите нравственности в Российской Федерации (попытка рассмотрения на законодательном уровне с 1991 г.), который должен определить основные положения правового регулирования, требующие ограничения деятельности субъектов правоотношений с точки зрения нравственности, а также определение нравственности и других основных понятий, для выработки устойчивой правовой системы. состояние.

Список источников

1. *Милеров Е.В.* О видах юридической ответственности в сфере посягательств на общественную нравственность / Е.В. Милеров // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сб. статей. Пенза, 2018. С. 174—178

2. *Гусарова М.В.* Общая природа уголовно-правовых норм о защите половой неприкосновенности, половой свободы личности и о некоторых деяниях против общественной нравственности / М.В. Гусарова // Библиотека уголовного права и криминологии: сб. статей. Москва, 2017. С. 141—150

3. *Ярошенко О.Н.* Особенности уголовного законодательства Турции, Таиланда, Китайской народной Республики и Японии регулирующего преступления против общественной нравственности / О.Н. Ярошенко // вестник экономики, права и социологии: сб. статей. Нижний Новгород, 2020. С. 126—130.

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. Москва: КонсультантПлюс, 1997—2017. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. 05.11.2017 г.

УДК: 343.985
ББК: 67.52

© А.И. РАХИМОВ. 2022

Факторы, влияющие на процесс формирования и изменения идеальных следов преступления

Артем Ибрагимович РАХИМОВ,

аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: RahimovArtem@yandex.ru

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Научный руководитель: Алексей Александрович БЕССОНОВ, и.о. ректора Московской академии, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции

Для цитирования. А.И. РАХИМОВ. Факторы, влияющие на процесс формирования и изменения идеальных следов преступления // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 62—64.

Аннотация. В статье приведен анализ содержания объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование и изменение идеальных следов преступления. Описаны формы их взаимодействия, приведена классификация факторов. Определено понимание процессов трансформации и искажения идеальных следов преступления

Ключевые слова: идеальные следы преступления, объективные и субъективные факторы, трансформация, искажение, классификация идеальных следов преступления.

Factors affecting the process of formation and change of ideal traces of the crime

Artem Ibragimovich RAKHIMOV,

graduate student at the Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation

E-mail: RahimovArtem@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the content of objective and subjective factors affecting the formation and change of the ideal traces of the crime. The forms of their interaction are described, the classification of factors is given. The understanding of the processes of transformation and distortion of the ideal traces of the crime is defined

Keywords: ideal traces of the crime, objective and subjective factors, transformation, distortion, classification of ideal traces of the crime.

При расследовании преступлений значительная часть усилий направлена на получение и проверку информации, которая содержится в идеальных следах, которые являются психическим отражением преступного события в памяти человека. Процессы формирования и изменения данных следов протекают в условиях взаимодействия психики человека с окружающей его средой, включающей в себя все многообразие материального мира, в том числе других людей со своими личностными

особенностями, то есть подвержены влиянию разнообразных субъективных и объективных факторов.

Таким образом, оценка информации, получаемой из содержания идеального следа, должна производиться с учетом всех факторов, которые могли оказать определенное воздействие на них. При этом стоит отметить, что все стадии процесса формирования идеальных следов взаимосвязаны и каждая из них подвержена влиянию схожих факторов, которые в крими-

налистике принято делить на две основные группы: объективные, которые не зависят от воли и сознания человека и субъективные, находящиеся в зависимости от личности человека. Каждый из них может способствовать как правильному и точному формированию идеальных следов, так и напротив, препятствовать данному процессу.

Толковый словарь русского языка определяет понятия термина «трансформация»¹ как превращение из одного в другое либо преобразование чего-либо, а «искажение»² — как ошибку, представление о чем-либо в ложном, неправильном виде; резкое ухудшение чего-либо. Используя данные термины, можем обозначить процессы преобразования идеального следа под влиянием субъективных и объективных факторов, как трансформацию идеальных следов преступления, то есть *позитивные изменения, дополняющие его адекватным содержанием*, искажение — *негативные, пагубные преобразования, создающие ложное содержание следа*.

В настоящее время в криминалистической литературе среди объективных факторов выделяют следующие³:

- факторы, объединяющие внешние условия окружающей обстановки (метеорологические условия; время суток; характер и степень освещенности; уровень шума; температурные условия; удаленность и продолжительность событий и т.д.;
- факторы, объединяющие особенности объектов или явлений восприятия — окрас, яркость, форма, размеры, состояния движения или покоя, скорость передвижения, громкость, температура и др.

К субъективным факторам относят такие как: возраст, физическое состояние, вид памяти и ее состояние, психологические особенности личности, уровень знаний и опыта, направленность внимания и личный интерес к воспринимаемому, нервные расстройства, состояние опьянения и т.д.⁴

Исходя из анализа научной литературы, посвященной вопросам влияния различных факторов на процессы восприятия, запоминания и воспроизведения можно отметить, что они не только оказывают влияние на формирование и изменение идеальных следов преступления, но и взаимодействуют между собой и являются

источником возникновения иных субъективных факторов. Данное взаимодействие и оказываемое ими влияние можно описать следующим образом: 1) дополняют друг друга, обеспечивая наилучшие условия формирования идеального следа; 2) усугубляют друг друга, препятствуя формированию и привнося в него искажения; 3) нейтрализуют друг друга, обеспечивая приемлемые условия формирования. То есть их действие является комплексным, вследствие чего не всегда можно установить изолированное влияние того или иного фактора и вызываемые ими изменения.

Также стоит отметить, что факторы объективного характера в отличие от субъективных, сами по себе не привносят изменения в идеальные следы, а только способствуют или препятствуют нормальному процессу их формирования, а также обуславливают возникновение факторов субъективного характера.

Учитывая наличие огромного числа объективных и субъективных факторов, описать их все не представляется возможным, что обуславливает необходимость их систематизации. Проведенный анализ позволил нам классифицировать факторы, влияющие на механизм формирования и изменения идеальных следов, по следующим основаниям:

- по характеру воздействия: трансформирующие факторы, искажающие факторы;
- по характеру возникновения: приобретенные и врожденные;
- по времени воздействия: разово, временно и постоянно действующие;
- по характеру образования: естественно-происхождения и искусственно сформированные;
- по стадиям формирования идеальных следов: факторы восприятия, запоминания, воспроизводства и воспроизводства сопряженного с материализацией;
- по источнику возникновения: внутренние и внешние;
- по охвату стадий формирования идеальных следов: факторы, влияющие на одну из стадий, на две или все стадии.

Приведенная нами классификация будет способствовать выявлению разного рода ошибок, возникающих из природы формирования идеальных следов, и выделению оптимальных тактических приемов, направленных на мини-

мизацию негативного влияния искажений и способствующих трансформации идеальных следов преступления.

Список источников

1. Габитоскопия: учеб. пособ. / А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий. М.: Юрлитинформ, 2009. 174 с.
2. *Доспулов Г.Г.* Психология допроса на предварительном следствии. М.: «Юрид. лит.», 1976. 112 с.
3. Криминалистика: учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов [и др.]; Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. 2-е изд. М.: Высш. Шк, 2000. 672 с.
4. Криминалистика: учебник / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 766 с.
5. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь. 2005. 781 с.
6. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ: Мир и Образование. 2020. 736 с.
7. *Ратинов А.Г.* Судебная психология для следователей: учеб. пособие. М.: «Юрлитинформ», 2001. 352 с.
8. *Соколова О.А.* Субъективные факторы, влияющие на восприятие и воспроизведение информации о признаках внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 5—2. С. 131—140.
9. *Суворова Л.А.* Идеальные следы в криминалистике. М.: Юрлитинформ, 2006. 200 с.

References

1. Gabitoscopy: textbook. / A.M. Zinin, I.N. Podvolotsky. Moscow: «Yurlitinform», 2009. 174 p.
2. *Dospulov G.G.* Psychology of interrogation during the preliminary investigation. Moscow: «Yuridicheskaya literatura», 1976. 112 p.
3. Criminalistics: textbook for universities / I.F. Gerasimov [and others]; Edited by I.F. Gerasimov, L.Y. Drapkin. Moscow: «higher school», 2000. 672 p.
4. Criminalistics: textbook / L.Y. Drapkin, V.N. Karagodin. 2011. 766 p.

5. Criminalistics: Textbook / Ed. by N.P. Yablokov. 3rd ed. revised and supplemented. Moscow: «Jurist», 2005. 781 p.

6. *Ozhegov S.* The Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, Edited by Prof. L.I. Skvortsov. 27th ed. Moscow: Publishing house AST: World and Education, 2020. 736 p.

7. *Ratinov A.G.* Forensic psychology for investigators: textbook. Moscow: «Yurlitinform», 2001. 352 p.

8. *Sokolova O.A.* Subjective factors affecting the perception and reproduction of information about the signs of human appearance in the detection and investigation of crimes // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. No. 5—2. P. 131—140.

9. *Suvorova L.A.* Ideal traces in criminalistics. Moscow: «Yurlitinform», 2006. 200 p.

¹ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ: Мир и Образование. 2020. С. 646.

² *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ: Мир и Образование. 2020. С.214.

³ См., на пример: *Доспулов Г.Г.* Психология допроса на предварительном следствии / Г.Г. Доспулов. М.: «Юрид. Лит.», 1976. С. 23; *Ратинов А.Г.* Судебная психология для следователей: учеб. пособие / А.Г. Ратинов. М.: «Юрлитинформ», 2001. С. 211.; Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 2005. С. 491; *Соколова О.А.* Субъективные факторы, влияющие на восприятие и воспроизведение информации о признаках внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 5—2. С. 131—140.

⁴ См., на пример: Криминалистика: учебник / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 766 с.; Криминалистика: учеб. для вузов / И.Ф. Герасимов [и др.]; Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк, 2000. С. 278; *Суворова Л.А.* Идеальные следы в криминалистике. М.: Юрленформ, 2006. С. 55—57; Габитоскопия: учеб. пособ. / А.М. Зинин, И.Н. Подволоцкий. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 55—60 *Соколова О.А.* Субъективные факторы, влияющие на восприятие и воспроизведение информации о признаках внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 5—2. С. 131—140.

К вопросу об истории преступления и наказания

Григорий Михайлович САРБАЕВ,

адвокат, общественный деятель, член Европейской ассоциации юристов, доктор права

E-mail: Greg@zakonoved.com

Нодари Дарчоевич ЭРИАШВИЛИ,

профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор

E-mail: professor60@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Для цитирования. Г.М. САРБАЕВ, Н.Д. ЭРИАШВИЛИ. К вопросу об истории преступления и наказания // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 65—70.

Аннотация. В настоящее время существует множество различных аргументов о причинах преступности и индивидуальных нарушений закона. Поэтому неудивительно, что многие ученые начали задаваться вопросом, возможно ли объединить некоторые или все эти различные линии объяснения в единую теорию и тем самым разработать более мощный причинный аргумент. Отдельные криминологи предположили, что биологические, психологические и социологические утверждения о преступлении играют определенную роль в объяснении преступления и что, следовательно, они должны быть интегрированы. Другие предлагали более ограниченные формы интеграции, в которых психологические утверждения о нарушении закона могут быть связаны или интегрированы с социологическими. Но до настоящего времени криминологические исследователи не продвинулись очень далеко в направлении сложных теоретических интеграций. Для того чтобы интегративные усилия принесли свои плоды, вероятно, потребуются дальнейшие исследования взаимосвязей между биологическими, психологическими и социальными факторами преступности и преступного поведения

Ключевые слова: преступность, преступления, противоправное деяние, ответственность, наказание, преступник, санкции, юридическая ответственность.

On the question of the history of crime and punishment

Grigory Mikhailovich SARBAYEV,

lawyer, public figure, member of the European Association of Lawyers, Doctor of Law

E-mail: Greg@zakonoved.com

Nodari Darchoevich ERIASHVILI,

professor of the department of civil and labor law, civil process
of the «Moscow University of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation named after V.Y. Kikot», doctor of economics,
candidate of law, candidate of historical, professor

E-mail: professor60@mail.ru

Abstract. Currently, there are many different arguments about the causes of crime and individual violations of the law. Therefore, it is not surprising that many scientists have begun to wonder whether it is possible to combine some or all of these different lines of explanation into a single theory and thereby develop a more powerful causal argument. Some criminologists have suggested that biological, psychological, and sociological statements about crime play a role in explaining crime and that, therefore, they should be integrated. Others have suggested more limited forms of integration in which psychological allegations of violation of the law can be linked or integrated with sociological ones. But to date, criminological researchers have not progressed very far in the direction of complex theoretical integrations. In order for integrative efforts to bear fruit, further studies of the interrelationships between the biological, psychological and social factors of crime and criminal behavior are likely to be required

Keywords: crime, crimes, illegal act, responsibility, punishment, criminal, sanctions, legal responsibility.

Различные точки зрения на преступность важны для объяснения того, почему люди занимаются девиантным поведением и почему лишь немногие становятся особо опасными в нашем обществе. Объяснение каждой теории и каждой точки зрения поможет разъяснить различные причины возникновения преступности и выявить факторы, которые заставляют человека становиться преступником.

Преступление и наказание существовали с незапамятных времен. Однако в том, как были задуманы формы этих преступлений, происходили драматические непрерывные изменения. Таким образом, современное восприятие преступности отличается от того, которое существовало сотни лет назад. Несмотря на этот факт, существует некоторая преемственность идей, касающихся преступления и наказания.

После распада Римской империи в Англии и Европе возникла своеобразная правовая система, система была сложной, но эффективной. Однако в ней отсутствовала четкая система уголовного правосудия, а значимость правительства и законодательства была ограниченной. Англосаксонское общество Англии было законным и имело развитую правовую систему, правовая система в англосаксонской Англии была единой и неделимой. Система служила для минимизации конфликтов путем разрешения межличностных и межгрупповых споров. Это имеет некоторое сходство с современной правовой системой, которая занимается минимизацией насилия.

Кровная месть была основным механизмом, который использовался англосаксами для разрешения споров. Такой вид разрешения преступлений кажется варварским, поскольку он может привести к широкому распространению насилия, которое возникает из-за тривиальных споров. Кровная месть обходилась дорого, и поэтому у конфликтующих лиц была альтернатива мирному разрешению споров. Это было сделано с помощью правовой системы, которая предусматривала посредничество между спорящими лицами или группами.

Процедура разрешения споров в спорных ситуациях началась с обращения истца к старейшинам с просьбой о ее создании. За этим последовала разметка участка с помощью веревок, чтобы сформировать площадку. Любой, кто вошел в суд, был обязан принять любое

решение, принятое в ходе судебного разбирательства, и от него не ожидалось, что он прибегнет к каким-либо насильственным средствам во время судебного разбирательства, независимо от того, насколько был рассержен. Следующим шагом было вызвать ответчика. У ответчика был выбор: обратиться в суд и принять участие в процессе разрешения спора или отказаться. Те, кто отказывался участвовать в споре, рисковали быть объявленными вне закона. Дискуссия проходила под председательством лица, не имеющего отношения к спорящим сторонам. Также ожидалось, что он будет человеком высокого положения. Затем истец и ответчик изложат свое дело, и ожидается, что свидетели подтвердят или опровергнут рассказ обеих сторон. В ходе обсуждения будет рассматриваться этот вопрос на основе представленных доказательств, а затем будет принято решение.

Решение в большинстве случаев будет основываться на предыдущих постановлениях по аналогичным делам и знании спорных вопросов на основе доказательств, представленных любой из сторон. Сторона, признанная виновной, будет затем обязана выплатить компенсацию, и две стороны будут примирены. Таким образом, главной заботой этой системы было поддержание социального порядка, а не наказание. В системе отсутствовали функции, связанные с уголовным процессом, такие как предыдущая судимость, репутация или высокие стандарты доказательств обвиняемого. Обвиняемый и его родственники несли вергильд, то есть бремя компенсации. В то время смертная казнь была редкостью, исключением. В качестве альтернативы порка в основном использовалась при совершении тяжких преступлений.

В сложных спорах участвовали несколько учреждений. В тех случаях, когда обвиняемый отрицал какие-либо противоправные действия, он давал клятву перед началом судебного разбирательства. Человек, который дал клятву, но общественность заподозрила, что он совершил преступление, разрушит его репутацию, и никто никогда не будет доверять ему в будущем. Можно было бы подкрепить свою клятву тем, что родственники и друзья совершат обряд очищения, это придавало бы уверенности его клятве.

В таком случае ритуал испытания мог быть проведен священником. Использование ритуала испытания помогло гарантировать, что не возникнет насильственного конфликта. Поэтому стоит отметить, что обеспечение правопорядка в англосаксонской Англии было мандатом сообщества. Механизм «шум и крик» в основном использовался для того, чтобы поднять тревогу по поводу совершения преступления. Ожидалось, что все, у кого был «шум и крик», присоединятся к нему. Любой, пойманный на месте преступления, такого как убийство или кража, должен был быть казнен на месте, однако такие мгновенные наказания практиковались редко.

В давние века короли в Европе не были такими могущественными, какими они стали позже, они играли ограниченную роль в правовой системе, в основном издавали Кодексы законов, которые в существенном плане давали разъяснения и рекомендации, которые направляли споры и помогали предотвращать противоречивые прецеденты. Короли также были вовлечены в закон, касающийся дел церкви, а также их собственных дел.

Хотелось бы отметить, что отдельные исключительные преступления не приводили к выплате компенсации после установления вины. К ним относились изнасилования, измена, убийства и поджоги, и они были известны как преступления без сапог, эти преступления без сапог требовали смертной казни. Это объясняется главным образом тем, что такие преступления считаются совершенными против всего сообщества, а не против одного человека или группы лиц. Считалось, что последствия этих преступлений выходят за рамки жертвы, что измена имеет серьезные последствия, такие как начало гражданской войны. С другой стороны, убийства и изнасилования рассматривались, как возможная причина неоправданного сильного гнева, подозрений и конфликтов. Поджог считался преступлением против общества, учитывая, что у людей в то время не было механизма тушения пожара.

Расширение роли короля и наличие преступлений, совершенных без обуви, породили новую правовую систему, которая специализировалась на некоторых серьезных преступлениях. Это положило начало системе уголовного правосудия, которая считается отдельной

и отличной от общей правовой системы. Эта система превратила частную месть в общественную, была мотивирована необходимостью увеличения доходов для короля.

Считается, что первоначальная королевская система правосудия была создана во времена правления Эдгара и Кнута. Позже она была усовершенствована нормандскими королями. Радикальная реконструкция и усовершенствование системы были предприняты Генрихом II в 1166 году. Он обнародовал решение суда присяжных Кларендона, которое устанавливало соответствующие меры для каждого спора, например, связанного с владением землей. Обнародование решения суда присяжных Кларендона позволило создать тюрьмы округов и районов.

Подозреваемых преступников и тех, кто был пойман с поличным при совершении преступлений, отправляли в тюрьмы до суда. Применение этих процедур в уголовных делах привело к появлению коллегии присяжных по уголовным делам. Генрих II также учредил систему судей в Эйре, которая просуществовала до 1971 года. Эта система позволяла королю отправлять судей в графства, где они выявляли споры, которые могли бы принести доход, или серьезные споры, которые привели бы к беспорядкам, если бы они не были разрешены. Таково происхождение большого жюри. Система сначала была потрясена восстанием из-за вымогательств. Как следствие, король Иоанн подписал Великую хартию вольностей в 1215 году. Это требовало соблюдения закона в соответствии с процедурой, а также обязывало судей соблюдать закон.

В этот период судебная процедура претерпела важные изменения в связи с тем видом уголовного правосудия, который зарождался, и церковью. Церковь выступала против семейных обычаев, таких как незаконные браки и сожительство в дополнение к браку близких родственников. Церковь также была противником испытаний, испытания были окончательно запрещены в 1214 году во время Второго Латеранского собора. Это изменение передало важнейшую власть от общины королям и священнослужителям. Следовательно, орден правосудия процедура судебного разбирательства возникла в церквях. Она была основана на каноническом праве. Постепенные изменения

в этой процедуре способствовали ее принятию в светских судах, особенно по уголовным делам.

Королевские суды позже были реформированы Эдуардом, который основал единый набор судей, то есть коллегия. В Статуте Глостера 1285 года Эдуард I систематизировал методы, используемые для обеспечения соблюдения закона. Он также урегулировал разделение между светскими и церковными судами, используя Статут Премунера. Эдуард также обнародовал Статут Глостера, который остановил явление ползучести франшизы и в соответствии с которым король должен был считаться источником справедливости.

В Европе многие наследуемые или франчайзинговые юрисдикции расширились с точки зрения численности и полномочий. Некоторые исключили королевскую юрисдикцию, что привело к системе правового плюрализма. Она отличалась от Англии, где существовала единая система королевского правосудия.

К XIII веку возникла новая правовая система, в которой королевские суды играли центральную роль. Кроме того, все шире проводится различие между уголовными и гражданскими делами. Преступления, отличные от тех, за которые требовалась смертная казнь, рассматривались неофициально или другими судами. Таким образом, королевский суд рассматривал только преступления, за которые требовалась смертная казнь. Церкви занимались некоторыми преступлениями, хотя они были ограничены с точки зрения вида наказания, которое они могли налагать. Несмотря на изменения в правовой системе, правоохранительные органы по-прежнему зависели от механизма «шум и крик». Следствие привело к созданию Мелкого жюри (судебного процесса) и Большого жюри.

Основные изменения в правовых системах европейского региона произошли в XVI и XVII веках. Изменения в европейской правовой системе повлекли за собой передачу полномочий королевским судам от частных, общественных и других судов, а также увеличилось число судебных дел.

В данный период появились юристы, и система в большей степени опиралась на систематизацию и законодательство в области права. Система также была преобразована в возмездие из реституции. К середине XVII столетия,

в некоторых частях Европы, таких как Англия, появилось уголовное право, которое просуществовало до реформ, проведенных в середине XIX века. Решающие реформы были засвидетельствованы во время правления Тюдоров в XVI веке.

Система уголовного правосудия была более карательной в период с 1500 по 1815 год. Наказания применялись в основном для того, чтобы причинить стыд и позор, а не боль. Публичные наказания должны были удерживать зрителей от совершения подобных действий, четко формулировать и подтверждать нарушение определенных ценностей, а также изображать жертву как преступника. Все смертные приговоры приводились в исполнение публично в специально отведенном месте. В Средние века это наказание было редкостью, в последующие годы оно стало обычным явлением, поскольку круг преступлений, за которые требовалось это наказание, увеличился. Было подсчитано, что в период с 1500 по 1815 год более 250 различных преступлений требовали смертной казни. Несмотря на это, число повешенных оставалось стабильным. Это объясняется тем фактом, что расходы на судебное преследование были высокими и что расследование было оставлено на усмотрение жертвы.

В период с 1450 по 1750 год число уголовных преследований возросло. В частности, сообщалось о многих мелких нападениях в период с 1685 по 1720 год. По оценкам, за этот период было зарегистрировано более 7000 нападений. Нападение считалось незначительным преступлением.

В этот период также были распространены сексуальные нападения на женщин. Этот поступок часто воспринимался жертвами как проступок, а не как изнасилование.

Следует отметить, что мелкие нападения в основном совершались женщинами, хотя мужчины также играли жизненно важную роль в совершении этих преступлений. Большинство этих нападений было вызвано внутрисемейными проблемами, пьянством или денежной враждой. Насилие, также может вспыхнуть на улицах из-за некоторых спортивных событий. Насильственные преступления совершались в основном мужчинами, однако женщины также были вовлечены в кровавые угрозы, особенно в отношении монархов, не являющихся Стюартами.

Женщины раннего современного общества бросали вызов женственности и участвовали в женских беспорядках и спасениях. Таким образом, женщина в раннем современном обществе, казалось, была более агрессивной и напористой. Кроме того, взгляд на эти судебные преследования за мелкие преступления показывает, что насилие в этом обществе не было гендерно предвзятым.

Между 1750 и 1900 годами население Британии выросло с 10 миллионов до 42 миллионов. Более того, в Великобритании произошли огромные экономические изменения. Все больше людей проводили свою жизнь в городах и были свободнее, чем раньше. Это был период промышленной революции, промышленная революция оказала большое влияние на уровень преступности. Появились такие преступления, как кража со взломом, вандализм на дорожках, кража воды из стояков и неспособность отправить детей в школу. Кроме того, детский труд был криминализован. Наряду с этим у людей был более легкий доступ к информации. До этого периода предупреждение преступности основывалось на действиях сообщества. Миграция людей из деревень в города и поселки в этот период означала необходимость новых способов борьбы с преступностью. К концу XVIII века во Франции существовала хорошо организованная полиция, которая помогала в предупреждении преступности. Усилия по созданию такой силы в Великобритании были встречены противодействием. Принятие Закона о столичной полиции в середине XIX века способствовало созданию полицейских сил в Великобритании¹.

Хотелось бы отметить, что уровень судебных преследований снизился в XVIII веке. Существует несколько возможных объяснений этого снижения. Во-первых, снижение объясняется судебными реформами, появлением эффективных наказаний, которые заменили редко используемый Уголовный кодекс, и улучшением правоприменения. Это подразумевает, что многие преступления могут быть раскрыты, расследованы, привлечены к ответственности, преданы суду и вынесены «виновные» приговоры. Это указывает на то, что один из них, скорее всего, был пойман и наказан. Это могло бы способствовать изменению поведения преступников в обществе.

Этот спад также можно объяснить появлением хорошо организованной полиции в некоторых странах, таких как Франция. Это помогло бороться с преступлениями, а также способствовало в расследовании и судебном преследовании преступлений.

Экономическое воздействие на социальные проблемы также может объяснить этот спад. Бедность, которая свирепствовала у многих людей до этого периода, уменьшилась, поэтому экономических стимулов к совершению преступлений в это время не возникало. Кроме того, это уменьшило социальное напряжение, связанное с нищетой, которая была основным фактором, способствующим совершению насильственных преступлений, как это наблюдалось в предыдущие годы. Многие люди получили возможности трудоустройства, и поэтому ранее широко распространенные бродяги редко встречались в обществе.

Другим возможным объяснением является сокращение численности молодого населения и увеличение численности пожилого населения, которое наблюдалось в этот период в связи с повышением уровня жизни. Таким образом, сокращение численности молодого поколения означало, что уровень преступности также снизится, поскольку большинство преступлений было совершено этой группой лиц.

Культурные и социологические факторы укрепили гражданское общество этого периода, разработка морального кодекса могла бы значительно способствовать снижению уровня преступности к XVIII веку. Этот моральный кодекс мог бы заставить людей вести себя упорядоченно и соблюдать закон и, следовательно, сократить число уголовных преследований. Более того, кодекс означал, что уважение зарабатывается не за счет дохода и класса, а скорее за счет морального поведения. Это подразумевает, что любой может заслужить социальное уважение. Это привело бы к снижению числа уголовных преследований, поскольку преступлений, связанных с конкурентным потреблением, подобных тем, которые наблюдались в XX веке, больше не возникало. До середины XX века уровень уголовного преследования оставался относительно низким.

Очевидно, что понятие преступления со временем изменилось. Наказания за различные преступления также претерпели изменения

с течением времени. Из обсуждения также очевидно, что экономические и социальные изменения в обществе влияют на распространение преступлений и их трансформацию².

Анализ сегодняшних тенденций преступности дает возможность для ее прогностических оценок. По мнению специалистов, тенденции криминальных процессов в ближайшие годы в целом не изменятся, а общей закономерностью будет рост учтенной преступности при некотором снижении его темпов³.

Список источников

1. *Агилдин В.В.* Уголовное право. Особенная часть. Учебное пособие. М.: Инфра-М. 2018. 162 с.

2. Актуальные проблемы Общей части уголовного права. Учебник. / под ред. Подройкина И.А., Фаргиев И.А. М.: Проспект. 2020. 544 с.

3. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права. Учебник / под ред. Подройкина И.А., Улезко С.И. М.: Проспект. 2020. 768 с.

4. Актуальные проблемы уголовного права / под ред. Иногамовой-Хегай Л.В. М.: Проспект. 2019. 232 с.

5. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая. Учебник. / под ред. Иногамовой-Хегай Л.В. М.: Проспект. 2019. 240 с.

6. *Боровиков В.Б.* Уголовное право. Общая и особенная части. Практикум. Учебное пособие. М.: Юрайт. 2019. 376 с.

7. *Боровиков В.Б., Смердов А.А.* Уголовное право. Общая часть. Учебник. / под ред. Боровиков В.Б. М.: Юрайт. 2020. 250 с.

8. *Бриллиантов А.В.* Уголовное право в таблицах и определениях. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Эксмо. 2019. 624 с.

9. *Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А.* Систематизация законодательства и ее значение для совершенствования правового регулирования. Образование и право. 2021. № 6. С. 113—116.

10. *Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А.* Теоретико-правовые основы противодействия международной преступности. Социально-гуманитарное обозрение. 2021. № 1. С. 43—50.

11. *Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А.* Борьба с рабством, работоторговлей:

актуальные аспекты. Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 93—100.

References

1. *Agildin V.V.* Criminal law. The special part. Textbook. M.: Infra-M. 2018. 162 p.

2. Actual problems of the General part of criminal law. Textbook. / ed . Podroikina I.A., Fargiev I.A. M.: Prospect. 2020. 544 p.

3. Actual problems of the Special part of criminal law. Textbook. / ed . Podroikina I.A., Ulezko S.I. M.: Prospect. 2020. 768 p.

4. Actual problems of criminal law. / ed. Inogamova-Hegai L.V. M.: Prospect. 2019. 232 p.

5. Actual problems of criminal law. The General part. Textbook / ed . Inogamova-Hegai L.V. M.: Prospect. 2019. 240 p.

6. *Borovikov V.B.* Criminal law. General and special parts. The workshop. Textbook. M.: Yurayt. 2019. 376 p .

7. *Borovikov V.B., Smerdov A.A.* Criminal law. The general part. Textbook. / ed . Borovikov V.B. M.: Yurayt. 2020. 250 p .

8. *Brilliantov A.V.* Criminal law in tables and definitions. 2nd edition, revised and supplemented. — Moscow: Eksmo. 2019. 624 p.

9. *Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Yu.A.* Systematization of legislation and its importance for improving legal regulation. Education and law. 2021. No. 6. pp. 113—116.

10. *Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Yu.A.* Theoretical and legal foundations of countering international crime. Social and Humanitarian review. 2021. No. 1. pp. 43—50.

11. *Eriashvili N.D., Sarbaev G.M., Ivanova Yu.A.* Fight against slavery, slave trade: current aspects. Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2021. No. 2. pp. 93—100.

¹ Актуальные проблемы уголовного права / под ред. Иногамовой-Хегай Л.В. М.: Проспект. 2019. 232 с.

² Актуальные проблемы Общей части уголовного права. Учебник / под ред. Подройкина И.А., Фаргиев И.А. М.: Проспект. 2020. 544 с.

³ *Эриашвили Н.Д., Сарбаев Г.М., Иванова Ю.А.* Теоретико-правовые основы противодействия международной преступности. Социально-гуманитарное обозрение. 2021. № 1. С. 43—50.

© И.А. ФАДЕЕВ. 2022

История развития института дознания в Советско-Российском уголовном процессе

Илья Александрович ФАДЕЕВ,

старший преподаватель кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции

E-mail: Ilya-fadeev@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.09 — уголовный процесс

Для цитирования. И.А. ФАДЕЕВ. История развития института дознания в советско-российском уголовном процессе // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 71—82.

Аннотация. В настоящей статье исследуются основные этапы становления и развития института дознания в советско-российском уголовном процессе. Акцент делается на особенностях правового регулирования статуса подразделений (органов) дознания и порядка производства ими предварительного расследования в форме дознания в различное время. Не оставлены без внимания и некоторые другие вопросы, касающиеся взаимоотношений рассматриваемых служб с органами прокуратуры и суда

Ключевые слова: дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, расследование, дознание, форма предварительного расследования, полномочия, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, неотложные следственные действия.

The history of the development of the institution of inquiry in the Soviet-Russian criminal process

Ilya Aleksandrovich FADEEV,

senior Lecturer of the Department of Theory and Methodology
of Public Administration of the Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Police Major

E-mail: Ilya-fadeev@yandex.ru

Abstract. This article examines the main stages in the formation and development of the institution of inquiry in the Soviet-Russian criminal process. The emphasis is on the peculiarities of the legal regulation of the status of units (bodies) of inquiry and the procedure for their preliminary investigation in the form of inquiry at different times. Some other issues relating to the relationship of the services in question with the prosecutor's office and the court have not been left without attention

Keywords: investigator, head of the inquiry unit, head of the body of inquiry, body of inquiry, investigation, inquiry, form of preliminary investigation, powers, operational-search activity, operational-search measures, urgent investigative actions.

Значительные изменения в полномочия органов дознания были внесены постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 года «Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР», утвержденным 2-ой сессией ВЦИК XIV созыва¹. Статья 108 УПК РСФСР в редакции названного документа предоставляла следователям право с разрешения прокурора передавать любое уголовное дело иным орга-

нам расследования, что до некоторой степени способствовало стиранию граней между дознанием и предварительным следствием — тенденции, многократно повторявшейся впоследствии.

Интересно заметить, что в повременной юридической литературе нередко встречались высказывания о том, что реорганизация милиции, создание централизованного и боеспособ-

ного милицейского аппарата ни в коей мере не устраняло потребности в контроле и руководстве расследованием со стороны прокуратуры².

Как видим, наряду с классической функцией прокуроров — надзором за уголовно-процессуальной деятельностью органов дознания, в указанный период поддерживалась и побочная функция процессуального руководства дознанием, хотя в теории управления считается аксиоматичным тезис о том, что руководят обычно не процессом, а людьми; по крайней мере, в социальных системах. К тому же один из основателей советского государства в своих фундаментальных трудах неоднократно подчеркивал, что в отличие от иных органов власти, прокурор в отношении поднадзорных ему объектов никакой административной властью не пользуется³. А управление в любом его виде — есть сфера административного нормативного правового регулирования.

В последовавшие годы большое количество уголовных дел, подследственных следователям, фактически расследовалось органами дознания вплоть до их направления в суд. Подобная практика была осуждена Прокуратурой СССР в 1934 году, что нашло отражение в ее Директивном письме от 13 августа 1934 года «О качестве расследования»⁴.

Так или иначе, но в анализируемый период времени маститыми советскими учеными дознание по-прежнему рассматривалось как первичная деятельность по установлению события преступления и его материальных следов⁵.

В 1958—1960 годах органами дознания МВД СССР ежегодно оканчивалось производством более 40,0% уголовных дел от общего числа всех направлявшихся в суд органами дознания и органами предварительного следствия прокуратуры. При этом формальные показатели качества их расследования, как свидетельствует ведомственная статистика тех лет, были во многом лучше, чем у следователей надзорного ведомства⁶.

Видимо, в связи с этим, после принятия УПК РСФСР (1960) количество уголовных дел, подследственных органам дознания, стало постепенно увеличиваться⁷.

Глава 3 Положения о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 года четко разграничила дознание и предварительное следствие. Данный постулат в развернутом виде был вос-

принят Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года (ст. 29)⁸. Однако, как утверждали современники, слияния дознания и предварительного следствия в единый порядок расследования все же не произошло, как не произошло и подмены предварительного следствия дознанием.

Немаловажным остается и тот факт, что близкое к понятию дознания словосочетание «оперативно-розыскные меры» впервые проникло в уголовно-процессуальное законодательство РСФСР тогда же — 25 декабря 1958 года — в день принятия Верховным Советом СССР Основ. Статья 29 поименованного законодательного акта возлагала на органы дознания обязанности по принятию необходимых оперативно-розыскных мер⁹ в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших.

Легализация в УПК РСФСР права органов дознания на проведение ОРМ резко обострила научные споры по поводу их юридической природы. Мнения ученых, включавших их в содержание дознания, обосновывались упоминанием ОРМ в УПК РСФСР¹⁰, что, якобы, снимало вопрос о специфике использования полученных таким способом данных в расследовании (ОРМ в семантическом плане уравнивались с уголовно-процессуальными средствами — **И.Ф.**).

Однако сторонников обозначенной линии оказалось намного меньше, чем противников, убедительно доказавших, что широкая трактовка дознания с включением в нее и оперативно-розыскной деятельности¹¹, основана на неверных посылах, ибо нормативная правовая регламентация ОРМ в буквальном смысле в УПК РСФСР всё-таки отсутствовала.

В силу изложенного под дознанием, как и прежде, понимался первоначальный этап расследования, на котором фиксировались следы преступления, производились неотложные следственные действия и принимались иные сопутствовавшие меры для раскрытия преступления¹².

Данный пробел был восполнен в 1992—1995 годах в ходе разработки и принятия автономного оперативно-розыскного законодательства. В этот исторический момент наблюдались серьезные коллизии в совместном сосуществовании органов дознания МООН СССР¹³ и след-

ственных подразделений в прокуратуре. Объяснялось это тем, что результаты следственных действий, производившихся органами дознания по уголовным делам, подследственным следователям, по сложившейся ранее традиции, нередко полностью использовались в судах в качестве доказательств. Однако в ряде случаев следователям приходилось вновь выполнять (дублировать) наиболее значимые из них: предъявлять обвинение, допрашивать обвиняемого, проверять его показания и др. Анализируемая практика расценивалась весьма примечательно. Она интерпретировалась в качестве своеобразного процессуального контроля, обеспечивавшего дополнительные гарантии от необоснованного привлечения лиц в качестве обвиняемых и к уголовной ответственности в целом. Предполагалось, что сведения, становившиеся доказательствами, могли получаться органами дознания в нарушение требований закона, в результате (само) оговора и проч. Адекватные трения между органами дознания и предварительного следствия возникали и позже.

Наметившиеся в исследуемый период тенденции, связанные с выводом органов предварительного расследования из-под контроля судебной власти и ослаблением роли суда в механизме защиты прав и законных интересов человека, гражданина и личности, по мнению профессора Н.Н. Ковтуна, нашли продолжение в Основах (1958) и УПК РСФСР (1960). Указанные нормативные правовые акты уже не содержали положений об участии суда в разрешении вопросов, связанных с применением в стадии предварительного расследования мер процессуального принуждения¹⁴.

Возьмем данную выкладку на заметку, поскольку в начале XXI столетия подобный «опыт» в практике деятельности советских, а затем и российских судов, равно как и органов дознания был реанимирован, спровоцировав как старые, так и модернизированные дебаты по данному поводу.

УПК РСФСР 1960 года¹⁵ возложил на милицию обязанности по принятию необходимых оперативно-розыскных и прочих, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. К её ведению было отнесено предупреждение и пресечение преступлений,

производство неотложных следственных действий по уголовным делам, подследственным следователям, а также расследование в полном объеме преступлений небольшой и средней тяжести. К тому же она обязывалась проводить процессуальные проверки по заявлениям (сообщениям), содержащим признаки преступления.

В главе IX указанного кодифицированного законодательного акта был регламентирован порядок расследования преступлений в форме дознания. Открывала ее статья 117 УПК РСФСР «Органы дознания». В качестве таковых подразумевались: органы милиции; командиры воинских частей, соединений и начальники военных учреждений; органы государственной безопасности; начальники исправительно-трудовых учреждений (ИТУ); органы государственного пожарного надзора; органы пограничной охраны; капитаны морских судов, находившихся в дальнем плавании, и начальники зимовок в отсутствие транспортных связей с ними.

Несложно удостовериться в том, что в число органов дознания вышеуказанная норма включала на равных и органы (организации), и первых, а порою и единственных должностных лиц. Эта незадача сохранялась и в дальнейшем; прогрессирует она и до сих пор, хотя единой (вневедомственной) вертикали органов дознания в Российской Федерации, как известно, нет. К тому же позиционировать должностное лицо, даже высокого ранга в качестве органа дознания, мягко говоря, не корректно.

Полномочия органов дознания декларировались в статье 118 УПК РФ. На них возлагалось принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. К тому же они обязаны были предупреждать и пресекать преступления.

Подобная регламентация обосновывала взгляды отдельных ученых, например, В.А. Иванова, на дознание как на «деятельность специально на то уполномоченных административных органов государства, сочетающая оперативно-розыскную и следственную функции и направленная на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск и изобличение виновных»¹⁶.

Близкую по содержанию формулировку дознания выдвигал Р.М. Готлиб, подчеркивая, что соответствующая деятельность осуществляется под надзором прокурора¹⁷.

Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания различалась в зависимости от категории уголовных дел. В статье 119 УПК РСФСР она описывалась в приложении к уголовным делам, по которым предварительное следствие считалось обязательным. При выявлении признаков подлежащих преступлений, они должны были возбуждать уголовное дело и, руководствуясь правилами УПК РСФСР, производить неотложные следственные действия по обнаружению и закреплению его следов: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемого, допрос потерпевших и свидетелей¹⁸. О начале дознания незамедлительно уведомлялся прокурор. По выполнении неотложных следственных действий орган дознания, не ожидая указаний последнего и окончания срока, предусматривавшегося частью 1 статьи 121 УПК РСФСР, передавал уголовное дело следователю. После этого он мог производить по нему следственные и розыскные действия¹⁹ только по поручению следователя. В случае передачи уголовного дела, по которому не представилось возможным обнаружить лицо, совершившее преступление, орган дознания продолжал принимать ОРМ для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя о полученных результатах.

Статья 120 УПК РСФСР регламентировала уголовно-процессуальную деятельность органов дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие считалось необязательным²⁰. В подобных ситуациях орган дознания возбуждал уголовное дело и принимал все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры для установления обстоятельств совершения преступления, подлежащих доказыванию. При этом он руководствовался правилами, установленными УПК РСФСР для предварительного следствия, за некоторыми исключениями:

1) при производстве дознания защитник не участвовал²¹;

2) потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители извещались об окончании дознания и направлении

уголовного дела прокурору, но его материалы для ознакомления им не предъявлялись²²;

3) на органы дознания не распространялись правила, установленные частью 2 статьи 127 УПК РСФСР: при несогласии с указаниями прокурора они были вправе обжаловать их вышестоящему прокурору, не приостанавливая выполнения. Материалы дознания рассматривались в качестве оснований для рассмотрения уголовного дела в суде.

Сроки дознания регламентировались статьей 121 УПК РСФСР. По уголовным делам, по которым предварительное следствие признавалось обязательным, оно должно было заканчиваться не позднее 10-и суток со дня их возбуждения²³. По уголовным делам, по которым предварительное следствие являлось необязательным, дознание должно было заканчиваться не позднее одного месяца со дня их возбуждения, включая в этот срок составление обвинительного заключения либо постановления о прекращении (приостановлении) дознания. Срок дознания, установленный частью 2 статьи 121 УПК РСФСР, мог продляться прокурором, но не более чем на один месяц. В исключительных случаях он мог продляться по правилам, установленным статьей 133 УПК РСФСР.

Впоследствии важной вехой в развитии института дознания в советском уголовном процессе стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.07.1966 № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство»²⁴, которым была легализована протокольная форма досудебной подготовки материалов.

Вскоре в развитие его положений было принято постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.10.1972 № 9 «О судебной практике по делам о хулиганстве»²⁵, в котором были обобщены активы данного правового института, накопленные за предшествовавшие шесть лет.

В 60—70-ые годы XX века в юридической литературе спорадически возобновлялись дискуссии, предмет которых составлял тезис о том, что прокурор, используя предоставляемые ему законом права, вправе осуществлять процессуальное руководство расследованием²⁶. Тем самым по-новому трактовался закоренелый вопрос о правовой природе его полномочий в досудебных стадиях уголовного

процесса²⁷. Хотя и невозможно себе представить, что же это был за феномен такой — стороннее (внешнее) процессуальное руководство, да еще расследованием?

Специализированные подразделения дознания были сформированы в соответствии с приказом МВД СССР от 05.08.1982 № 254 «О создании специализированных подразделений дознания в органах внутренних дел и утверждении примерного Положения о них»²⁸.

В связи с организацией криминальной милиции и милиции общественной безопасности, на равных признававшихся органами дознания, были дифференцированы и их задачи. Функции первой сводились к предупреждению, пресечению и раскрытию силами оперативных подразделений преступлений, по уголовным делам о которых предварительное следствие считалось обязательным, а также к организации и осуществлению розыска обвиняемых (ст. 8 Закона Российской Федерации от 18.04.1991 № 1026—1 «О милиции»²⁹).

Функции милиции общественной безопасности виделись в предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, по уголовным делам о которых предварительное следствие было необязательным (ст. 9 Закона № 1026—1).

В состав милиции общественной безопасности и входили так называемые специализированные подразделения дознания, на которые возлагались обязанности по раскрытию преступлений, уголовные дела о которых относились к ведению органов дознания.

Несколько позднее законодательно закрепляется функционирование специализированных подразделений дознания в составе милиции общественной безопасности (1993)³⁰.

К сожалению, в теории советского уголовного процесса понятия «орган дознания», «лицо, производящее дознание» и «оперативный работник милиции» на протяжении длительного периода времени отождествлялись. Предполагалось, что под органами дознания закон подразумевал именно оперативных работников, поскольку они в силу своего должностного положения вправе были осуществлять уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельность, а также розыск, который в зависимости от его характера мог осуществляться с использованием как уголовно-процессуальных, так и ОРМ³¹.

Принятый 13 марта 1992 года Закон Российской Федерации № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»³² восполнил пробел в регулировании означенных вопросов, поскольку до этого право специальных государственных органов, уполномочивавшихся осуществлять ОРМ на территории страны было сформулировано в УПК РСФСР и в Законе № 1026-1 лишь в самых общих чертах.

Совместное Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД Российской Федерации от 09.09.1993 № 25/15-1993/13986 «О процессуальных полномочиях руководителей органов внутренних дел»³³ интерпретировало положения Закона № 1026-1 и действовавшего на тот момент УПК РСФСР весьма примечательным образом. Процессуальными полномочиями органов дознания, согласно комментируемой директиве, наделялись начальники криминальной милиции, начальники милиции общественной безопасности, а также начальники территориальных отделов (отделений) милиции и их заместители. При этом подчеркивалось, что органы внутренних дел в числе органов дознания не указаны, в связи с чем, их начальники не могут обладать соответствующими процессуальными правами, предусмотренными УПК РСФСР.

В проекте же УПК РФ, опубликованном в «Юридическом вестнике»³⁴ в статье 5 «Разъяснения некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе» можно было встретить прямо противоположное утверждение, согласно которому в качестве начальника органа дознания предлагалось рассматривать, прежде всего, начальника органа внутренних дел (п. 14).

Сказанное позволяет согласиться с теми авторами, которые полагают методологически ошибочным подход к определению целей подсистем органов внутренних дел через призму реализации ими задачи «раскрытие преступлений», которая традиционно осуществлялась криминальной милицией в отношении преступлений, по уголовным делам о которых расследование производилось в форме предварительного следствия, а милицией общественной безопасности — в форме дознания. Не вызывает сомнений, утверждали они, что милиция общественной безопасности не располагала

достаточными силами и средствами для раскрытия преступлений, в то время как у криминальной милиции с большей вероятностью просматривались завуалированные (скрытые) цели, отражавшие их стремление к уменьшению объема прогнозируемой работы, приукрашиванию ей показателей за счет ошибочной или умышленно неправильной квалификации преступлений в момент их обнаружения.

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³⁵ по-новому регламентировал оперативно-розыскные правоотношения, а главное — стратегически обособил органы дознания и органы, осуществляющие ОРД. К сожалению, данная новелла была замечена далеко не всеми и далеко не сразу, что, как следствие, до сих пор приводит к смешению в нормативных правовых актах и в юридической литературе органов дознания с оперативно-розыскными органами, тогда как это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Суть проблемы заключается в том, что подмеченная небрежность законодателя автоматически приводит к объединению органов дознания с оперативно-розыскными органами в единый объект прокурорского надзора.

Не наблюдалось единогласия в понимании и института дознания. Так, Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ 17 февраля 1996 года для соответствующих государств был принят рекомендательный Модельный УПК (МУПК), в котором дознание не рассматривалось в качестве самостоятельной формы расследования, а представляло собой строго ограниченную во времени деятельность по производству неотложных следственных действий до принятия следователем уголовного дела к своему производству.

Констатируя данный факт, и вступая в противоречие со своими же собственными доводами, А.В. Бродуленко продолжает далее в том ключе, что, мол, второй вид уголовно-процессуальной деятельности органов дознания в МУПК представлялся в форме досудебного производства по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести³⁶.

Стало быть, он не различал дознание, как обособленную форму расследования, и дознание, как автономную форму досудебного производства.

Важным этапом на пути дальнейшего совершенствования института дознания стало постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»³⁷. Оно признало противоречащими Основному Закону страны положения части 1 статьи 418 УПК РСФСР, наделявших судей правом возбуждения уголовных дел по материалам, подготовленным в протокольной форме. Они были признаны неконституционными (п. 1).

Описываемая позиция высшего судебного органа была воспринята с недоумением, вследствие чего 1 сентября 1997 года в Конституционный Суд Российской Федерации за разъяснениями по данному вопросу обратился Генеральный прокурор Российской Федерации.

По итогам рассмотрения заявленного им ходатайства Конституционный Суд Российской Федерации вынес определение от 07.10.1997 № 88-О «О разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»³⁸. В нем подчеркивалось, что функция публичного обвинения возлагается исключительно на органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

Во исполнение указанного решения Федеральным законом от 15.11.1997 № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР»³⁹ статья 418 из УПК РСФСР была исключена, а статья 415, регулировавшая порядок направления в суд материалов, подготовленных в протокольной форме, скорректирована.

Суть нововведений нашла отражение в указании Генерального прокурора Российской Федерации от 23.12.1997 № 75/36 «Об организации прокурорского надзора за производством протокольной формы досудебной подготовки материалов»⁴⁰, а затем — в совместном указании заместителя министра внутренних дел Российской Федерации и заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 25.08.1998 № 1/3227 и от 26.02.1998 № 12/26 «Об упорядочении практики оформления материалов в протокольной форме»⁴¹.

В совокупности перечисленные обстоятельства не могли на сказаться на состоянии российского уголовно-процессуального законодательства, что, собственно, и произошло.

Часть 1 статьи 40 УПК РФ⁴² к органам дознания отнесла: органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению ОРД; органы принудительного исполнения Российской Федерации; начальников органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов и органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

В процитированной норме наблюдается очередное смешение государственных органов, их структурных подразделений и первых должностных лиц при чередовании органов дознания, что воспринимается с большим трудом.

Часть 2 статьи 40 УПК РФ на органы дознания возложила:

1) производство дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно (гл. 32, 32.1 УПК РФ);

2) выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 157 УПК РФ);

3) осуществление иных предусмотренных УПК РФ полномочий.

В части 3 статьи 40 УПК РФ установления предыдущей нормы были развиты; провозглашено, что возбуждение уголовного дела в порядке, установленном статьей 146 УПК РФ, и выполнение неотложных следственных действий в пределах своего ведения возлагается также на:

1) капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании;

2) руководителей геологоразведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, указанных в части 1 статьи 40 УПК РФ;

3) глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации.

Статья 40.1 УПК РФ урегулировала полномочия начальника подразделения дознания, статья 40.2 УПК РФ — полномочия начальника органа дознания, не конкретизировав, однако, того, кого следует под ним подразумевать.

Что касается статьи 41 УПК РФ, то она декларировала полномочия дознавателя, ранее именовавшегося лицом, производящим дознание.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие упреждающие выводы.

В Российской Империи дознание рассматривалось в качестве административной деятельности полиции, осуществлявшейся вне процессуальных правил. Оно отграничивалось от предварительного следствия, играя вспомогательную роль.

Первыми аналогичными органами советского государства стали милиция и уголовный розыск, которым в уголовном процессе придавались функции органов дознания, несмотря на ограничение числа производимых ими следственных действий.

В органах дознания первым должностным лицам отводилась авторитарная роль, что объясняло объединение в одних руках гласных и негласных методов расследования. Ее усиление в условиях жесткой централизации государственной машины на первоначальном этапе советского строительства было неизбежным. Другой вопрос, что уголовно-процессуальная деятельность сотрудников милиции (дознание) нередко подпадала под административный и оперативно-розыскной прессинг со стороны тех же должностных лиц, что в ряде случаев приводило к утрате лицами, производившими дознание, своей объективности.

Милицееское дознание, допускавшее возложение на оперативных уполномоченных уголовного розыска, БХСС⁴³ органов внутренних дел, а также участковых уполномоченных милиции вспомогательных функций по проведению процессуальных проверок, производству неотложных следственных действий, по сути, дискредитировало начин разработчиков судебной реформы 1864 года на отделение детально регламентированного дознания от ОРД. Дознание представляло собой суррогат осуществлявшегося в то время полицией предвари-

тельного следствия. Как бюрократическая разновидность розыска⁴⁴, в условиях новейшего времени оно должно производиться исключительно специализированными подразделениями дознания органов внутренних дел.

В УПК РФ 2002 года впервые на законодательном уровне было сформулировано понятие «дознание». Пункт 8 статьи 5 УПК РФ определил его как форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому предварительное следствие необязательно. Таким образом, законодатель сузил его (понятия «дознание») пределы с обозначением только одного вида уголовно-процессуальной деятельности, а именно — расследования преступлений в полном объеме.

Иногда можно услышать непоследовательное суждение отдельных авторов о том, что другая разновидность уголовно-процессуальной деятельности органов дознания — производство неотложных следственных действий по уголовным делам, подследственным следователю, перестала входить в понятие «дознание», несмотря на то, что «осталась присуща органам дознания». Думается, что подобных умозаключений придерживаться не стоит, ибо классическая дефиниция органов дознания, а также направлений их уголовно-процессуальной деятельности сохранила свою актуальность до сегодняшнего дня. Можно сказать и больше. В связи с ожидаемым завершением строительства единого вневедомственного Следственного комитета Российской Федерации не исключено, что в системе МВД Российской Федерации останется лишь Управление по организации дознания с региональными подразделениями на местах. Это окажет принципиальное воздействие на ведомственные органы дознания, их процессуальный статус и правовой режим деятельности.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР; утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.
2. Закон Российской Федерации от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.
3. Закон Российской Федерации от 13.03.1992 № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 892.
4. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 334.
5. Федеральный закон от 15.11.1997 № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 46. Ст. 5244.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.07.1966 № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 23. Ст. 782; № 26. Ст. 840.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
8. Указ Президента Российской Федерации от 12.02.1993 № 209 (ред. от 02.12.1998) «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 562.
9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.10.1929 «Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1929. № 87—88. Ст. 849.
10. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.10.1972 № 9 «О судебной практике по делам о хулиганстве» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1934—1977 гг. М.: Известия, 1978. Ч. II.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07.10.1997 № 88-О «О разъяснении постановления Конституци-

онного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СПС Консультант Плюс.

13. Директивное письмо Генеральной прокуратуры СССР от 13 августа 1934 года «О качестве расследования» // Сборник приказов Прокуратуры СССР. 2-е изд. М.: Издательство Прокуратуры СССР, 1939.

14. Совместное Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД Российской Федерации от 09.09.1993 № 25/15-1993/13986 «О процессуальных полномочиях руководителей органов внутренних дел» // СПС Консультант Плюс.

15. Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 23.12.1997 № 75/36 «Об организации прокурорского надзора за производством протокольной формы досудебной подготовки материалов» // Сборник основных приказов и указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 1990; приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10.12.2002 № 73 утратил силу.

16. Совместное указание заместителя министра внутренних дел Российской Федерации и заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 25.08.1998 № 1/3227 и от 26.02.1998 № 12/26 «Об упорядочении практики оформления материалов в протокольной форме» // СПС Консультант Плюс; утратило силу.

17. Приказ МВД СССР от 05.08.1982 № 254 «О создании специализированных подразделений дознания в органах внутренних дел и утверждении примерного Положения о них» (утратил силу) // СПС Консультант Плюс.

18. *Бродуленко А.В.* Дознание в России и иных странах СНГ: теоретико-правовой анализ: автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар: ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», 2011.

19. Взаимодействие следователей с оперативными работниками органов внутренних дел: методическое пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981.

20. *Гаврилов Б.Я.* Следственный аппарат органов внутренних дел // Отечественные записки. 2003.

21. *Готлиб Р.М.* Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве дознания органами милиции: автореф. дис. канд. юрид. наук. Л., 1970.

22. *Жогин Н.В.* Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М.: Юридическая литература, 1968.

23. *Иванов В.А.* Дознание в советском уголовном процессе. Л., 1966.

24. *Калиновский К.Б.* Основные виды уголовного судопроизводства: учебное пособие. СПб.: Юридический институт, 2002.

25. *Ковтун Н.Н.* Генезис идеи о судебном контроле в уголовном судопроизводстве России // [Электронный ресурс] Уголовное судопроизводство. 2008. № 4: СПС Консультант Плюс.

26. *Лаговьер Н.* В помощь районному прокурору и народному следователю: практическое пособие / под ред. Г. Рогинского. М.: Советское законодательство, 1934.

27. *Ленин В.И.* О «двойном» подчинении и законности. Соч. Т. 33.

28. *Ломовский В.Д.* О понятии дознания по уголовным делам, им не подследственным // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1974. Вып. 3.

29. *Рагинский М.Ю.* К разработке истории советской прокуратуры: научная конференция, посвященная 50-летию советской прокуратуры. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1972.

30. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1978. Т. 2.

31. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1951.

32. *Шпагина Ю.В.* О сущности и понятии дефиниции «орган дознания» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34).

33. Юридический вестник. 1995. № 31 (122).

Bibliography

1. Code of Criminal Procedure of the RSFSR; approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960
2. Law of the Russian Federation of April 18, 1991 No. 1026-1 «On the Police» // Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991. No. 16. Art. 503.
3. Law of the Russian Federation of March 13, 1992 No. 2506-1 «On operational-search activities in the Russian Federation» // Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 17. Art. 892.
4. Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ «On Operative Investigative Activities» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 3. Art. 334.
5. Federal Law of November 15, 1997 No. 141-FZ «On Amendments and Additions to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 46. Art. 5244.
6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 25, 1966 No. 5362-VI «On strengthening the responsibility for hooliganism» // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1981. No. 23. Art. 782; No. 26. Art. 840.
7. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on July 1, 2021).
8. Decree of the President of the Russian Federation of February 12, 1993 No. 209 (as amended on December 2, 1998) «On the public security police (local police) in the Russian Federation» // Collection of acts of the President and Government of the Russian Federation. 1993. No. 7. Art. 562.
9. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of 10/20/1929 «On changes to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR» // SU RSFSR. 1929. No. 87—88. Art. 849.
10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the USSR dated 10/16/1972 No. 9 «On judicial practice in cases of hooliganism» // Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR. 1934—1977 M.: Izvestia, 1978. Part II.
11. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 28, 1996 No. 19-P «On the case of checking the constitutionality of Article 418 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the request of the Karatuzsky District Court of the Krasnoyarsk Territory» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 50. Art. 5679.
12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07.10.1997 No. 88-O «On clarification of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 28, 1996 on the case of checking the constitutionality of Article 418 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the request of the Karatuzsky District Court of the Krasnoyarsk Territory» // ATP Consultant Plus.
13. Directive letter of the USSR Prosecutor General's Office dated August 13, 1934 «On the quality of the investigation» // Collection of orders of the USSR Prosecutor's Office. 2nd ed. M.: Publishing House of the USSR Prosecutor's Office, 1939.
14. Joint Instruction of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 09.09.1993 No. 25/15—1993/13986 «On the procedural powers of the heads of internal affairs bodies» // ATP Consultant Plus.
15. Instruction of the Prosecutor General of the Russian Federation dated December 23, 1997 No. 75/36 «On the organization of prosecutorial supervision over the production of a protocol form for pre-trial preparation of materials» // Collection of main orders and instructions of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. M., 1990; by order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of December 10, 2002 No. 73 became invalid.
16. Joint instruction of the Deputy Minister of Internal Affairs of the Russian Federation and the Deputy Prosecutor General of the Russian Federa-

tion dated 08.25.1998 No. 1/3227 and dated 26.02.1998 No. 12/26 «On streamlining the practice of processing materials in protocol form» // ATP Consultant Plus; has lost its power.

17. Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR dated 05.08.1982 No. 254 «On the creation of specialized units of inquiry in the internal affairs bodies and the approval of an approximate Regulation on them» (repealed) // ATP Consultant Plus.

18. *Brodulenko A.V.* Inquiry in Russia and other CIS countries: theoretical and legal analysis: author. dis... cand. legal Sciences. Krasnodar: FGBOU VPO «Kuban State Agrarian University», 2011.

19. Interaction of investigators with operatives of internal affairs bodies: a methodological guide. M.: VNII MVD USSR, 1981.

20. *Gavrilov B. Ya.* Investigative apparatus of the internal affairs bodies // *Otechestvennye zapiski*. 2003.

21. *Gotlib R.M.* Procurator's supervision over the execution of laws in the course of inquiry by the police: author. dis.... cand. legal Sciences. L., 1970.

22. *Zhogin N.V.* Prosecutor's supervision over the preliminary investigation of criminal cases. Moscow: Legal Literature, 1968.

23. *Ivanov V.A.* Inquiry in the Soviet criminal process. L., 1966.

24. *Kalinovsky K.B.* The main types of criminal proceedings: a study guide. St. Petersburg: Law Institute, 2002.

25. *Kovtun N.N.* Genesis of the Idea of Judicial Control in Russian Criminal Proceedings // [Electronic resource] Criminal Proceedings. 2008. No. 4: SPS Consultant Plus.

26. *Lagovier N.* To help the district prosecutor and the people's investigator: a practical guide / ed. G. Roginsky. Moscow: Soviet legislation, 1934.

27. Lenin V.I. About «double» subordination and legality. Op. T. 33.

28. *Lomovsky V.D.* On the concept of inquest in criminal cases, they are not under investigation // Questions of the organization of the court and the

administration of justice in the USSR. Kaliningrad, 1974. Issue. 3.

29. *Raginskiy M. Yu.* On the development of the history of the Soviet prosecutor's office: a scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the Soviet prosecutor's office. M.: All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1972.

30. *Strogovich M.S.* The course of the Soviet criminal process. M.: Nauka, 1978. T. 2.

31. *Cheltsov M.A.* Soviet criminal process. M., 1951.

32. *Shpagina Yu.V.* On the essence and concept of the definition of «body of inquiry» // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (34).

33. Legal Bulletin. 1995. No. 31 (122).

¹ См.: СУ РСФСР. 1929. № 87—88. Ст. 849.

² См.: *Лажовиер Н.* В помощь районному прокурору и народному следователю: практическое пособие / под ред. Г. Рогинского. М.: Советское законодательство, 1934. С. 122.

³ См.: *Ленин В.И.* О «двойном» подчинении и законности. Соч. Т. 33.

⁴ См.: Сборник приказов Прокуратуры СССР. 2-е изд. М.: Издательство Прокуратуры СССР, 1939.

⁵ См.: *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 228.

⁶ См.: *Гаврилов Б.Я.* Следственный аппарат органов внутренних дел // *Отечественные записки*. 2003. С. 406—422.

⁷ На тот период - с 37 до 80 составов преступлений. — прим. авт.

⁸ Далее — Основы. — прим. авт.

⁹ Далее — ОРМ. — прим. авт.

¹⁰ См.: *Ломовский В.Д.* О понятии дознания по уголовным делам, им не подследственным // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1974. Вып. 3. С. 84—86.

¹¹ Далее — ОРД. — прим. авт.

¹² См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1978. Т. 2. С. 27.

¹³ Так называлось МВД СССР. — прим. авт.

¹⁴ См.: *Ковтун Н.Н.* Генезис идеи о судебном контроле в уголовном судопроизводстве России // [Электронный ресурс] Уголовное судопроизводство. 2008. № 4: СПС Консультант Плюс.

¹⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР; утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.

¹⁶ См.: *Иванов В.А.* Дознание в советском уголовном процессе. Л., 1966. С. 8.

¹⁷ См.: *Готлиб Р.М.* Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве дознания органами милиции: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Л., 1970. С. 4.

¹⁸ В статье 157 УПК РФ перечень неотложных следственных действий не указан. — прим. авт.

¹⁹ Так в УПК РСФСР. — прим. авт.

²⁰ См.: *Шпагина Ю.В.* О сущности и понятии дефиниции «орган дознания» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 115—123.

²¹ Подобные узаконения, на взгляд автора настоящей монографии, следовало бы адаптировать к главе 32.1 УПК РФ.

²² Подобные узаконения, на взгляд автора настоящей монографии, следовало бы адаптировать к главе 32.1 УПК РФ.

²³ Срок не подлежал продлению. — прим. авт.

²⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 23. Ст. 782; № 26. Ст. 840.

²⁵ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1934—1977 гг. М.: Известия, 1978. Ч. II.

²⁶ См.: *Жогин Н.В.* Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М.: Юридическая литература, 1968. С. 24—32.

²⁷ См.: *Рагинский М.Ю.* К разработке истории советской прокуратуры: научная конференция, посвященная 50-летию советской прокуратуры. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1972. С. 266—270.

²⁸ О создании специализированных подразделений дознания в органах внутренних дел и утверждении примерного Положения о них: приказ МВД СССР от 05.08.1982 № 254 (утратил силу) // СПС Консультант Плюс.

²⁹ См.: Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

³⁰ См.: Указ Президента РФ от 12.02.1993 № 209 (ред. от 02.12.1998) «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 562.

³¹ См.: Взаимодействие следователей с оперативными работниками органов внутренних дел: методическое пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. С. 8—10.

³² См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 892.

³³ СПС Консультант Плюс.

³⁴ См.: Юридический вестник. 1995. № 31 (122).

³⁵ Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Ст. 334.

³⁶ См.: *Бродуленко А.В.* Дознание в России и иных странах СНГ: теоретико-правовой анализ: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Краснодар: ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», 2011. С. 3.

³⁷ Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

³⁸ СПС Консультант Плюс.

³⁹ Собрание законодательства РФ. 1997. № 46. Ст. 5244.

⁴⁰ См.: Сборник основных приказов и указаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 1990; приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10.12.2002 № 73 утратил силу.

⁴¹ СПС Консультант Плюс; утратило силу.

⁴² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021).

⁴³ Оперативные подразделения борьбы с хищениями социалистической собственности; так именовались подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (полиции). — прим. авт.

⁴⁴ См.: *Калиновский К.Б.* Основные виды уголовного судопроизводства: учебное пособие. СПб.: Юридический институт, 2002. С. 40—45.

© В.Ю. ФЕДОРОВИЧ. 2022

**О результатах экспертной деятельности
и их использовании в уголовном процессе
Российской Федерации**

Василий Юрьевич ФЕДОРОВИЧ,

Заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: office@unity-dana.ru

Для цитирования. В.Ю. ФЕДОРОВИЧ. О результатах экспертной деятельности и их использовании в уголовном процессе Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 83—.

Аннотация. В статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о результатах экспертной деятельности и их использовании в уголовном процессе Российской Федерации обосновано несколько суждений: экспертная деятельность, ввиду разнообразия форм собственности в Российской Федерации, может быть и государственной и негосударственной; нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования государственной экспертной деятельности, является Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.; результаты государственной экспертной деятельности могут быть использованы в уголовном процессе, что регламентировано в Уголовно-процессуальном кодексе РФ; основным результатом государственной экспертной деятельности в уголовном процессе необходимо рассматривать заключение эксперта

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, нормативный правовой акт, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г., заключение эксперта.

**On the results of expert activity
and their use in the criminal process
of the Russian Federation**

Vasily Yurievich FEDOROVICH,

Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot» for scientific work,
candidate of Legal Sciences, associate professor

E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on the results of expert activity and their use in the criminal process of the Russian Federation, several judgments are substantiated in the article: expert activity, due to the diversity of ownership forms in the Russian Federation, can be both state and non-state; a regulatory legal act specifically designed to regulate state expert activity is the Federal Law of the Russian Federation «On State forensic expert activity in the Russian Federation» of April 5, 2001; the results of state expert activity can be used in criminal proceedings, which is regulated in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; the main result of state expert activity in criminal proceedings should be considered the expert's conclusion

Keywords: Russian Federation, legislation, criminal procedure legislation, regulatory legal act, Criminal Procedure Codex of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» dated April 5, 2001, expert opinion.

Предметом данной статьи являются результаты экспертной деятельности и их использовании в уголовном процессе Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, в статье И.А. Цховребова при рассмотрении обоснованного расходования бюджетных средств на производство судебных экспертиз и исследований по уголовным делам, расследование которых осуществлялось органами предварительного расследования, предложила пути ее решения: одним из направлений оптимизации бюджетных расходов на производство судебных экспертиз и исследований по уголовным делам, проводимых не в ЭКП органов внутренних дел, может стать подготовка экспертов по тем направлениям, по которым ранее экспертизы в органах внутренних дел не производились. Введение должностей экспертов возможно за счет перераспределения численности отдельных подразделений. При этом затраты на подготовку и содержание экспертов по наиболее востребованным экспертным исследованиям на несколько порядков будут ниже тех денежных средств, которые затрачиваются на производство экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях¹.

Авторы — единомышленники (А.И. Усов, Г.Г. Омелянюк и К.В. Чеснокова) обосновали следующее суждение о том, что тенденции развития судебно-экспертной деятельности обусловлены высокими требованиями судопроизводства к получению доказательств. В условиях глобализации всех сфер человеческой деятельности и необходимости противодействия растущей транснациональной преступности, международному терроризму, экономическим преступлениям, незаконной миграции в качестве базиса представлена стандартизация в судебно-экспертной деятельности, которая является основным организационным механизмом. основополагающим международным стандартом является ISO/IEC 17025:2017 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий». А достижению объективности в судебно-экспертной деятельности способствует формирование такой среды, в которой эффективно, в соответствии со стандартами работает система менеджмента качества, исключается конфликт интересов. Подобные механизмы позволяют достигнуть

цель судебно-экспертной деятельности — осуществление помощи органам судопроизводства. Проекты по обеспечению научной обоснованности и объективности методик судебной экспертизы могут быть реализованы на основе стратегического курса внедрения международных стандартов по судебной экспертизе в повседневную деятельность по организации и производству судебных экспертиз. Именно поэтому представляется возможным констатировать, что системные проекты по качественному совершенствованию СЭД могут быть реализованы только на основе стратегического курса внедрения международных стандартов по судебной экспертизе².

Е.Р. Россинской при анализе путей решения противоречий в законодательстве, связанных с правовым статусом судебного эксперта, включая унификацию процессуальных норм и устранение противоречий этих норм и положений Федерального закона РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» резюмировал следующее: на основе подходов судебной экспертологии научное исследование правового и организационного обеспечения негосударственных СЭУ позволит разработать нормативную базу функционирования этих учреждений и унифицировать организационные основы их работы³.

И.А. Закиров полагает, что значение результатов правовой экспертизы для судебной деятельности предопределено важностью той информации, которая будет представлена экспертом в распоряжение суда, и квалификацией самого судьи (судей). При правильном использовании сведений, содержащихся в заключении эксперта судья сможет разрешить дело по существу и вынести обоснованное решение⁴.

Вероятно, не столь совершенные результаты научных изысканий об экспертной деятельности и использовании ее результатов в уголовном процессе предопределяют и несовершенство соответствующего законодательства в Российской Федерации⁵.

Первоначально обращаемся к Федеральному закону РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.⁶ («Настоящий Федеральный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной дея-

тельности в Российской Федерации ... в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации» — аннотация).

Результаты государственной судебно-экспертной деятельности используются во всех видах судопроизводства⁷, в том числе и в уголовном судопроизводстве, что регламентировано в нормативных правовых актах, как правило приравненных по юридической силе к федеральным законам РФ⁸.

Уголовное судопроизводство урегулировано в Уголовно-процессуальном кодексе РФ от 22 ноября 2001 г.⁹ (введен в действие с 1 июля 2002 г.¹⁰). В ст. 5 УПК РФ определены понятия «судебная экспертиза» («экспертиза, производимая в порядке, установленном настоящим Кодексом;» — пункт 49) и «экспертное учреждение» («государственное судебно-экспертное или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы в порядке, установленном настоящим Кодексом;» — пункт 60). Иначе говоря, приведенные порложения ст. 5 УПК РФ необходимо рассматривать в качестве бланкетных норм.

Таким образом, исследования экспертной деятельности и использования ее результатов в уголовном процессе Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, экспертная деятельность, ввиду разнообразия форм собственности в Российской Федерации, может быть и государственной и негосударственной.

Во-вторых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования государственной экспертной деятельности, является Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.

В-третьих, результаты государственной экспертной деятельности могут быть использованы в уголовном процессе, что регламентировано в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

В-четвертых, основным результатом государственной экспертной деятельности в уголовном процессе необходимо рассматривать заключение эксперта.

Список источников

1. *Цховребова И.А.* Судебная экспертиза в уголовном процессе: перспективы ресурсного обеспечения // *Российский следователь*. 2011. № 16. С. 29—31.

2. *Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Чеснокова Е.В.* Стандартизация в судебно-экспертной деятельности: прогнозы и решения // *Закон*. 2019. № 10.

3. *Россинская Е.Р.* Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования // *Закон*. 2019. № 10.

4. *Закиров И.А.* Значение результатов правовой экспертизы для деятельности суда // *Юрист*. 2007. № 11.

5. *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именованного государства // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 5. С. 119—123.

6. *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // *Закон и право*. 2009. № 8. С. 28—30.

7. *Галузо В.Н.* О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2009. № 4. С. 27—30.

8. *Галузо В.Н.* О конституционно-правовом регулировании видов судопроизводства в Российской Федерации // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2021. № 2. С. 191—194.

References

1. *Tskhovrebova I.A.* Forensic examination in criminal proceedings: prospects of resource provision // *A Russian investigator*. 2011. No. 16. pp. 29—31.

2. *Usov A.I., Omelianyuk G.G., Chesnokova E.V.* Standardization in forensic expert activity: forecasts and solutions // *Law*. 2019. No. 10.

3. *Rossinskaya E.R.* Modern forensic expert activity and directions of its improvement // *Law*. 2019. No. 10.

4. *Zakirov I.A.* The significance of the results of legal expertise for the activities of the court // *Lawyer*. 2007. No. 11.

5. *Galuzo V.N.* Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. No. 5. pp. 119—123.

6. *Galuzo V.N.* Systematization of legislation in the Russian Federation: state and prospects of development // *Law and Law*. 2009. No. 8. pp. 28—30.

7. *Galuzo V.N.* On the role of a normative legal act in the system of law of the Russian Federation // *Education. The science. Scientific personnel*. 2009. No. 4. pp. 27—30.

8. *Galuzo V.N.* On constitutional and legal regulation of types of legal proceedings in the Russian Federation // *International Journal of Constitutional and State Law*. 2021. No. 2. pp. 191—194.

¹ *Цховребова И.А.* Судебная экспертиза в уголовном процессе: перспективы ресурсного обеспечения // *Российский следователь*. 2011. N 16. С. 29—31.

² См.: *Усов А.И., Омелянюк Г.Г., Чеснокова Е.В.* Стандартизация в судебно-экспертной деятельности: прогнозы и решения // *Закон*. 2019. N 10.

³ *Россинская Е.Р.* Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования // *Закон*. 2019. N 10.

⁴ *Закиров И.А.* Значение результатов правовой экспертизы для деятельности суда // *Юрист*. 2007. N 11.

⁵ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 5. С. 119—123).

⁶ См.: *СЗ РФ*. 2001. N 23. Ст. 2291; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5101.

⁷ О таковых подробнее см.: *Галузо В.Н.* О конституционно-правовом регулировании видов судопроизводства в Российской Федерации // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2021. № 2. С. 191—194.

⁸ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // *Закон и право*. 2009. № 8. С. 28—30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2009. № 4. С. 27—30.

⁹ См.: *СЗ РФ*. 2001. N 52 (часть I). Ст. 4921.

¹⁰ См.: О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: *ФЗ РФ от 22.11.2001 г.* // *СЗ РФ*. 2001. N 52 (часть I). Ст. 4924.

УДК 34.343
ББК 67

© Л.Е. ЧИСТОВА. 2022

Актуальные проблемы производства экспертиз при расследовании преступлений, связанных с наркотическими средствами

Любовь Евгеньевна ЧИСТОВА,

доцент кафедры криминалистики Московский университет МВД России
им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: tchistova-lubov@yandex.ru

Научная специальность: 5.1.4 — Право

Для цитирования. Л.Е. ЧИСТОВА. Актуальные проблемы производства экспертиз при расследовании преступлений, связанных с наркотическими средствами // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 87—90.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы, касающиеся назначения экспертиз по делам рассматриваемой категории, приводится авторская точка зрения по этому вопросу. Обращается внимание на использование современных методов экспертного исследования для выявления обстоятельств незаконного оборота наркотических средств

Ключевые слова: наркотические средства, назначение экспертиз, современные методы исследования.

Actual problems of the production of expert examinations in the investigation of crimes related to narcotic drugs

Lubov Evgenievna CHISTOVA,

Associate Professor, Department of Criminology oscow University Russian
Interior Ministry them. VJ Kikot, Ph.D. associate professor

E-mail: : tchistova-lubov@yandex.ru

Abstract. The article discusses some debatable issues related to the appointment of examinations in cases of the category under consideration, the author's point of view on this issue is given. Attention is drawn to the use of modern methods of expert research to identify the circumstances of illicit drug trafficking

Keywords: narcotic drugs, appointment of expert examinations, modern research methods.

Незаконный оборот наркотических средств, продолжает занимать значительное место в общем объеме совершаемых в нашей стране преступлений.

Однако, в настоящее время его особенностью является тот факт, что все свои незаконные действия преступники как между собой, так и с иными лицами, все чаще совершают бесконтактным способом, в связи с чем, сле-

дов в их традиционном понимании, остается значительно меньше. Поэтому, в настоящее время наибольшую актуальность приобретает исследование информационных или так называемых, виртуальных следов.

Такие следы, как правило, остаются при использовании различных видов электронных средств связи и представляют собой отражение определенной информации, содержащейся

на различных дисках: лазерных, жестких, магнитно-оптических; экранах мониторов компьютеров, ноутбуков, флешках и т.д.

Информация, содержащаяся в этих следах, может касаться как поиска сайтов в сети интернет, связанных с определенными операциями с наркотическими средствами; переписку между соучастниками такого оборота и т.д.

В связи с этим, доказать причастность конкретного лица к незаконному обороту наркотических средств возможно только при помощи различных видов экспертиз.

Необходимо заметить, что некоторые авторы предлагают при вынесении постановления о назначении экспертизы ставить на разрешение экспертов больше разных вопросов, объясняя это тем, что эксперты, при таком положении, могут использовать различные методики исследования представленных объектов, современное оборудование, к тому же, это будет стимулировать совершенствование той или иной судебной экспертизы¹.

Как нам представляется, такие рекомендации не совсем удачны, поскольку в тех случаях, когда следователь принимает решение о назначении той или иной экспертизы, он учитывает ее возможности именно на данный момент. Поэтому несмотря на то, что следователя могут интересовать разнообразные вопросы, касающиеся расследуемого события, но, если та или иная наука в настоящее время не в состоянии на них ответить, все может оказаться в пустую и, к тому же, приведет к потере времени расследования.

Исходя из этого, нам ближе мнение тех авторов, которые предлагают перед постановкой вопросов перед экспертом, проконсультироваться со специалистом в определенной области знаний, в которой предполагается назначить экспертизу, во-первых, о ее возможностях, во-вторых, правильной формулировке вопросов и о необходимости предоставления определенных объектов для того, чтобы получить развернутое заключение эксперта и, самое главное, в срок.

Считаем необходимым остановиться на еще одном мнении криминалистов по поводу назначения экспертизы.

А.В. Пупцева и Д.Г. Скориков рекомендуют вообще не указывать в постановлении о назначении экспертизы ее вид, т.к. виды исследования должен определять руководитель экспертного подразделения².

В данном случае мы также считаем такую рекомендацию не правильной, поскольку именно следователь должен решать какой вид экспертизы ему в том или ином случае следует использовать. К тому же, при назначении комплексной экспертизы, специалисты могут находиться в разных ведомствах. В связи с этим возникают вопросы: во-первых, в каком ведомстве проводить данные экспертизы, и руководитель какого ведомства это определяет, во-вторых, какое исследование следует проводить вначале?

Поскольку именно следователь располагает информацией о состоянии расследования конкретного уголовного дела, то и какую экспертизу и в какой последовательности назначать, решает только он.

Конечно, при расследовании незаконного оборота наркотических средств, учитывая тот факт, что преступники в своей незаконной деятельности используют современные достижения в различных науках и не только связанных с IT-технологиями, следователь также должен интересоваться современными методами исследования, используемых при производстве необходимых на данный момент расследования, экспертиз. Получить такую информацию он может, опять же при консультации со специалистом в той области знания, в которой предполагает назначить экспертизу.

В качестве примера использования новых методов при производстве ольфакторной экспертизы, можно назвать исследование запаховых следов человека, обнаруженных на упаковках наркотических средств, которые были обнаружены под одеждой виновного лица, в его сумках, транспортном средстве и иных тайниках³.

Таким образом, с помощью современных методов исследования возможно получить дополнительную информацию о лице, причастном к незаконному обороту наркотических средств, либо о других обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Что же касается видов экспертиз, которые могут назначаться по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, можно назвать:

- компьютерно-техническую, предметом которой является переписка между участниками незаконного оборота таких средств, например, их приобретателями со сбытчиками; руководителем преступного сообщества и подчиненными; планы/схемы нахождения тайников с такими средствами, мест пересечения Государственной границы при контрабанде наркотических средств на территорию нашей страны; следы посещения определенных сайтов, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и др.

Объектами таких исследований являются компьютеры, планшеты, ноутбуки, смартфоны, сотовые телефоны, различные диски, флеш-карты и т.д.

Поскольку, как мы уже отметили, что преступники между собой в настоящее время общаются, преимущественно, с помощью электронных средств связи, на таких средствах остаются результаты их общения, содержащиеся в сообщениях. Однако, такие сообщения содержат минимальное количество слов и поэтому предметом экспертных исследований не являются.

Между тем, в таких сообщениях содержится важная информация, которая может способствовать выяснению всех обстоятельств расследуемого уголовного дела, прежде всего, по рекомендациям, дающим другим членам преступного сообщества или отчетам членов таких сообществ перед определенными лицами, можно определить те функциональные обязанности, которые данные лица выполняют.

В связи с этим, на наш взгляд, следует разрабатывать методики исследования кратких текстов, результаты которых можно использовать в качестве доказательств по уголовному делу и использовать для изобличения виновных лиц в незаконном обороте наркотических средств.

Однако, помимо кратких сообщений, преступники между собой общаются посредством

общения по телефону и поэтому фонограммы записей таких переговоров могут стать объектами исследования фоноскопической экспертизы.

Результаты такой экспертизы помогут не только установить причастность конкретного лица к незаконному обороту наркотических средств, но и знакомство преступников между собой, выявить содержание некоторых незаконных действий с ними. К примеру, выяснить, в какое время и в каком месте ожидается незаконное перемещение рассматриваемых средств на территорию нашей страны, сколько человек будет задействовано в этом процессе, каким способом будут перемещаться и конечный пункт их назначения.

Однако следует учитывать и тот факт, что в открытой форме они не упоминают конкретно наркотические средства, а используют для этого различные шифры, маскируя операции с ними, например, под компьютерные игры или иным способом.

Поэтому для того, чтобы убедиться в том, что речь, действительно идет именно о наркотических средствах, необходимо владеть той терминологией, которую в данный момент используют преступники.

По делам рассматриваемой категории могут назначаться и проводиться и другие виды экспертиз, например, помимо обязательной экспертизы материалов, веществ и изделий (исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ), к ним можно отнести почерковедческую, автороведческую и иных, результаты которых помогут быстро, объективно и всесторонне расследовать уголовное дело по незаконному обороту наркотических средств и выявить все его обстоятельства.

Список источников

1. *Аминев Ф.Г.* Актуальные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // *Правовое государство: теория и практика.* № 4 (38). М., 2014. С. 135.

2. *Каушев А.А.* Особенности запаховой информации, используемой при раскрытии и рас-

следовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. // Теория и практика общественного развития. Юридические науки. 2016. № 7. С. 86.

3. Пупцева А.В., Скориков Д.Г. Особенности и порядок назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-17. С. 1902.

Bibliographic list

1. *Aminev F.G.* Topical issues of the use of special knowledge in the investigation of crimes in the sphere of drug trafficking // *Legal state: theory and practice*. No. 4 (38). M., 2014. S. 135.

2. *Kaushev A.A.* Features of odor information used in the disclosure and investigation of crimes related to drug trafficking // *Theory and practice of social development. Legal sciences*. 2016. No. 7. P. 86.

3. *Puptseva A.V., Skorikov D.G.* Features and procedure for appointing forensic examinations in the investigation of crimes related to drug trafficking // *Modern problems of science and education*. 2015. No. 1-17. С. 1902.

¹ *Аmineв Ф.Г.* Актуальные вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // *Правовое государство: теория и практика*. № 4 (38). М., 2014. С. 135.

² *Пупцева А.В., Скориков Д.Г.* Особенности и порядок назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-17. С. 1902.

³ *Каушев А.А.* Особенности запаховой информации, используемой при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. -// *Теория и практика общественного развития. Юридические науки*. 2016. № 7. С. 86.

© Н.Д. ЭРИАШВИЛИ, П.М. МУРАШЕВ. 2022

О допустимости использования заключения эксперта при осуществлении правосудия в Российской Федерации

Нодари Дарчоевич ЭРИАШВИЛИ,

профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры
частного права Государственного университета управления, доктор экономических наук,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор,
лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

E-mail: professor60@mail.ru

Павел Михайлович МУРАШЕВ,

председатель Научно-исследовательская судебно-экспертная группа
«СОДЕЙСТВИЕ», ведущий судебный эксперт

E-mail: myptver@gmail.com

Научная специальность: 5.1.1 — группа научных специальностей: право

Для цитирования. Н.Д. ЭРИАШВИЛИ, П.М. МУРАШЕВ. О допустимости использования заключения эксперта при осуществлении правосудия в Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 91—94.

Аннотация. В статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов об использовании заключения эксперта при осуществлении правосудия в Российской Федерации высказано несколько суждений: исчерпывающий перечень видов судопроизводств регламентирован в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.; в Российской Федерации пять видов судопроизводств: конституционное, гражданское, арбитражное, уголовное и административное; при четырех видах судопроизводств осуществляется правосудие: гражданское, арбитражное, уголовное и административное; при правосудии в качестве доказательства допустимо использование заключения эксперта.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Конституция РФ, федеральный закон РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, правосудие, доказывание, заключение эксперта.

On the admissibility of using the expert's opinion in the administration of justice in the Russian Federation

Nodari Darchoevich ERIASHVILI,

professor department of the civil and labor law, civil process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot», professor of the Department of Private Law of the State University of Management, doctor of economics, candidate of law, candidate of historical, professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation
in the field of science and technology

E-mail: professor60@mail.ru

Pavel Mikhailovich MURASHEV,

Chairman of the Scientific Research Forensic Expert Group «SODYSTVIE»,
leading forensic expert

E-mail: myptver@gmail.com

Abstract. In the article, when analyzing the legal literature and regulatory legal acts on the use of expert opinion in the administration of justice in the Russian Federation, several judgments are made: an exhaustive list of types of legal proceedings is regulated in the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993; in the Russian Federation there are five types of legal proceedings: constitutional, civil, arbitration, criminal and administrative; in four types of legal proceedings, justice is carried out: civil, arbitration, criminal and administrative; in justice, the use of an expert opinion is permissible as evidence

Keywords: Russian Federation, legislation, Constitution of the Russian Federation, Federal Law of the Russian Federation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Civil Procedure Code of the Russian Federation, Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Code of Administrative Offences of the Russian Federation, criminal proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings, justice, evidence, expert opinion.

Предметом данной статьи являются использование заключения эксперта при осуществлении правосудия в Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, М.А. Митюков утверждает следующее: «Одной из особенностей законотворческого процесса последних 15 лет является активное привлечение к экспертизе отечественных законопроектов Европейской комиссии за демократию через право (так называемой Венецианской комиссии Совета Европы) и других международных организаций. Помимо этого, субъекты законодательной инициативы время от времени обращаются за экспертными заключениями к видным иностранным специалистам в той или иной отрасли знаний, а в некоторых случаях и к аналогичным институтам. Это позволяет инициаторам законов иметь представление, насколько их проекты соответствуют общепризнанным принципам и европейским стандартам, а в некоторых случаях и практике отдельных западных стран»¹.

Анализ практики подготовки экспертных заключений в Конституционном Суде РФ позволил Д.А. Басангову сформулировать несколько выводов: «1. Экспертные заключения представляют аргументированную позицию автора по заданным вопросам, содержащую научную квалифицированную интерпретацию норм Конституции РФ и положений оспариваемых актов. 2. Авторы экспертных заключений опираются на широкий спектр научных взглядов и концепций различных правовых школ, что указывает на результат экспертизы как на продукт доктринального конституционного толкования. 3. Будучи завершенным и логически выстроенным трудом, экспертное заключение зачастую содержит новый вариант

«прочтения» известных юридических концепций, конструкций и терминов, что, несомненно, обогащает юридическую науку и делает экспертное заключение источником доктринального конституционного толкования. 4. Авторы экспертных заключений — это наиболее авторитетные в стране ученые-правоведы. Результаты экспертизы, подготовленные ими, имеют огромное значение в силу их научной аргументированности. Это во многом предопределяет значение экспертного заключения для принятия решения Конституционным Судом РФ»².

В.В. Конин обосновал следующее суждение: «Полагаем, что все это является частью более емкой проблемы по совершенствованию экспертной практики, повышению экспертной компетенции и упорядочению деятельности системы судебно-экспертных учреждений. Ее решение требует как усилий со стороны законодателя, так и координации деятельности многих правоприменительных структур»³.

А.Н. Петрухина рассмотрела «проблемы, возникающие при оценке заключения эксперта в условиях реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве» («На основе проведенного сравнительного анализа правовой природы заключений специалиста и эксперта предлагаем включить в УПК РФ ст. 80.1 «Консультация и показания специалиста», изложив ее ч. 1 в следующей редакции: «Консультация специалиста — это представленное в письменной форме суждение по поставленным перед ним сторонами и судом вопросам, относящимся к его компетенции и не требующим производства специальных исследований»⁴).

Не столь совершенные результаты научных изысканий об использовании заключения

эксперта при осуществлении правосудия определяют и несовершенство соответствующего законодательства в Российской Федерации⁵.

В первую очередь обращаемся к Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁶, в которой регламентирован исчерпывающий перечень видов судопроизводств («2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства»).

Положения части 2 ст. 118 Конституции РФ относительно видов судопроизводства детализированы в кодифицированных нормативных правовых актах, по юридической силе приравненных к федеральным законам РФ⁷.

При этом необходимо учитывать и недопустимость отождествления судопроизводств с правосудием. Иначе говоря, не все виды судопроизводств допустимо рассматривать в качестве правосудия. На этот счет в юридической литературе высказаны достаточно убедительные суждения: «Мы полагаем, что процессуальное доказывание осуществляется лишь при производстве четырех видов судопроизводств: гражданское, уголовное, административное и арбитражное. Что же касается конституционного судопроизводства, ошибочно отождествляемого в юридической литературе с конституционным правосудием, то здесь процессуальное доказывание не осуществляется. Именно поэтому относительно деятельности Конституционного Суда РФ нами использован термин «процессуальное»⁸.

Заключение эксперта может рассматриваться результатом государственной судебно-экспертной деятельности, которая урегулирована Федеральным законом РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5 апреля 2001 г.⁹ («Настоящий Федеральный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации ... в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации» — аннотация).

Таким образом, исследования экспертной деятельности, в том числе и при использовании ее результатов при правосудии, необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, исчерпывающий перечень видов судопроизводств регламентирован в Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

Во-вторых, в Российской Федерации пять видов судопроизводств: конституционное, гражданское, арбитражное, уголовное и административное.

В-третьих, при четырех видах судопроизводств осуществляется правосудие: гражданское, арбитражное, уголовное и административное.

В-четвертых, при правосудии в качестве доказательства допустимо использование заключения эксперта.

Список источников

1. *Митюков М.А.* Зарубежные оценки законодательного регулирования конституционного правосудия России (по экспертным заключениям Венецианской комиссии Совета Европы и иностранных специалистов по конституционному праву) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 1.
2. *Басангов Д.А.* Значение экспертных заключений в конституционном судопроизводстве // Журнал российского права. 2003. № 11.
3. *Конин В.В.* Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 4.
4. *Петрухина А.Н.* Проблемы оценки заключения эксперта в современном уголовном судопроизводстве // Юрист. 2011. № 9. С. 29—32.
5. *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119—123.
6. *Галузо В.Н.* Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98—102.
7. *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28—30.

8. *Галузо В.Н.* О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27—30.

9. Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации: Монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2021. С. 37.

Bibliographic list

1. *Mityukov M.A.* Foreign assessments of the legislative regulation of constitutional justice in Russia (according to expert opinions of the Venice Commission of the Council of Europe and foreign experts on constitutional law) // State power and local self-government. 2007. No. 1.

2. *Basangov D.A.* The significance of expert opinions in constitutional legal proceedings // Journal of Russian Law. 2003. No. 11.

3. *Konin V.V.* Comprehension and evaluation of expert opinion in criminal proceedings // Criminal proceedings. 2008. No. 4.

4. *Petrukhina A.N.* Problems of evaluation of expert opinion in modern criminal proceedings // Lawyer. 2011. No. 9. pp. 29—32.

5. *Galuzo V.N.* Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. pp. 119—123.

6. *Galuzo V.N.* Is it possible to ensure uniform enforcement of legislation in the absence of its systematization? // State and Law. 2014. No. 11. pp. 98—102.

7. *Galuzo V.N.* Systematization of legislation in the Russian Federation: state and prospects of development // Law and Law. 2009. No. 8. pp. 28—30.

8. *Galuzo V.N.* On the role of a normative legal act in the system of law of the Russian Federation // Education. The science. Scientific personnel. 2009. No. 4. pp. 27—30.

9. Proving in law enforcement through justice in the Russian Federation: Monograph. 5th ed., ispr. and add. / Edited by V.N. Galuzo. M.: TEIS, 2021. p. 37.

¹ *Митюков М.А.* Зарубежные оценки законодательного регулирования конституционного правосудия России (по экспертным заключениям Венецианской комиссии Совета Европы и иностранных специалистов по конституционному праву) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. N 1.

² *Басангов Д.А.* Значение экспертных заключений в конституционном судопроизводстве // Журнал российского права. 2003. № 11.

³ *Конин В.В.* Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. N 4.

⁴ *Петрухина А.Н.* Проблемы оценки заключения эксперта в современном уголовном судопроизводстве // Юрист. 2011. N 9. С. 29—32.

⁵ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: *Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119—123).

⁶ См.: РФ. 2020. 4 июля. О проблеме неоднозначности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: *Галузо В.Н.* Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98—102.

⁷ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: *Галузо В.Н.* Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28—30; *он же*: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27—30.

⁸ См. об этом: Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации: Монография. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2021. С. 37.

⁹ См.: СЗ РФ. 2001. N 23. Ст. 2291; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5101.

© Буй Чан КЫОНГ, Чинь Хай ЛОНГ. 2022

**Предупреждение правонарушения
в уголовных судопроизводства Вьетнам,
обеспечение требованиям судебной реформы
в новой ситуации**

Буй Чан КЫОНГ (Bui Tran CUONG),
преподаватель кафедры расследования — Академия народной полиции,
кандидат юридических наук, майор полиции

E-mail: satthu.kc91@gmail.com

Чинь Хай ЛОНГ (Trinh Hai Long),
Отдел повышения квалификации и управления обучением —
Академия народной полиции, ст. лейтенант полиции

E-mail: buicuong86@gmail.com

Научная специальность по публикуемому материалу: 12.00.09 — уголовный процесс

Для цитирования. Буй Чан КЫОНГ, Чинь Хай ЛОНГ. Предупреждение правонарушения в уголовных судопроизводства Вьетнам, обеспечение требованиям судебной реформы в новой ситуации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 95—97.

Аннотация. В статье рассматриваются меры по предотвращению и борьбе с несправедливостью и правонарушениями в уголовном судопроизводстве Вьетнама, и в то же время выявляются общие несправедливые и неправильные вопросы в текущих уголовных процессах. В которой, посредством обзора, в статье предложены решения по предотвращению и борьбе с несправедливостью и правонарушениями в уголовном судопроизводстве, чтобы удовлетворить требованиям судебной реформы в новой ситуации во Вьетнаме сегодня

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, несправедливость, правонарушение, судебная реформа

**Prevention and fighting miscarriage of justice
and wrongful conviction in criminal investigation
in order to meet requirement of justice reform
in the new situation**

Bui Tran CUONG,
Lecturer in the Department of Investigation — People's Police Academy,
Ph.D. in Law, Police Major

E-mail: satthu.kc91@gmail.com

Trinh Hai LONG,
Skill Development and Training Management Division —
People's Police Academy, Art. police lieutenant

E-mail: buicuong86@gmail.com

Abstract. This paper does focus on the current situation of false accusations in criminal proceedings, at the same time, identify the common issues related to false accusations in the current time. Based on the situation of false accusations, this paper recommends the solutions to reduce false accusations to meet the requirements of justice reform

Keywords: criminal proceedings, false accusations, justice reform, Resolution No.49/NQ-TW (released on June 2nd 2005 by Polical Bureau of the Party Central Committee of Vietnam)

В последние годы соблюдение положений Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса и выполнение Постановления № 49-NQ/TW от 2 июня 2005 г. «О судебной реформе», следственные органы Народной общественной безопасности в основном отвечало требованиям борьбы с преступностью, способствовало защите национальной безопасности и обеспечивало общественный порядок. Качество расследования внесло много положительных изменений и в соответствии с законом. Судебная реформа изначально достигла определенных успехов.

Доля раскрытия преступлений, особенно касается с коррупционными преступлениями, с преступлениями с использованием высоких технологий, преступлениями, связанными с наркотиками ... будут высокими в следующем году более года назад. Однако, помимо достигнутых результатов, соблюдение законодательства при расследовании ряда уголовных дел следственным органом Народной общественной безопасности также выявило ряд ограничений и недостатков. Следственная деятельность не обеспечила объективности и полноты, что привело к тому, что ряд дел был рассмотрен несправедливо и ошибочно, что вызвало недовольство общественности. Проблема несправедливости и правонарушений вызвала разочарование среди людей, влияя на процесс судебной реформы в новой ситуации.

Позиция о несправедливости и правонарушении при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел существует давно, связано с формированием, развитием и применением уголовного права и уголовно-процессуального права в мире, когда в обществе появляются нормы уголовного права и уголовно-процессуального права, возникает также феномен несправедливости и правонарушений.

«Незаслуженный», согласно вьетнамскому словарю, означает быть обвиненным в преступлении, которого не совершал, понести наказание, которого он не заслуживает.

С учетом положений Уголовно-процессуального кодекса 2003, 2015, Закона об ответственности государства за компенсацию,

взглядов некоторых ученых и руководителей в области уголовного расследования, мы можем определить понятие «неправомерное» следующим образом: «Незаслуженный» при расследовании уголовного дела означает, что компетентный орган возбуждает уголовное дело, временно задержан лица, не совершившего преступления, или содержится под стражей в уголовном порядке лица, не совершившего правонарушения, в результате чего причиняет им здоровье, материальный и духовный ущерб.

При расследовании уголовных дел «неправильным» рассмотрением дела считается случай, когда следственный орган или следователь разрешает дело беспристрастно, вопреки положениям закона. «Незаслуженный» часто возникает в категории уголовных дел по убийству, грабежу, изнасилованию и краж.

Решение заявлений и сообщений о преступлениях по-прежнему неадекватно, многие уголовные дела не разрешены, а количество дел, в отношении которых были о приостановлены по-прежнему велико, что потенциально может не учитывать преступников. Многие случаи неточного ареста, содержания под стражей и временного задержания затем передаются в административное дело.

Помимо вышеуказанных серьезных нарушений, в ходе расследования, судебного разбирательства также имеется много других нарушений в применении уголовной и уголовно — процессуальной норм, таких как стирание, пропажи протокола расследования и т.д., отсутствие процессуальных участников в судебном разбирательстве, наложение ареста на имущество, обращение с вещественными доказательствами не соответствовало положениями закона ... что привело к сложной ситуации судебных жалоб и заявлений, с некоторыми серьезными и затяжными делами.

Деятельность следственных органов по предотвращению несправедливости и борьбе с «Незаслуженный» в последние годы принесла много положительных результатов, но пока не отвечает требованиям. Случаи правонарушений следственного органа происходят по следующим причинам:

Субъективные причины:

Во-первых, часть следователей ненадлежащим, неполным и некорректным образом соблюдала процессуальные нормы и инструкции МОБ СРВ. При сборе доказательств уполномоченные лица обращают внимание только на их надежность и игнорируют законность порядка сбора доказательств. При расследовании уголовных дел еще существуют явления как: принуждение к даче показаний, задавать наводящие вопросы, незаконные арест и содержание под стражей..., что доказывает, что правомерность сбора доказательств не была проведена компетентными лицами.

Во-вторых, расследование уголовные дела все еще много наклоняет в сторону обвинений, следователи не проявляют инициативности и не проводят активного выяснения вновь возникающих обстоятельств для выяснения объективной истины по делу.

В-третьих, содействие между следственными органами с другими компетентными органами

в некоторых случаях не соответствует функциям и обязанностям каждого ведомства, отсутствие сотрудничества и взаимного контроля.

В-четвертых, в некоторых населенных пунктах ощущается нехватка следователей, прокуроров и судей.

Объективные причины:

Во-первых, вызвано изменениями в правовой политике и недостатками и ограничениями в положениях закона.

Во-вторых, причина в том, что условия работы, помещения и технические средства судебных органов и агентств судебной экспертизы во многих местах и во многих областях все еще находятся в зачаточном состоянии и устарели, а места содержания под стражей и содержания под стражей еще не доступны отвечают требованиям.

Список источников

1. Уголовный кодекс СРВ
2. Уголовно-процессуальный кодекс СРВ

УДК 343.97

© А.А. БАБИЧ. 2022

Влияние миграционной преступности на экономическую безопасность Российской Федерации

Александра Анатольевна БАБИЧ,
адъюнкт Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: aleksa.babich@inbox.ru

Научная специальность: 5.1.4 — Право

Для цитирования. А.А. БАБИЧ. Влияние миграционной преступности на экономическую безопасность Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 98—102.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния миграционных процессов на экономическую безопасность России. Приводятся факты нарушения действующего законодательства Российской Федерации иностранными лицами и связанные с данными фактами социальные последствия. Анализируется влияние миграционной преступности на состояние социальной напряжённости среди местного населения. Исследуются проблемы использования труда мигрантов в теневом секторе экономики и его значение для рынка труда России

Ключевые слова: Миграционная преступность, мигранты, социальная напряжённость, экономическая безопасность, миграционные процессы, нелегальная миграция, трудовой патент

The impact of migration crime on the economic security of the Russian Federation

Alexandra Anatolievna BABICH,
adjunct Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot

E-mail: aleksa.babich@inbox.ru

Abstract. The article deals with the issues of the influence of migration processes on the economic security of Russia. The facts of violation of the current legislation of the Russian Federation by foreign persons and the social consequences associated with these facts are given. The influence of migration crime on the state of social tension among the local population is analyzed. The problems of using migrant labor in the shadow sector of the economy and its significance for the Russian labor market are studied

Keywords: Migration crime, migrants, social tension, economic security, migration processes, illegal migration, labor patent

Тема миграционной преступности актуализирована нарастающей внешнеполитической нестабильностью и внутригосударственной экономической конъюнктурой, создающих условия для социальной напряжённости и конфликтогенности общества. Влияние внешних и внутренних миграционных процессов имеет существенное значение как в социальном, экономическом так и в политическом развитии общества. Миграционная преступ-

ность, в силу присущих ей существенных черт, таких как массовость, латентность, национальная идентичность, сопряжённость с организованной преступностью, может приобрести радикальный характер.

Единого мнения, об увеличении уровня миграционной преступности, придерживаются представители различных министерств, ведомств и иных структур государственной власти Российской Федерации. Неопределённый статус

нелегальных мигрантов, способствует высокой степени латентности миграционных процессов и совершаемых ими преступлений.

По данным официальной статистики за первый квартал 2021 года по базам миграционного учета Российской Федерации прошло 9 209 258 иностранных граждан и лиц без гражданства [1]. Однако, по словам Советника главы МВД России Овчинского В.С. точного количества находящихся в России мигрантов никто не знает. Первый заместитель министра А.В. Горовой называл количество 800 тысяч, по оперативным данным от 1,5 до 2,5 млн человек, по оценкам различных экспертных групп до 10 млн нелегальных мигрантов в различных регионах страны [2].

В этой связи, Президент Российской Федерации В.В. Путин на Расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 года, обозначил применение самых жёстких мер к мигрантам, нарушающим действующее законодательство, включающих высылку и запрет въезда в страну в рамках эффективной борьбы с экстремизмом, нелегальной миграцией, деятельностью преступных группировок и нарушением правопорядка в рамках решения задач в миграционной сфере [3].

Проводимая миграционная политика по ужесточению ответственности за нарушение мигрантами действующего законодательства, обусловлена тем, что помимо совершения мигрантами преступлений, растет межнациональная напряженность в обществе, возникает межэтнический дисбаланс, который может служить поводом для стихийных волнений местного населения и привести к национальным и расовым конфликтам между приезжим и коренным населением.

Основными отличительными признаками миграционной преступности, являются организованность и этничность. Об этом свидетельствуют данные о нарушении мигрантами законодательства России за июль-август 2021 года на примере города Москвы.

Так, Заместитель Председателя Государственной Думы России П.О. Толстой на заседании общественной палаты Российской Федерации

2 сентября 2021 года озвучил данные о групповых нарушениях правопорядка иностранными гражданами: 30 августа в Юго-Восточном районе Некрасовка произошла массовая драка мигрантов у строительной площадки, в результате которой 10 человек были задержаны, 29 августа драка мигрантов возникла в Восточном административном округе Сокольники, 27 августа драка мигрантов на Бауманской улице в центре Москвы, 27 августа в Новой Москве в хостеле произошла драка 20 мигрантов, 20 августа в Царицыно массовая драка с участием мигрантов на футбольном поле, в следствии которой 34 человека задержаны полицией, 5 августа в Мытищах произошла драка мигрантов с применением оружия — 66 человек были задержаны, 30 июля на Красносельской улице в районе магазина «Ашан» произошла драка 20 мигрантов, 12 июля в Кузьминках имела место массовая драка, в которой участвовало 180—200 человек, агитация на которую проводилась через мессенджер WhatsApp на сбор на площади перед метро [4].

Использование современных информационно-коммуникационных технологий свидетельствует о продвижении в виртуальном пространстве преступных замыслов и непредсказуемых идей, путем коммуницирования через мобильные мессенджеры инициативных представителей этнических групп, действия которых направлены на совершение противоправных антиобщественных действий.

Важнейшим фактором развития экономической системы России является рынок труда. В условиях урбанизации и стремительного экономического роста, Россия является миграционно привлекательным государством для трудовых мигрантов. Сокращение рабочих мест, в связи с введением международных санкций, рост инфляции, в свою очередь приводит к дестабилизации общественных отношений и обострению антимигрантских настроений.

Согласно представленным статистическим данным, миграционная ситуация в России на период с января по декабрь 2021 года сложилась следующим образом: на миграционный учет органами миграционного учета было по-

ставлено 13 392 897 иностранных граждан и лиц без гражданства. При этом основной целью пребывания в России при въезде мигрантами указывается работа — 9 530 934, далее — 1 877 637 частная цель, 633 466 — учеба, 251 319 — туризм, 9 895 — гуманитарные цели, 384 026 иные цели. Из приведенных заявленных трудовых целей, по миграционным данным, действительных разрешений на работу на конец отчетного периода составило — 82 530 для иностранных лиц и лиц без гражданства, количество действительных патентов на конец отчетного периода составило — 1 912 171 [5].

Мигранты из стран с безвизовым режимом, осуществляют свою деятельность в России на основании патента. Патент выдается сроком от одного месяца до года. При получении патента и его продлении, иностранец должен уплатить фиксированный аванс (налог на доходы физических лиц, далее — НДФЛ) с учетом коэффициента — дефлятора, который при расчете налога учитывает изменение потребительских цен на товары (работы, услуги в России за предыдущий период (год или квартал). Коэффициент-дефлятор для НДФЛ — ежегодно устанавливается Министерством экономического развития Российской Федерации (на 2022 год равен 1,98). С учетом инфляции, уровень расчетного коэффициента имеет тенденцию к увеличению.

При этом, базовая ставка для НДФЛ иностранного гражданина является величиной неизменной и составляет 1 200 рублей (ст. 227.1 НК РФ). Размер налогообложения регулируется дополнительными коэффициентами [6].

Так, коэффициент при расчете стоимости патента в зависимости от региона разный, например, стоимость патента для трудовых мигрантов в Москве в 2022 году составляет 5 900 рублей (на 599 рублей больше, в сравнении с 2021 годом). Ежемесячный платеж по патенту рассчитывается по формуле произведения базовой ставки согласно статье 227.1 НК РФ в размере 1200 рублей, на коэффициент-дефлятор НДФЛ для мигрантов на текущий год 1,98 и на региональный коэффициент, на примере г. Москва — 2,4832 рублей ($1200 * 1,980 * 2,4832 = 5900$).

Таким образом, не сложно посчитать, что отчисления в федеральный бюджет от уплаты патента, а также ежемесячного продления и уплаты НДФЛ иностранными лицами, насчитывает миллиарды рублей в региональный бюджет, из них отчисления, например, в Московский бюджет свыше 40%.

Однако, по различным оценкам, большая часть средств перетекает в теневые финансовые потоки, которая распределяется между посредниками в сфере нелегальной миграции, осуществляющими услуги по постановке на миграционный учет, оформление патента, регистрацию по месту жительства (проживания).

Проблемы нелегальной трудовой миграции, в «теневом секторе» экономики, создаваемом посредниками, предоставляющими услуги иностранцам, находящимися в неопределенном миграционном статусе, являются нивелирующими факторами в достижении экономических целей развития регионов. Потребность в рабочей силе и привлечение для ее компенсации «дешевой рабочей силы» мигрантов, процесс неизбежный, необходимо обозначить как вынужденный. Что в свою очередь влияет на корреляционную зависимость между спросом на иностранную рабочую силу и предложением на рынке труда России.

Привлечение иностранной рабочей силы характеризуется относительно низким уровнем оплаты труда. Отсутствие квалификационных данных и низкий уровень знаний русского языка, не представляет преимущества для спора с работодателем о заработной плате. По официальным данным, основная доля въезжающих мигрантов, по сведениям за декабрь-январь 2021 года, приходится на граждан Узбекистана — 4 961 301, Таджикистана — 3 076 181, Киргизии — 1 063 928, Украины — 711 611 и Армении — 578 779 [5].

Согласно проведенному исследованию Федерации мигрантов России совместно с Высшей школой современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, в рамках опроса иностранных граждан (Узбекистана, Таджикистана и Киргизии) в качестве цели прибытия — 54,4% мигрантов указали такую

причину, как низкая заработная плата в странах исхода; 30,5% ответили, что отсутствует работа дома; 18% назвали низкий уровень жизни в целом. Средняя заработная плата опрошенных мигрантов в различных сферах в России, составляет около 47,1 тысяч рублей. При этом, играет роль знание русского языка, около 37 тысяч рублей получают иностранные лица, плохо владеющие и около 49 тысяч рублей, хорошо владеющие русским языком. Как видно, разница в доходе является ощутимой. Согласно исследованиям 80% иностранцев в России проживают в квартирах (71% самостоятельно, 5% у родственников, 4% у знакомых) [7]. Подобные данные не отображают количество проживающих мигрантов на жилплощади, следовательно, можно предположить, что данный процесс осуществляется по принципу «резиновых квартир».

По-прежнему привлекательными регионами для мигрантов остаются мегаполисы, с большими производственными возможностями и уровнем урбанизации. Так, в Центральном Федеральном округе для иностранных граждан оформлено — 84 118 виз, преимущественно в г. Москва — 45 891, в Приволжском Федеральном округе — 40 775 виз, большую часть составляет Республика Татарстан — 40 775; в Северо-Западном Федеральном округе — 28 125 виз, из них в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области — 21 020 виз, не считая приглашений [5]. Указанные регионы нуждаются в дополнительном привлечении рабочей силы. О росте вакансий и нехватке строителей по всей России заявил заместитель Председателя Правительства России М.Ш. Хуснуллин. Однако, данный факт коррелирует с ощутимыми денежными потоками за рубеж. Так, общая сумма денежных переводов мигрантов из России достигла 22,2 млрд долларов США — сумма, сопоставимая с 1,3 ВВП страны. За второй квартал, во время второй волны коронавируса, общая сумма денежных переводов иностранных граждан в страны СНГ из России снизилась на 17% — с 1,5 млрд в 2019 году до 1,2 млрд в 2020 году. Средняя сумма переводов сократилась почти на 37% — с 374\$ в 2019 году до 236 \$ в 2020 году [8].

В условиях ужесточения санкций в 2022 году, наблюдается отток мигрантов из России, что в ряде случаев связывается с невозможностью денежных переводов Western Union и такими банками, как Сбербанк, ВТБ и т.д., а также сокращением рабочих мест и как следствие инфляции. В этой связи, бизнесу необходимо пересмотреть условия труда, в сторону привлекательности для местного населения. Мигранты в силу названных выше причин, занимали вакансии с низким спросом у местного населения, в связи с чем представляется возможным замещение мигрантов на российском рынке труда.

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что для стран исхода мигрантов, с низким уровнем жизни, осуществление трудовой деятельности на территории Российской Федерации является необходимым подспорьем для жизнеобеспечения и развития в своей стране. Однако переправление денежных средств за рубеж, по оценкам Всемирного банка свидетельствует о негативных тенденциях для российской экономики. Во-вторых, дешевизна рабочей силы мигрантов способствует замещению местного населения на рынке труда, что с свою очередь способствует росту социальной напряженности в обществе. В-третьих, нелегальная миграция, уходит в теневой сектор экономики. Масштабная латентная инфраструктура, включает в себя различные формы посредничества в виде оформления миграционных карт, занятости, проживания и т.д. Теневые миграционные потоки являются скрытыми от правоохранительных органов, что в свою очередь осложняет процесс раскрытия и расследования преступлений, совершаемых мигрантами.

В заключении можно отметить, что экономическая безопасность России является материальной основой, обеспечивающей социально-политическую устойчивость и стабильность государства. В сложившихся непростых условиях политической турбулентности, обеспечение национального согласия и экономической стабильности государства, являются главными векторами развития страны.

Список источников

1. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — сентябрь 2021 года (xn — b1aew.xn — p1ai) Электронный ресурс: <https://clck.ru/YxQud>

2. Советник главы МВД Овчинский: мигранты стали одной из главных проблем после распада СССР... Электронный ресурс: <https://clck.ru/dZSEQ>

3. Путин призвал МВД высылать мигрантов за экстремизм... Электронный ресурс: <https://clck.ru/dZSFF>

4. Миграционные процессы в контексте обеспечения общественной безопасности на современном... Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=-aRt5J4QJ9c>

5. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь — декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]: <https://xn b1aew.xn — p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/?ysclid=l2d17n2mjz1>

6. Стоимость патента для иностранных граждан на 2022 год в Москве [Электронный ресурс]: <https://www.klerk.ru/blogs/rosco/524633/>

7. Вадим Коженов в эфире Национальной Службы Новостей | Ответы на вопросы [Электронный ресурс]: <https://youtu.be/Y9C2R7TFWsA>

8. Эксперты оценили последствия оттока мигрантов из-за пандемии... [Электронный ре-

сурс]: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/03/5f9bf5269a794771485ceb51>

References

1. Summary of key performance indicators on the migration situation in the Russian Federation for January — September 2021 (xn — b1aew.xn — p1ai) Electronic resource: <https://clck.ru/YxQud>

2. Advisor to the head of the Ministry of Internal Affairs Ovchinsky: migrants have become one of the main problems after the collapse of the USSR ... Electronic resource: <https://clck.ru/dZSEQ>

3. Putin called on the Interior Ministry to expel migrants for extremism... Electronic resource: <https://clck.ru/dZSFF>

4. Migration processes in the context of ensuring public safety in the modern ... Electronic resource: <https://www.youtube.com/watch?v=-aRt5J4QJ9c>

5. Selected indicators of the migration situation in the Russian Federation for January — December 2021 with distribution by country and region [Electronic resource]: <https://xn b1aew.xn — p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/?ysclid=l2d17n2mjz1>

6. The cost of a patent for foreign citizens for 2022 in Moscow [Electronic resource]: <https://www.klerk.ru/blogs/rosco/524633/>

7. Vadim Kozhenov on the air of the National News Service | Answers to questions [Electronic resource]: <https://youtu.be/Y9C2R7TFWsA>

8. Experts assessed the consequences of the outflow of migrants due to the pandemic... [Electronic resource]: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/03/5f9bf5269a794771485ceb51>

УДК 343.9.01
ББК 67.51

© Е.В. МИХАЙЛОВА, Е.Н. ХАЗОВ. 2022

Террористическое молодежное движение «Колумбайн»: сущность, причины, предупреждение

Елена Владимировна МИХАЙЛОВА,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: kis-01@mail.ru

Евгений Николаевич ХАЗОВ,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

E-mail: evg.hazov@yandex.ru

Научная специальность: 5.1.4 — Уголовно-правовые науки. 5 — Социальные и гуманитарные науки.
5.1. — Право

Для цитирования. Е.В. МИХАЙЛОВА, Е.Н. ХАЗОВ. Террористическое молодежное движение «Колумбайн»: сущность, причины, предупреждение // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 103—109.

Аннотация. В последнее время в мире наблюдается тенденция к росту вооруженных нападений в образовательных учреждениях, в результате которых жертвами становятся учащиеся и педагоги, преступником же является обучающийся этого же учебного заведения. При этом действия виновных лиц не несут под собой каких-либо корыстных целей, а направлены, в большинстве случаев, на привлечение преступником к себе внимания путем истребления (причинения смерти) большого количества людей. Это криминологическое явление получило название «schoolshooting» и стало причиной появления в молодежной среде молодежного движения «Колумбайн», которое набрало популярность и немалое количество поклонников в России. Ежедневно в социальных сетях регистрируется по несколько подобных интернет-формирований. В 2020—2021 годах Роскомнадзор добавил в реестр запрещенной информации более 750 ссылок по теме «Колумбайна».

Молодежные движения, пропагандирующие насилие, представляют достаточно серьезную угрозу, фиксируется повышение фона агрессивности и жестокости поведения подростков. Анализ структурных характеристик подобных преступлений показывает, что механизм их совершения является аналогичным по сравнению с другими, что приводит к необходимости изучения их криминологических особенностей, причинности, личностных характеристик лиц их совершающих, тем более что субъектами преступлений являются молодые люди, в том числе несовершеннолетние

Ключевые слова: вооруженное нападение; образовательное учреждение; «колумбайн»; несовершеннолетние; профилактика.

Terrorist youth movement Columbine: essence, reasons, warning

Elena Vladimirovna MIKHAYLOVA,
candidate of law, lecturer of the Department of criminology Kikot
Moscow University of the MIA of Russia

E-mail: kis-01@mail.ru

Evgeniy Nikolaevich KHAZOV,
doctor of law, professor, chief researcher, FGI research Institute of the Federal
penitentiary service of Russia

E-mail: evg.hazov@yandex.ru

Abstract. Recently, there has been a trend in the world towards an increase in armed attacks in educational institutions, as a result of which students and teachers become victims, while the perpetrator is a student of the same educational institution. At the same time, the actions of the perpetrators do not bear any selfish goals, but are aimed, in most cases, at attracting the attention of the criminal by exterminating (causing death) a large number of people. This criminological phenomenon was called «scoolshooting» and became the reason for the appearance of the Columbine subculture among young people, which gained popularity and a considerable number of fans in Russia. Every day, several similar Internet formations are registered in social networks. In 2020—2021, Roskomnadzor added more than 750 links on the topic of Columbine to the register of prohibited information.

Youth movements promoting violence pose a rather serious threat, an increase in the background of aggressiveness and cruelty of adolescent behavior is recorded. The analysis of the structural characteristics of such crimes shows that the mechanism of their commission is similar in comparison with others, which leads to the need to study their criminological features, causality, personal characteristics of the perpetrators, especially since the subjects of crimes are young people, including minors

Keywords: armed attack; educational institution; Columbine; minors; prevention.

За последние несколько лет российское общество столкнулось с новым явлением в подростковой и молодежной преступности — массовые убийства в российских образовательных учреждениях, в результате которых жертвами становятся учащиеся и педагоги [1]. Такая крайняя форма проявления агрессии, характеризующаяся общественно опасными насильственными действиями, получила название «scoolshooting» («скулшутинг»). Масштабы распространения этого движения в России на сегодняшний день достигли значительных масштабов, и в феврале 2022 года Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил административное исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации о признании «Колумбайна» террористической организацией, распространяющей идеологию насилия и преследующей цели массовой гибели людей, устрашения населения и дестабилизации обстановки в стране путем реализации масштабных насильственных акций.

Несмотря на то, что для России это достаточно новый феномен, в зарубежных странах случаи нападения на школы известны с начала XX века. Статус массового явления скулшутинг приобрел в 1999 году, когда в американской школе «Колумбайн» Э. Харрис и Д. Клиболд, используя огнестрельное оружие, совершили массовое убийство. На протяжении последних 10 лет в Российской Федерации была совершена череда нападений с целью повторения событий в школе «Колумбайн»,

часть которых удалось предотвратить [2]. В большинстве из представленных случаев виновные лица следовали идее «Колумбайна», заложенной при осуществлении террористического акта в школе «Колумбайн», что говорит о том, что скулшутинг давно перестал быть лишь актом противоправного поведения, а, фактически, приобрел статус идеологии.

Таким образом, понимание скулшутинга тесно связано не только с уголовно-правовыми аспектами причинения вреда здоровью и смерти другим лицам, но и рассматривается как одна из идеологических форм проявления экстремизма среди молодежи. Следовательно, важным аспектом противодействия явлениям «Колумбайна» и «скулшутинга» на современном этапе будет являться не только закрепление определенных нормативных правовых норм, запрещающих указанный вид противоправного поведения, но детальная проработка иных факторов, которые позволят организовать надлежащую профилактику актов скулшутинга в современных условиях.

Чтобы изучить проблему «Колумбайна» в России, было проведено исследование с использованием метода активного проблемно-ситуационного анализа (case-study). Собрана база данных, включающая случаи массовых убийств, террористических инцидентов, совершенных молодыми людьми различных возрастных категорий за период с 2014 по 2021 годы, построенная на основе данных из открытых источников, таких как официальный сайт

Национального антитеррористического комитета, интернет-сайты, информация в сообществах социальных сетей (В Контакте, Facebook), зарубежные источники информации. Проанализированы исследования «скулшутинга», охватывающих как социологические и криминологические предпосылки указанного явления, так и разработки методик и практик по снижению риска совершения противоправных действий.

В исследовании были поставлены следующие задачи: дать криминологическую оценку проявлениям колумбайна и установить важные проблемы, связанные с мониторингом противоправного поведения скулшутеров; определить объективные и субъективные факторы, влияющие на совершение актов скулшутинга; изучить зарубежный опыт противодействия скулшутингу и рассмотреть возможности его внедрения в современное российское законодательство; на основе проведенного исследования выделить основные направления предупреждения вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации.

Основываясь на исследованиях зарубежных специалистов, выделим формальные признаки скулшутинга, которые не противоречат инцидентам, уже произошедшим в России [3]: нападавший (нападавшие) имели отношение к образовательной организации (как правило, это действующие обучающиеся); убийства или ранения носили умышленный характер, не имели корыстных мотивов, были демонстративны и направлены на неопределенный круг лиц; нападение не носило спонтанный характер, было спланировано и организовано заранее.

В большинстве случаев к этому перечню добавляется использование огнестрельного оружия. Сам термин «скулшутинг» образован от двух английских слов: school — школа, shoot — стрельба. Таким образом, само определение обязывает называть скулшутингом инциденты с применением исключительно стрелкового оружия, однако исследователи [4,5] относят к данному феномену и случаи использования холодного оружия, взрывчатых веществ и др.

При этом действия виновных лиц не несут под собой каких-либо корыстных целей, а направлены, в большинстве случаев, на привлечение преступником к себе внимания путем истребления (причинения смерти) большого количества людей. Таким образом, наблюдается фактически зарождение нового молодежного вида экстремистской деятельности, который не имеет под собой религиозных аспектов и политических мотивов (не выдвигаются требования к представителям государственной власти). Здесь на первый план выходит идеология, распространение которой — реальная и очень серьезная угроза национальной безопасности.

По своей сути скулшутинг является остро социальным явлением, направленным на противопоставление личности скулшутера остальному обществу.

Исследователи предлагают следующую типологизацию скулшутеров [6]:

- «психотики» — лица, которые ощущают себя изгнанниками, отличающимися, по их мнению, от других людей.

Зачастую, это замкнутые в себе люди, отстраняющиеся от реального мира, либо испытывающие боязнь перед своими сверстниками, лицами противоположного пола, характеризуются низким уровнем социализации. Имеются факты наличия у указанных лиц виртуальной зависимости — предпочитают информационно-телекоммуникационное пространство сети Интернет реальному общению; имеют игровую зависимость.

- «жертвы» буллинга или иных видов эмоционального, физического или сексуального насилия.

Буллинг является в большинстве случаев одной из главных причин совершения массовых убийств. При этом, буллинг представляется и наиболее распространенным фактором, способствующим развитию конфликтных ситуаций, которые могут перерасти в массовые убийства. Таким образом подростки, испытывавшие акты насилия или унижения в учебном заведении на себе, хотят выместить накопившуюся боль и злобу на других лицах, отом-

стить им. Таким образом, непосредственное влияние на поведение скулшутера также может оказывать и виктимное поведение его потенциальных жертв.

- «отстраненные» — лица, не чувствующие связи с другими людьми.

Для указанных психотипов характерно не испытывать чувства вины за содеянное. Данная категория является наиболее социально-опасной, поскольку лица, совершающие акты насилия, относящиеся к указанной группе, не просто совершают общественно-опасные действия, но и испытывают удовольствие от них.

Таким образом, скулшутерами могут стать лица, как социально отстраненные, так и лица, имеющие взрывной характер и проявляющие признаки социопатии.

Ряд ученых полагают, что приверженность к совершению насильственных действий исходит не только от психологических особенностей личности, но и физиологических проблем, влияющих на формирование центральной нервной системы преступника, к числу которых причисляют несформированность некоторых отделов головного мозга, психопатические расстройства, вытекающие из-за проблем с формированием организма (например, повышенный болевой порог, симпатические боли в организме). Указанные факторы, безусловно, заставляют преступника не отождествлять с остальным обществом, считать себя отстраненным от него, и даже «ненужным».

Среди ярких триггеров, указывающих на принадлежность лица к идеологии скулшутеров можно выделить следующие:

1) поведенческие маркеры, которым можно отнести замкнутость, вспышки агрессии, ярости, открытые угрозы совершения убийства, склонность к насилию и пр.;

2) внешний вид, который выражается, прежде всего, в изменении стиля одежды (например, ношение армейского типа одежды («милитари»), длинных плащей, футболок и худи с характерными надписями: «Естественный отбор», «Ненависть», «Гнев» и др.);

3) увлечения милитаристского толка, ранее не свойственные лицу — оружие, стрельба,

изготовление взрывчатых веществ, неонационалистическая идеология и др.

4) вербальные маркеры, связанные с упоминанием в речи слов, тесно связанных с идеологией скулшутинга — колумбайнер, колумбайн, скулшутинг, скулшутер, «апрельские мальчики», колумбина, или упоминание имен ключевых фигур, совершивших акции скулшутинга.

Особого внимания заслуживают контекстные группы и сообщества в информационно-телекоммуникационных сетях, посвященные скулшутингу.

Активными маркерами, указывающими на приверженность лица к скулшутинг-сообществам и идеологии массовых убийств, являются:

1) различные текстовые ролевые игры по тематике скулшутинга;

2) видеоигровые сообщества, оправдывающие идеологию массовых убийств — яркий пример, видеоигра *Hatred*, пропагандирующая убийство людей при помощи огнестрельного оружия;

3) просмотр видеоконтента с реальными фактами скулшутинга, а также роликов, имеющих в своем названии или в аннотации такие слова и обороты как «Слон», «Класс», «Боулинг для Колумбины», «Апрельские дожди» и пр.

Явление скулшутинга давно представляет мировую проблему и заставляет задуматься о мерах противодействия ему.

Так, политика предотвращения насилия с применением огнестрельного оружия в образовательных организациях США, включает следующие этапы:

1. Принятие законов о защите от экстремальных рисков, предоставляющих возможность членам семьи, правоохранительным органам и, в некоторых штатах, педагогам получить постановление гражданского суда, временно запрещающее человеку доступ к оружию. Эти положения являются важным инструментом правоохранительных органов в тех случаях, когда лицо, представляющее опасность для школы, владеет, может приобрести или имеет доступ к огнестрельному оружию [7].

2. Повышение минимального возраста покупки огнестрельного оружия до 21 года. Проводимые исследования показывают, что лица в возрасте от 18 до 20 лет совершают убийства с применением огнестрельного оружия в четыре раза чаще, чем взрослые в возрасте 21 года и старше.

3. Соблюдение требований хранения огнестрельного оружия. Поскольку подавляющее большинство школьных стрелков в возрасте до 18 лет приобретают оружие дома, владельцы оружия должны надежно хранить его, чтобы предотвратить неконтролируемый доступ.

4. Проверка биографических данных при продаже оружия. Располагая данными о том, что лицо потенциально склонно к совершению преступлений с использованием оружия, будут нивелированы возможности передачи и приобретения им огнестрельного оружия в личное пользование. Создание единого информационного пространства, основанного на интегрированных базах данных, позволит своевременно пресекать любые возможности допуска к огнестрельному оружию со стороны лиц, имеющих девиации в своем поведении.

5. Школы должны создавать безопасный и позитивный климат для все учащихся. При этом, для создания благоприятной школьной среды предлагается сократить практику дисциплинарных наказаний учеников и закрепить за школами профессиональных психологов и психиатров, которые будут противодействовать издевательствам и травле и выявлять склонных к насилию лиц [8].

6. Разработка программ оценки угроз и создание групп реагирования на кризисы. Подобные группы, состоящие из школьного персонала мониторят информацию о потенциальной угрозе со стороны учащихся, оценивают угрозу и разрабатывают меры по предотвращению насилия [9].

По аналогичному пути пошли многие страны Европы (Германия, Великобритания, Франция, Финляндия, Норвегия и пр.) [10]. Главным катализатором для Европы в указанном направлении послужили противоправные действия, совершенные Андерсом Брейвиком

(77 жертв в результате вооруженного нападения на летний лагерь) и после теракта в Ницце в 2016 г. (86 погибших) [11].

Положительные примеры в сфере противодействия и превенции противоправного поведения скулшутеров послужат базовой для предложений по противодействию этому явлению в нашей стране [12].

Таким образом, необходимо выделить несколько направлений предупреждения вооруженных нападений в образовательных учреждениях Российской Федерации.

1. Ужесточение мер и условий приобретения гражданами огнестрельного оружия, в частности, — увеличив возраст, с которого любой гражданин России сможет приобрести оружие в личное пользование с 18-ти до 21-го года. Таким образом, лицо, на момент приобретения прав на хранение и пользование огнестрельным оружием, будет физиологически и психологически сформированным, социально адаптированным.

Также, интересным видится и внесение дополнений в действующее законодательство в сфере здравоохранения, а именно дополнение Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» положениями, позволяющими осуществлять обмен информацией о психическом состоянии лиц между медицинскими работниками и представителями правоохранительных органов, независимо от того, возбуждено ли в отношении лица уголовное дело, ограничившись лишь предпосылками, указывающими на имеющиеся у данного лица отклонения. Это позволит своевременно принимать превентивные меры, направленные на контроль за его поведением и недопущение негативных последствий.

2. Блокировка деструктивных групп в социальных сетях. Деструктивные группы, пропагандирующие субкультуру «Колумбайн», запрещены на территории Российской Федерации, как побуждающие детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо

жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Однако, несмотря на практику блокировок (например, Facebook и Вконтакте предоставляют своим пользователям возможность пожаловаться на сообщество, аккаунт, публикацию, комментарий, если контент распространяет запрещенную информацию), в социальных сетях все еще присутствуют запрещенные деструктивные группы и проявляют свою активность [13].

3. Своевременное выявление в сети Интернет сторонников «групп смерти», что позволит сотрудникам правоохранительных органов организовать профилактическую работу и не допустить противоправных акций. При установлении несовершеннолетних пользователей, разделяющих идеологию данных течений, необходимо проводить с ними и с их родителями профилактическую работу, при необходимости обеспечить участие психолога, доводить подросткам информацию о недопущении вступления в группы деструктивной направленности. Целесообразно рекомендовать родителям усилить контроль за общением их несовершеннолетних детей в социальных сетях, установить специализированные программные фильтры и отслеживать журналы посещений интернет-ресурсов с целью недопущения ознакомления с противоправной информацией [14].

4. Ориентированность образовательного учреждения не только на повышение качества учебного процесса, но и создание психологического комфорта для обучающихся, их социализацию и формирование неприятия насилия в любых его формах.

Необходимо тщательное изучение личностных особенностей учащихся с использованием групповых и индивидуальных психологических приемов; выявление «групп риска» для оказания своевременной правовой, психологической и медицинской помощи, как потенциальным правонарушителям, так и жерт-

вам; своевременное реагирование на полученную информацию об угрозах безопасности (мониторинг информации среди учащихся и сотрудников, анализ доступной информации в социальных сетях); активно взаимодействие с представителями правоохранительных органов (например, подразделения по делам несовершеннолетних) по взаимному обмену информацией, проведению профилактических мероприятий, индивидуальной работе с правонарушителями [16].

5. Активное взаимодействие образовательного учреждения с родителями учащихся по профилактике вооруженных нападений: тематические родительские собрания, памятки по раннему выявлению увлечения ребенком агрессивно-деструктивным контентом и готовности к насилию, указывающие на особенности поведения, внешнего вида, увлечений, виртуальной жизни [16].

На практике оценить вероятность нападения на образовательное учреждение не так просто. Такая оценка должна носить комплексный характер, учитывающей не только конкретные особенности поведения, личностные особенности и психологические проблемы личности, но и принимать во внимание взаимоотношения в семье, в среде сверстников, психологический климат в школе [17].

Комплексное изучение критериев (маркеров), способствующих становлению и развитию идей скулшутинга в поведении, включающее не только изучение социально-психологических предпосылок, но и внешних, объективных факторов, а также медийного и технологического пространства вокруг личности потенциального преступника, позволит существенно усилить превенцию указанного поведения и не допустить негативных последствий.

Список источников

1. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Образовательные учреждения как наиболее уязвимые объекты террористических и экстремистских проявлений. Криминологический журнал. 2021. № 2. С. 26—32.

2. Случаи предотвращения вооруженных нападений на учебные заведения в России [Электронный ресурс] // 2022 © РИА Новости URL: <https://ria.ru/20220127/napadeniya-1769850367.html> (дата обращения 28.01.2022)
3. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62—76
4. Мосечкин И.Н. Виктимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (SCHOOLSHOOTING) // Виктимология. 2019. № 1(19). С. 46—53.
5. Чунин А.С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // Обзор. НЦПТИ. 2020. № 3(22). С. 48—52.
6. Peter Langman. «Rampage school shooters: A typology» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1359178908000839> (дата обращения: 28.01.2022)
7. Everytown for Gun Safety Support Fund, «Extreme Risk Laws Save Lives: Stories» April 17, 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://everytownresearch.org/report/appendix-a-extreme-risk-laws-save-lives-stories/> (дата обращения: 28.01.2022)
8. The Off-Ramp Project, Safe and Supportive Schools — School Climate (EDSCLS MODEL), accessed September 13, 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://off-ramp.org/2021/05/19/safe-and-supportive-schools-school-climate-edscls-model/>
9. US Department of Homeland Security, «K–12 School Security: A Guide for Preventing and Protecting Against Gun Violence,» 2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cisa.gov/k-12-school-security-guide>
10. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью. Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 231—236.
11. Перечень НКО, ликвидированных в соответствии с ФЗ от 25.07.2002 № 1214-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 28.03.2021).
12. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 158—161.
13. Папазова Ю.В., Богданов А.В., Хазов Е.Н. Обеспечение информационной безопасности правоохранительными органами России. Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 3 (52). С. 45—52.
14. Лобзов К.М., Богданов А.В., Ильинский И.И. и др. Экстремистские организации: сущность, идеология, тактика их деятельности. Новосибирск, 2021.
15. Богданов А.В., Румянцев Н.В., Хазов Е.Н. Роль и значение семьи, общества и государства в правовом воспитании несовершеннолетних. Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 66—70.
16. Зинченко Е.Ю., Евсеева И.Г., Хазов Е.Н. Конституционно-правовой статус несовершеннолетнего и проблемы его обеспечения и защиты. Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 2. С. 101—104.
17. Богданов А.В., Хазов Е.Н., Озеров И.Н., Озеров К.И. Профилактика правонарушений как один из элементов правового воспитания несовершеннолетних. Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 3. С. 43—48.

УДК 34
ББК 67

© В.М. РЕДКОУС. 2022

Некоторые вопросы законодательного закрепления применения полиграфа в деятельности правоохранительных органов государств-участников СНГ

Владимир Михайлович РЕДКОУС,
Институт государства и права РАН, Москва, Россия

E-mail rwmmos@rambler.ru:

Научная специальность: 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5. — Социальные и гуманитарные науки. 5.1. — Право

Для цитирования. В.М. РЕДКОУС. Некоторые вопросы законодательного закрепления применения полиграфа в деятельности правоохранительных органов государств — участников СНГ // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 110—116.

Аннотация: В статье представлен опыт законодательного закрепления применения полиграфа в правоохранительных органах государств — участников СНГ, определен ряд направлений его учета в российских условиях.

Ключевые слова: правовое регулирование; специальные психофизиологические исследования; применение полиграфа; органы внутренних дел; правоохранительные органы; уголовно-процессуальная деятельность; оперативно-разыскная деятельность; государства — участники СНГ; сравнительно-правовые исследования.

Some issues of legislative consolidation of the use of the polygraph in the activities of law enforcement agencies of the CIS member states

Vladimir Mikhailovich REDKOUS,
Institute of the State and Law of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

E-mail: rwmmos@rambler.ru

Abstract. The article presents the experience of legislative consolidation of the use of the polygraph in law enforcement agencies of the CIS member states, a number of areas for its accounting in Russian conditions

Keywords: legal regulation; special psychophysiological studies; the use of a polygraph; internal affairs bodies; law enforcement agencies; criminal procedure activity; operational-search activity; member states of the CIS; comparative legal studies.

Совершенствование российского законодательства в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности¹, национальной и государственной безопасности² связано, в том числе, и с развитием правовой основы деятельности правоохранительных органов, используемых ими методов и средств в правоохранительной деятельности³. Эти вопросы должны учитываться в рамках совершенствования российского законода-

тельства при проведении мероприятий в рамках административной реформы⁴, развития форм и методов деятельности органов государственных органов⁵.

Специальные психофизиологические исследования (опрос, тестирование) с применением полиграфа занимают все большее место в оперативно-служебной и кадровой деятельности правоохранительных органов не только Российской Федерации, но и зарубежных

государств⁶. Это касается и работы с кадрами правоохранительных органов⁷, и применения полиграфных устройств в оперативно-разыскной деятельности и уголовном судопроизводстве⁸, в доказывании по уголовным делам⁹, и в иных областях. С правовым регулированием психофизиологических исследований и закреплением возможностей использования полученных результатов в процессуальных производствах¹⁰ связана возможность расширения методологических рамок проводимых исследований межотраслевого характера¹¹.

Различные вопросы правового регулирования использования полиграфа уже рассматривались в юридической науке¹², однако их важность требует продолжения исследований.

Я.В. Комиссарова указывает, что сегодня в России, как и во многих других странах мира, полиграф активно используется: а) при осуществлении оперативно-разыскной деятельности в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, регламентирующего данный вид деятельности; б) в ходе судопроизводства в соответствии с требованиями процессуального законодательства Российской Федерации; в) при поступлении на государственную службу (в том числе военную) и ее прохождении в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации; г) при регулировании трудовых и иных, непосредственно связанных с ними, отношений в соответствии с требованиями трудового законодательства и нормативных актов, регламентирующих отдельные вопросы занятости населения; д) в порядке оказания услуг по гражданско-правовым договорам¹³.

В целях совершенствования правового регулирования в рассматриваемой области необходимо учитывать положительный опыт зарубежных государств, в том числе и государств — участников СНГ.

В законах государств СНГ с разной степенью конкретизации регулируются вопросы применения полиграфа в различных областях управления и оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов.

Так, например, Закон Республики Армения от 30 июля 2002 г. № ЗР-401 «О службе в полиции» [Официальные ведомости (вестник) Республики Армения, 8 августа 2002 года, № 32 (207), Ст. 734] в главе Глава 3 «Поступление на службу в полицию») в п. 5 ст. 11 («Требования, предъявляемые для поступле-

ния на службу в полицию») закрепляет, что «граждане, поступающие на службу в полицию, а также служащие полиции в установленном Правительством Республики Армения порядке проходят психофизиологическое обследование, тестирование в целях проверки их зависимости от алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ».

Возможность применения полиграфологического исследования нормативно закреплена в Республике Казахстан (см., например: Постановление Правительства Республики Казахстан от 7 апреля 2016 г. № 191 «Об утверждении Правил прохождения полиграфологического исследования кандидатами в судьи» [Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан 2016 год, № 21—22, статья 118]; Постановление Правительства Республики Казахстан от 19 июня 2014 г. № 683 «Об утверждении Правил прохождения полиграфологического исследования в правоохранительных органах Республики Казахстан» [САПП Республики Казахстан 2014 год, № 42, ст.403]); в Кыргызской Республике (см., например: Постановление Правительства Кыргызской Республики от 29 марта 2018 г. № 170 «Об утверждении Положения о порядке прохождения полиграфологического исследования кандидатами, претендующими на замещение вакантной должности судьи Верховного суда, Конституционной палаты Верховного суда и местных судов Кыргызской Республики» [«Нормативные акты Правительства Кыргызской Республики» (приложение к газете «Эркин Тоо») от 30 марта 2018 года № 5—6 (554—555)]; на Украине (см., например: Постановление Кабинета Министров Украины от 11 мая 2017 г. № 449 «Об утверждении Порядка проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа в Государственном бюро расследований» [«Правительственный курьер» от 14 июля 2017 года № 129]; Приказ Министерства доходов и сборов Украины от 2 августа 2013 г. № 329 «Об использовании полиграфов в деятельности Министерства доходов и сборов Украины и его территориальных органов» [Официальный вестник Украины от 5 ноября 2013 года № 83, стр.45, статья 3092, код акта 69399/2013]), в Республике Молдова (см., например: Закон Республики Молдова от 12 декабря 2008 г. № 269-XVI «О применении тестирования на детекторе симуляции (поли-

графе)» [Официальный монитор Республики Молдова, № 57—58, 20 марта 2009 года, Ст. 161]; Постановление Правительства Республики Молдова от 19 июня 2014 года № 475 «О некоторых мерах по исполнению Закона № 269-XVI от 12 декабря 2008 года о применении тестирования на детекторе симуляции (полиграфе)» [Официальный монитор Республики Молдова, № 169—173, 27 июня 2014 года, Ст. 521]; Постановление Конституционного суда Республики Молдова от 10 апреля 2018 г. № 6 «Об исключительном случае неконституционности некоторых положений Закона № 269 от 12 декабря 2008 года о применении тестирования на детекторе симуляции (полиграфе) и Закона № 132 от 17 июня 2016 года о Национальном органе по неподкупности (тестирование на полиграфе) (обращение № 147g/2017)» [Официальный монитор Республики Молдова, № 157—166, 18 мая 2018 года, Ст. 76]; Постановление Конституционного суда Республики Молдова от 10 апреля 2018 г. № 6 «Об исключительном случае неконституционности некоторых положений Закона № 269 от 12 декабря 2008 года о применении тестирования на детекторе симуляции (полиграфе) и Закона № 132 от 17 июня 2016 года о Национальном органе по неподкупности (тестирование на полиграфе) (обращение № 147g/2017)» [Официальный монитор Республики Молдова, № 157—166, 18 мая 2018 года, Ст. 76], и в других государствах СНГ.

Следует отметить, что в российском законодательстве отсутствует единый законодательный акт, который бы регламентировал вопросы проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа. Это не способствует достижению единства правового регулирования в этой области и единообразного использования полученных результатов в практических целях.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на опыт Республики Молдова, где был принят Закон Республики Молдова от 12 декабря 2008 г. № 269-XVI «О применении тестирования на детекторе симуляции (полиграфе)» (далее — Закон РМ). В ст. 1 данного Закона РМ закреплено содержание ряда основных понятий, в том числе: *детектор симуляции* (далее — полиграф) — техническое средство для регистрации физиологических параметров (в том числе параметров дыхания, сердечно-сосудистой активности, кожно-кинестетической чув-

ствительности и др.), позволяющее выявить симуляцию и представить зарегистрированные результаты в аналоговой и/или цифровой форме; *тестирование с применением полиграфа* — совокупность нетравмирующих, безвредных для жизни и здоровья человека действий (включая тестирование на полиграфе), направленных на проверку полиграфологом достоверности сведений, сообщенных тестируемым лицом; *тестирование на полиграфе* — составная часть тестирования с применением полиграфа, включающая регистрацию физиологических параметров человека в ответ на задаваемые вопросы, предъявляемые предметы или изображения, и т.д.

Закрепляется, что тестирования с применением полиграфа проводятся в целях оценки достоверности сообщаемых тестируемым лицом сведений в установленных настоящим законом случаях. Оценка достоверности сообщаемых тестируемым лицом сведений осуществляется: а) при приеме на службу в учреждения, указанные в статье 7 Закона РМ; б) при проведении периодического или выборочного контроля служебной деятельности в учреждениях, указанных в статье 7 Закона РМ; в) в ходе служебного расследования; г) в ходе оперативной розыскной деятельности (ст. 2 Закона РМ).

Важным условием при осуществлении тестирования является соблюдение принципов проведения тестирования (ст. 3 закона РМ). Тестирования проводятся с соблюдением прав и свобод человека и гражданина, установленных Конституцией Республики Молдова, в соответствии с принципами законности, гуманности, научности и конфиденциальности в предусмотренных настоящим законом случаях. Установлено, что проведение тестирования не должно представлять опасность для здоровья человека, унижать его честь и достоинство. Применение угроз, насилия и мер воздействия с целью принуждения лица к даче согласия на проведение тестирования или к тому, чтобы быть таким образом тестируемым, недопустимо.

Правом инициирования тестирования наделяются Высший совет магистратуры, Высший совет прокуроров, органы Министерства внутренних дел, Национального центра по борьбе с коррупцией, Службы информации и безопасности и Таможенной службы. Тестирование осуществляется аттестованными в соответствии с настоящим законом специали-

стами. Информация, содержащаяся в материалах тестирования, а также полученная участниками тестирования в процессе его проведения, не подлежит разглашению без согласия тестируемого лица, за исключением случаев, предусмотренных настоящим законом. Недопустимо использование этой информации в не предусмотренных настоящим законом целях.

В предусмотренных настоящим законом случаях подлежат тестированию лица, являющиеся гражданами Республики Молдова, иностранными гражданами или лицами без гражданства, если: ни поступают на службу или исполняют службу в органах Министерства внутренних дел, Национального центра по борьбе с коррупцией, Службы информации и безопасности и Таможенной службы; они участвуют в конкурсе на замещение должности судьи или прокурора; это вытекает из трудового договора; это вытекает из оперативно-розыскной деятельности; лицо добровольно желает подвергнуться тестированию в соответствии с настоящим законом.

Не подлежат тестированию: беременные женщины и кормящие матери; лица, не достигшие возраста 18 лет; престарелые лица (по решению полиграфолога); лица с серьезными психическими заболеваниями (в том числе хронические алкоголики, наркоманы); лица, страдающие заболеваниями, предусмотренными Перечнем медицинских противопоказаний, утвержденным Министерством здравоохранения, труда и социальной защиты; другие лица, в отношении которых полиграфолог обоснованно полагает проведение тестирования противопоказанным. Также тестирование не проводится, если лицо, в отношении которого тестирование инициировано, представляет письменное медицинское заключение с указанием срока действия такового, свидетельствующее о том, что его физическое и/или психическое состояние может повлечь проявление неадекватных реакций в ходе тестирования на полиграфе.

В главе II Закона РМ прописаны вопросы обязательного тестирования, а в главе III — добровольного тестирования.

Важное значение имеет глава IV Закона РМ, где закреплены вопросы организации и проведения тестирования.

Так, например, в ст. 17 Закона РМ («Структура и технические средства тести-

рования») закреплено, что в ходе тестирования полиграфолог осуществляет следующие основные действия: изучает материалы и осуществляет иные действия, предшествующие тестированию на полиграфе; работает с тестируемым лицом (проводит предтестовую беседу, выполняет тестирование на полиграфе, проводит в случае необходимости послетестовую беседу); анализирует и оценивает зарегистрированные физиологические реакции, а также поведенческие реакции субъекта (несловесное поведение, изменение голоса и т.п.); оформляет результаты тестирования.

При проведении тестирования применяются технические средства, отвечающие требованиям, установленным законодательством о техническом регулировании. Полиграфолог, применяющий при проведении тестирования полиграф, не соответствующий требованиям части 2 настоящей статьи, несет ответственность согласно действующему законодательству.

В отношении лиц, подпадающих под действие статьи 7 Закона РМ, допускается осуществление аудио- и/или видеозаписи тестирования с предупреждением их об этом инициатором тестирования. Решение о целесообразности осуществления такой записи принимает инициатор тестирования.

В отношении лиц, подпадающих под действие статьи 12 Закона РМ, аудио- и/или видеозаписи тестирования осуществляются при наличии их добровольного согласия, выраженного в письменной форме.

Также в Законе РМ устанавливаются: требования к полиграфологу (ст. 20); обязанности, права и ответственность инициатора тестирования (ст. 21); обязанности и права полиграфолога (ст. 22); права и обязанности тестируемого лица (ст. 23); обязанности и ответственность ассистента полиграфолога (ст. 24); обязанности, права и ответственность переводчика (ст. 25); обязанности, права и ответственность адвоката (ст. 26).

Порядок использования результатов тестирования связан с предоставлением права использования результатов тестирования, которое по закону РМ принадлежит инициатору тестирования. Устанавливается, что результаты тестирования, указывающие на недостоверность сведений, сообщенных тестируемым лицом, подпадающим под действие статей 7 и 12 Закона РМ: не являются доказательством недостоверности сведений, сообщенных дан-

ным лицом; не являются единственным основанием для приостановления исполнения этим лицом его служебных обязанностей; могут служить основанием для применения дополнительных проверочных мер в отношении этого лица.

Материалы тестирования подлежат обязательному хранению в течение трех лет, если инициатором тестирования не установлен больший срок хранения. Материалы тестирования хранятся у инициатора тестирования и/или, с его разрешения, у полиграфолога. Условия хранения материалов тестирования и последующего их использования должны исключать возможность их утраты, искажения или несанкционированного доступа к ним. В случаях, если нормативными актами органов, наделенных правом инициирования тестирований, или трудовым договором предусмотрено периодическое проведение тестирований, срок хранения материалов тестирования должен быть не менее срока, установленного для проведения последующего тестирования. Материалы тестирований, выполненных в ходе оперативно-розыскной деятельности, хранятся в течение срока, установленного для хранения соответствующего дела оперативного учета. Это закреплено в ст. 28 Закона РМ.

Таким образом, на примере Закона Республики Молдова от 12 декабря 2008 г. № 269-XVI «О применении тестирования на детекторе симуляции (полиграфе)» мы видим достаточно удачный пример законодательного регулирования порядка проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, что может быть адаптировано и в российских условиях с учетом российской правовой системы.

Список источников

1. Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / Е.В. Виноградова, И.В. Глазунова, А.А. Гришкорец, В.М. Редкоус [и др.]. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. 256 с. ISBN 978—5-4446—1620—8.

2. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Академической науке административного права и административного процесса 85 лет // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6.

3. Богаевский В.А., Печенкова Е.А. Правовое регулирование специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 187—189.

4. Воронов А.М., Глазунова И.В. Вопросы модернизации административно-правовой и финансово-правовой доктрин современной России // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2018. № 4. С. 52—59.

5. Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации. Историко-правовое исследование. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2022. 527 с.

6. Дашко М.Н., Виноградов М.В., Ульянина О.А. Организационные и правовые аспекты проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа с кандидатами на службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2 (73). С. 84—91.

7. Детков А.П., Свободный Ф.К., Шлеец И.А. Проблемы производства исследований с применением полиграфа при отборе кадров в правоохранительные органы // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 113—117.

8. Деулин Д.В., Паришутин И.А. Повышение эффективности процедуры проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфных устройств в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 269—275.

9. Доказывание при правоприменении в Российской Федерации: монография. 4-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2018. 328 с.

10. Ерошенков Н.В. Проблемы применения полиграфных устройств в оперативно-розыскной деятельности и уголовном судопроизводстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 15—19.

11. Комиссарова Я.В. Использование полиграфа в доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы расследования преступлений: лекции (коллектив авторов; под ред. д.ю.н. А.И. Бастрыкина). М.: «Проспект», 2020. 256 с.

12. Мочагин П.В. Психофизиологическое исследование как разновидность метода выявления скрываемой информации: понятие

и сущность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. № 4. С. 128—135.

13. Николаев А.Г. Виды доказательств по делу о дисциплинарном проступке // Закон и право. 2022. № 2. С. 71—75.

14. Публичная власть: система, компетенции / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, Е.В. Виноградова, В.М. Редкоус [и др.]. Воронеж: «Научная книга», 2021. 237 с. ISBN 978—5-4446—1580—5

15. Редкоус В.М. К вопросу о взаимодействии административного и уголовного законодательства Российской Федерации в современных условиях // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: Материалы X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 16—17 апреля 2021 года / Редколлегия: Э.Ю. Кузьменко, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 19—31.

16. Редкоус В.М. Административно-правовые аспекты законодательного обеспечения кибербезопасности в государствах — участниках СНГ // Бачиловские чтения: Материалы четвертой международной научно-практической конференции, Москва, 05—06 февраля 2022 года / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов / Институт государства и права РАН. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2022. С. 303—311.

17. Хлоповских Ю.Г. К вопросу о методолого-теоретических основах психофизиологического обследования с помощью полиграфа // Современные проблемы гражданской защиты. 2018. № 3 (28). С. 43—47.

References

1. Administrative and legal regulation in the sphere of economy (modern forms and methods) / E.V. Vinogradova, I.V. Glazunova, A.A. Grishkovets, V.M. Redkous [i dr.]. Voronezh: Publishing and Printing Center «Scientific Book», 2021. 256 p. ISBN 978—5-4446—1620—8.

2. Vinogradova E.V., Kobzar-Frolova M.N. Academic science of administrative law and administrative process is 85 years old // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2021. V. 16. No. 6.

3. Bogaevsky V.A., Pechenkova E.A. Legal regulation of special psychophysiological studies

using a polygraph // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 6. P. 187—189.

4. Voronov A.M., Glazunova I.V. Issues of modernization of the administrative-legal and financial-legal doctrines of modern Russia // Actual problems of administrative law and process. 2018. No. 4. S. 52—59.

5. Galuzo V.N. Law enforcement theory in the Russian Federation. Historical and legal research. M.: Unity-Dana: Law and Law, 2022. 527 p.

6. Dashko M.N., Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Organizational and legal aspects of conducting a special psychophysiological study using a polygraph with candidates for service in the internal affairs bodies // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2018. No. 2 (73). pp. 84—91.

7. Detkov A.P., Svobodny F.K., Shletser I.A. Problems of the production of research using a polygraph in the selection of personnel for law enforcement agencies // Bulletin of the Altai State University. 2017. No. 3 (94). pp. 113—117.

8. Deulin D.V., Parshutin I.A. Improving the efficiency of the procedure for conducting special psychophysiological studies using polygraph devices as part of the professional psychological selection of candidates for service in the internal affairs bodies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. S. 269—275.

9. Evidence in law enforcement in the Russian Federation: monograph. 4th ed., rev. and additional / ed. V.N. Galuzo. M.: TEIS, 2018. 328 p.

10. Eroshenko N.V. Problems of the use of polygraph devices in the operational-search activity and criminal proceedings // Problems of law enforcement. 2018. No. 2. S. 15—19.

11. Komissarova Ya.V. The use of a polygraph in proving in criminal cases // Actual problems of crime investigation: lectures (a team of authors; edited by Doctor of Law A.I. Bastykin). M.: «Prospect», 2020. 256 p.

12. Mochagin P.V. Psychophysiological research as a kind of method for revealing hidden information: concept and essence // Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law». 2012. No. 4. P. 128—135.

13. Nikolaev A.G. Types of evidence in the case of a disciplinary offense // Law and Legislation. 2022. No. 2. S. 71—75.

14. Public authority: system, competencies / M.N. Kobzar-Frolova, E.L. Vasyanina, E.V. Vi-

nogradova, V.M. Redkous [i dr.]. Voronezh: «Scientific book», 2021. 237 p. ISBN 978—5-4446—1580—5.

15. Redkous V.M. On the issue of the interaction of the administrative and criminal legislation of the Russian Federation in modern conditions // Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and penal law: theory and practice: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Tambov, April 16—17, 2021 / Editorial Board: E. Yu. Kuzmenko, M.I. Koltsov, E.A. Popov. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2021. P. 19—31

16. Redkous V.M. Administrative and legal aspects of legislative support of cybersecurity in the CIS member states / V.M. ed. T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Saratov: Limited Liability Company «Amirit», 2022. P. 303—311.

17. Khlopovskikh Yu.G. On the question of the methodological and theoretical foundations of psychophysiological examination using a polygraph // Modern problems of civil protection. 2018. No. 3 (28). pp. 43—47.

¹ См., например: Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации. Историко-правовое исследование. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2022. 527 с., и др.

² См., например: Редкоус В.М. Административно-правовые аспекты законодательного обеспечения кибербезопасности в государствах-участниках СНГ // Бачиловские чтения: Материалы четвертой международной научно-практической конференции, Москва, 05—06 февраля 2022 года / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов / Институт государства и права РАН. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2022. С. 303—311, и др.

³ См., например: Публичная власть: система, компетенции / М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина, Е.В. Виноградова, В.М. Редкоус [и др.]. Воронеж: «Научная книга», 2021. 237 с. ISBN 978—5-4446—1580—5.

⁴ См., например: Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Академической науке административного права и административного процесса 85 лет // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 6. С. 198—210; Воронов А.М., Глазунова И.В. Вопросы модернизации административно-правовой и финансово-правовой доктрин современной России // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2018. № 4. С. 52—59, и др.

⁵ См., например: Административно-правовое регулирование в сфере экономики (современные формы и методы) / Е.В. Виноградова, И.В. Глазунова, А.А. Гришконец, В.М. Редкоус [и др.]. Воронеж: «Научная книга», 2021. 256 с. ISBN 978—5-4446—1620—8; и др.

⁶ См., например: Богаевский В.А., Печенкова Е.А. Правовое регулирование специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 187—189, и др.

⁷ См., например: Дашко М.Н., Виноградов М.В., Ульянина О.А. Организационные и правовые аспекты проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа с кандидатами на службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 2 (73). С. 84—91; Детков А.П., Свободный Ф.К., Шлецер И.А. Проблемы производства исследований с применением полиграфа при отборе кадров в правоохранительные органы // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (94). С. 113—117; Деулин Д.В., Паришутин И.А. Повышение эффективности процедуры проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфных устройств в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 269—275; и др.

⁸ См., например: Ерошенков Н.В. Проблемы применения полиграфных устройств в оперативно-разыскной деятельности и уголовном судопроизводстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 15—19, и др.

⁹ См., например: Комиссарова Я.В. Использование полиграфа в доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы расследования преступлений: лекции (коллектив авторов; под ред. д.ю.н. А.И. Бастрыкина). М.: «Перспект», 2020. 256 с., и др.

¹⁰ См., например: Доказывание при правоприменении в Российской Федерации: монография. 4-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М.: ТЕИС, 2018. 328 с., Николаев А.Г. Виды доказательств по делу о дисциплинарном проступке // Закон и право. 2022. № 2. С. 71—75, и др.

¹¹ Редкоус В.М. К вопросу о взаимодействии административного и уголовного законодательства Российской Федерации в современных условиях // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: Материалы X Международной научно-практической конференции, Тамбов, 16—17 апреля 2021 года / Редколлегия: Э.Ю. Кузьменко, М.И. Кольцов, Е.А. Попова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 19—31.

¹² См., например: Богаевский В.А., Печенкова Е.А. Правовое регулирование специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 187—189; Мочагин П.В. Психофизиологическое исследование как разновидность метода выявления скрываемой информации: понятие и сущность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. № 4. С. 128—135, и др.

¹³ Комиссарова Я.В. Использование полиграфа в доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы расследования преступлений: лекции (коллектив авторов; под ред. д.ю.н. А.И. Бастрыкина). М.: «Перспект», 2020. 256 с.

УДК 343.9
ББК 67.51

© А.В. СТАРОВЕРОВ. 2022

Объективные признаки торговли людьми: содержание и проблемы

Андрей Владимирович СТАРОВЕРОВ,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

E-mail: astaroverov3097@gmail.com

Научная специальность: 5.1.4 — Право

Для цитирования. А.В. СТАРОВЕРОВ. Объективные признаки торговли людьми: содержание и проблемы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 1/2022. С. 117—122.

Аннотация. В настоящей статье приводятся показатели количества лиц, осужденных в 2018—2020 годах по статье 127.1. Торговля людьми УК РФ, по результатам анализа которых делает вывод о наличии сложностей не только в выявлении фактов торговли людьми, но и существовании целого ряда трудностей уголовно-правового характера, возникающих при определении объекта и объективной стороны состава данного преступления. В связи с этим довольно подробно рассматривается содержание категорий «объект торговли людьми», «объективная сторона торговли людьми», «общественная опасность торговли людьми», формы осуществления торговли людьми, проблемы ее квалификации и возможности их решения

Ключевые слова: торговля людьми, объект торговли людьми, вербовка, объективная сторона торговли людьми, получение и передача человека, перевозка человека, укрывательство человека

Objective signs of human trafficking: content and problems

Andrey Vladimirovich STAROVEROV,

V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

E-mail: astaroverov3097@gmail.com

Abstract. This article presents indicators of the number of persons convicted in 2018—2020 under Article 127.1. Trafficking in persons of the Criminal Code of the Russian Federation, based on the results of the analysis of which concludes that there are difficulties not only in identifying the facts of trafficking in persons, but also the existence of a number of difficulties of a criminal nature arising in determining the object and objective side of the composition of these crimes. In this regard, the content of the categories «object of human trafficking», «objective side of human trafficking», «public danger of human trafficking», forms of human trafficking, problems of its qualification and the possibility of their solution are considered in some detail

Keywords: human trafficking, object of human trafficking, recruitment, objective side of human trafficking, receiving and transferring a person, transportation of a person, harboring a person.

Применение статьи 127.1. Торговля людьми Уголовного кодекса Российской Федерации со времени ее вступления в силу не является особо результативным. Данные официальной статистики указывают на то, что число лиц, осужденных по данной статье УК РФ, определить ответственно как высокое вряд ли можно. Так,

по данным Российского Агентства Правовой Информации в 2018 году за торговлю людьми было осуждено 18 человек (2 — по ч. 1, 16 — по ч. 2 ст. 127.1. УК РФ), в 2019 году — 16 человек (3 — по ч. 1, 11 — по ч. 2, 2 — по ч. 3 ст. 127.1 УК РФ), в 2020 году — 16 человек (все по ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), из них 5 осуждены

к лишению свободы, 11 — к условному лишению свободы [1]. Невысокие показатели во многом объясняются тем, что данные преступления являются высоко латентными. Причины низкой раскрываемости торговли людьми заключаются не только в наличии сложностей в выявлении данных преступлений, но и в наличии довольно большого числа нерешенных вопросов уголовно-правового характера, с которыми приходится иметь дело следователям органов внутренних дел при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ.

Наукой уголовного права все еще окончательно не выработано единого понимания того, каким должен быть объем посягательств, чтобы их можно было расценивать как торговлю людьми. Кроме того, все еще не найдено окончательное решение того, по каким признакам должно проводиться ограничение торговли людьми от других преступлений, целью которых является введение человека в подневольное состояние для получения возможности его неограниченной эксплуатации. Такими преступлениями являются похищение человека (ст. 126 УК РФ) и незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ).

Как известно, без однозначного установления объекта и объективной стороны состава преступления, т.е. его объективных признаков, назначение уголовного наказания невозможно.

Основной объект торговли людьми составляют общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением действий по обеспечению свободы конкретного человека, а факкультативным — в связи с обеспечением конституционных прав человека на жизнь, охрану здоровья, права лица, не достигшего возраста совершеннолетия на нормальное развитие и воспитание, а также на свободное пересечение государственной границы России в установленном законом порядке.

В качестве объекта преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, выступает личная свобода конкретного человека — это есть такое его состояние, которое характеризуется тем, что он может вне зависимости от кого-либо вырабатывать свои желания и вести себя соответственно им в незапрещенных правовыми актами формах [2, с. 6]. Личная свобода человека может ограничиваться только в случаях, установленных законодательными актами, и

при возникновении оснований, предусмотренных ими. При этом ограничиваться свобода человека может лишь до пределов, непосредственно указанных в законах. Несоблюдение данных предписаний считается правонарушением, при этом те из них, которые представляют повышенную опасность для общества, оцениваются государством как тяжкие преступления. Торговля людьми как раз и является одним из таких преступных посягательств [3, с. 14—15]. Общественная опасность торговли людьми заключается в том, что при ее осуществлении человек, ставший ее предметом, ограничивается, или полностью лишается возможности самостоятельно выбирать место и время своего пребывания, маршрут передвижения, род занятий, виды времяпровождения и другие составляющие личной свободы [4].

В связи со сказанным представляется целесообразным отметить, что одним из обстоятельств, которые должны доказываться по уголовным делам, возбужденным как по множественным, так и единичным фактам торговли людьми, есть посягательство на личную свободу ее жертвы. Реальным проявлением такого посягательства является совершение обмана, психическое и (или) физическое насилие по отношению к жертве торговли людьми, использование ее нахождения в положении зависимости от чужой воли. При этом если истинность применения к жертве торговли людьми обмана, насилия, использование ее нахождения в подневольном положении на сто процентов точно не установлена, то действия, составляющие торговлю людьми, не могут квалифицироваться как совершение преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. Так, при вербовке человека, по сути дела при склонении его к занятию как правомерной, так и нелегальной деятельностью, право на личную свободу лица, подвергаемого вербовке, не нарушается, если ему представляется полная и правдивая информация обо всех аспектах деятельности, которой данному лицу придется заниматься в ближайшем будущем. При этом при сообщении такой информации лицо, подвергаемое вербовке, не должно подвергаться насилию в любой форме, к нему не может применяться обман, как прямой, так и завуалированный [5, с. 94; 6 с.55].

При сообщении вербовщиком правдивой информации лицу, подвергаемому склонению к занятию определенным видом деятельности, без применения к нему принуждения или обмана личная свобода такого человека, не нарушается. Обусловлено это тем, что он не лишается возможности самостоятельно, свободно и осознанно решать, как ему поступить, а именно принять, или не принять, несмотря на заманчивость, предложение вербовщика. В зависимости от того, к занятию какой деятельностью склоняет жертву торговли людьми ее вербовщик, объектом данного преступления может быть любой объект, подлежащий уголовно-правовой охране, а не только свобода того, или иного человека. Так, таким объектом выступает общественная нравственность, когда целью вербовки является вовлечение лица в занятие проституцией. Действия, составляющие торговлю людьми, могут также быть вообще вне рамок уголовно-правового реагирования, кроме случаев, когда они совершаются в отношении лица, которое в силу несовершеннолетнего возраста или болезненного состояния психики не могло в полной мере понимать, что в отношении его совершаются неправомерные действия. В силу того, что в соответствии с предписаниями Семейного кодекса Российской Федерации пределы личной свободы лица, не достигшего возраста совершеннолетия, определяют его родители и другие законные представители, то личная свобода несовершеннолетнего лица может подвергаться преступному посягательству и тогда, когда непосредственно к нему действия, составляющие торговлю людьми, не применяются. Такие действия применяются вместе к матери и отцу несовершеннолетнего ребенка либо по отдельности каждому из них, его опекуну или попечителю.

Позиции, согласно которой торговля людьми представляет собой практическое осуществление вербовки, перевозки, укрывательства, получения и передачи конкретного человека с целью его сексуальной или трудовой эксплуатации, извлечения внутренних органов для их пересадки другому человеку, придерживается и международное законодательство о противодействии торговле людьми. Так, в статье 3-ей Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее [7, 8] сказано, что

торговля людьми — это совокупность, взаимосвязанных действий, осуществляемых «...путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод». Целью совершения этих действий является «...получение согласия лица, контролируемого другим лицом». При этом получение согласия лица, подвергаемого вербовке, на свою перевозку, укрывательство, передачу не исключает возможности привлечения вербовщика к уголовной ответственности, если он в связи с этим применял к жертве торговли людьми обман, избиение и другие такого рода меры подавления воли человека к сопротивлению.

Таким образом, из сказанного следует, что совершение торговли людьми предполагает обман жертвы данного преступления для того, чтобы получить ее согласие на совершении в отношении нее названных действий. Если же путем обмана получить такое согласие не удастся, то вместо продолжения обмана или одновременно с ним по отношению к вербуемому лицу применяется воздействие насильственного характера или угроза его немедленного применения. Согласно пунктам «с» и «d» Протокола правило об обязательности применения для торговли людьми обмана или насилия не действует только тогда, когда жертвой данного преступления является лицо несовершеннолетнего возраста. Таким образом, составляющие торговлю людьми действия, осуществляемые по отношению к лицу в возрасте до 18 лет, будут признанными преступными, хотя осуществлялись и без применения к нему насилия. Что касается статьи 127.1 УК РФ, то применение в отношении жертвы торговли людьми насилия либо угрозы применения насилия, предусмотренные пунктом «е» части 2 данной статьи уголовного закона России, является всего лишь определенным квалифицирующим признаком торговли людьми.

Представляется бесспорным, что неказание в основном составе торговли людьми способ ее совершения является очевидным недостатком настоящей редакции статьи 127.1 УК РФ. Его устранение требует внесения соответствующего изменения в ее текст.

Согласно статьям 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации, статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации как сам человек, так и его права, и свободы не являются объектом гражданского оборота. В связи с этим относительно их не могут совершаться сделки гражданско-правового характера. Если же такие сделки и совершаются, то в соответствии со статьей 168 ГК РФ они считаются ничтожными.

Полученные деньги рассматриваются судом как финансовые средства, нажитые преступным путем, и по этой причине подлежащие конфискации согласно статье 104.1 Конфискация имущества УК РФ.

Направление доходов от торговли людьми на развитие предпринимательства, другие виды экономической деятельности является уголовно-наказуемым. Ответственность за их использование таким образом, а также введение в гражданский оборот предусмотрена ст. 174 и 174.1. УК РФ. Согласно п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ криминальное происхождение имущества при производстве по уголовному делу является предметом доказывания.

Объективная сторона торговли людьми согласно диспозиции ст. 127.1 УК РФ предполагает осуществление купли-продажи и иных сделок в отношении конкретного человека, его вербовки [5, с. 95], перевозки, передачи, укрыательства и получения. Таким образом, любая сделка с человеком как ее предметом является преступной. Исходя из содержания пункта 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», ВС РФ считает данную точку зрения единственно верной.

В гражданском праве термином «купля-продажа» обозначается совершение в соответствии с законом разными лицами фактически двух отдельных, но при этом сопоставимых друг с другом действий имущественного характера. Объектом купли-продажи человека естественно является конкретный живой человек. Передача такого человека другому лицу безвозмездно объективную сторону статьи 127.1 УК РФ не образует.

Имеется точка зрения, что понятием «купля-продажа человека» охватываются все виды

действий по передаче какого-либо человека с получением за него оплаты [9, с. 298]. По нашему мнению, данная позиция не является абсолютно точной. Согласно статье 127.1 УК РФ обмен, дарение, залог — это действия, составляющие содержание понятия «совершение иных сделок в отношении человека». Таким образом, купля-продажа человека и совершение иных сделок в отношении его представляют собой уголовно-наказуемые деяния, проявляющиеся в следующих взаимосвязанных между собой действиях двух видов.

Первым видом таких действий является поиск баланса интересов продавца и покупателя человека с целью заключить сделку о купле-продаже конкретного человека или совершение иных сделок имущественного характера в отношении его. Действия второго вида — это непосредственные действия по передаче конкретного человека и его получению, а также по передаче и получению уплачиваемой за него денежной суммы, совершаемые в соответствии с договоренностью, к которой стороны пришли ранее.

Получение и передача человека — это соотносящиеся между собой действия точно также, как и действия по купле-продаже человека. Результатом получения, передачи человека является то, что конкретный человек выбывает из владения лица, совершающего его передачу, и оказывается во владении лица, получающего жертву торговли людьми. При этом получение и передача человека осуществляются одновременно, т.е. во времени они не отделены друг от друга ни на минуту. Согласно абзацу 4 пункту 13 данного Постановления ВС РФ передача человека представляет собой вручение жертвы преступления одним соучастником преступления другому, а получение человека — принятие жертвы преступления принимающим ее преступником от преступника, который ее передает. При этом способ передачи значения не имеет.

Действия по передаче человека для лица, их совершающего, считаются завершенными в тот момент, когда контроль над передаваемым им человеком реально начинает осуществлять лицо, его получающее. Из данного положения вытекает то, что действия по достижению соглашения о времени, месте и других обстоятельствах получения и передачи человека, а также его

стоимости следует оценивать как приготовление к преступлению, что и отличает их от купли-продажи человека.

Под перевозкой человека понимается перемещение физического лица из одного места в другое с помощью какого-либо транспортного средства. Согласно абзацу 3 пункта 13 данного Пленума ВС РФ перевозка человека — это есть его перемещение с использованием транспорта любого вида из одного места в другую точку вне зависимости от расстояния между ними. При этом такое перемещение должно осуществляться с целью последующей эксплуатации перевозимого человека.

По мнению В.И. Зубковой, данное понятие включает в себя не только непосредственные действия по перемещению конкретного человека, но и опосредованные действия, связанные с его перемещением. Например, покупка билета на проезд в общественном транспорте, оказание помощи в отправке багажа [10, с. 198]. Данная точка зрения может быть легко оспорена, поскольку глагол «перевозить», от которого и происходит отглагольное существительное «перевозка», имеет значение «перемещать кого-либо или что-либо через определенное пространство, везя это вместе с собой» [8]. Таким образом, одним из признаков перевозки является то, чтобы объект, который перевозчик перемещает из одного места в другое, находился по ходу транспортировки в его владении. При этом такое владение может и не являться непосредственным. Что касается перевозки человека, то перевозимый человек в процессе следования должен находиться непосредственно при перевозчике. Если при перевозке человека перевозчик и перевозимое лицо следуют в оговоренный между ними пункт назначения отдельно друг от друга, то в деянии перевозчика отсутствуют признаки торговли людьми, совершаемой в форме перевозки человека. Вместе с тем, по нашему мнению, позиция В.И. Зубковой не лишена логики. По ее мнению, вполне возможна ситуация, когда перевозимое лицо самостоятельно направлялось в пункт назначения, указанный перевозчиком, поскольку было обмануто относительно цели следования. Лица, которые непосредственно осуществляли перевозку жертвы торговли людьми, подлежат привлечению к уголовной ответственности в соответствии со ст. 127.1 УК

РФ только в том случае, если им было доподлинно известно, что везут они ее для использования третьими лицами в качестве объекта сексуальной эксплуатации.

Укрывательство человека осуществляется путем совершения действий, имеющих целью сокрытие конкретного человека от близких ему лиц, а также от сотрудников правоохранительных органов, в первую очередь тех из них, кто занимается его розыском. Укрывательство человека совершается только в форме действия, поэтому утаивание от таких лиц сведений о месте нахождения разыскиваемого ими конкретного человека не подпадает под действие статьи 127.1 УК РФ. Укрывательство человека начинается с момента начала действий по фактическому сокрытию жертвы торговли людьми от лиц, реально заинтересованных в ее обнаружении, а заканчивается — в момент, когда такие действия действительно прекращают совершаться. Согласно абзацу 5 пункта 13 данного Постановления ВС РФ укрывательство человека при совершении торговли людьми представляет собой практическое осуществление действий по сокрытию жертвы торговли людьми от правоохранительных органов, разыскивающих ее членов семьи и других близких ей лиц. Таким образом, укрывательство и перевозка жертвы торговли людьми как действия, составляющие объективную сторону торговли людьми, являются ее делящимися формами, тогда как передача и получение такого лица — это преступление единичное.

Подводя итоги изложенному, следует сказать, что основным объектом преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с обеспечением полной свободы и безопасности человека, а факультативными — с недопущением преступных посягательств на его жизнь и здоровье, а также с охраной права лица, не достигшего возраста совершеннолетия, на гармоничное развитие и достойное воспитание.

В основу конструкции объективной стороны торговли людьми положены международно-правовые нормы и правила противодействия ей. Объективная сторона торговли людьми предполагает совершение одного из действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, либо их совокупности.

Список источников

1. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] / Путь доступа: [http://stat.xn — 7sbqk8achja.xn — p1ai/stats/ug/t/14/s/17](http://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/14/s/17) (дата обращения: 30.03.2022).

2. Душко Д.А. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 28 с. С. 6.

3. Измайлова И.Д. Уголовная ответственность за торговлю людьми: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с. С. 14—15.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (п. 1) // Российская газета, N 296, 31.12.2019.

5. Староверов А.В. Механизмы вербовки людей для торговли с целью сексуальной эксплуатации и предотвращение возможности оказаться ее жертвами // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2019. № 3. С. 92—97.

6. Староверов А.В. Уголовная ответственность за торговлю людьми с целью сексуальной эксплуатации, актуальные вопросы судебной практики. Москва, 2020. Сер. Научные издания для юристов. С. 55.

7. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ, 04.10.2004, N 40, ст. 3884; Бюллетень международных договоров, N 2, 2005, с. 46—55.

8. Толковый словарь Русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой на CD [Электронный ресурс] / путь доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov?> (дата обращения: 30.03.2022).

9. Уголовное право России / Под ред. Р.А. Адельханяна. М., 2018. 560 с.

10. Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2015. — 368 с.

Literature

1. Judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource] / Access path: [http://stat.xn — 7sbqk8achja.xn — p1ai/stats/ug/t/14/s/17](http://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/14/s/17) (date of appeal: 30.03.2022).

2. Dushko D.A. Criminal and legal characteristics of human trafficking. Autoref. diss. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2009. 28 p. s. 6.

3. Izmailova I.D. Criminal liability for human trafficking: Abstract. diss. ... cand. jurid. M., 2007. 30 p. s. 14—15.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 24, 2019 No. 58 «On judicial practice in cases of kidnapping, illegal deprivation of liberty and human trafficking» (item 1) // Rossiyskaya Gazeta, N 296, 12/31/2019.

5. Staroverov A.V. Mechanisms of recruiting people for trafficking for the purpose of sexual exploitation and preventing the possibility of becoming its victims // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2019. No. 3. pp. 92—97.

6. Staroverov A.V. Criminal liability for trafficking in persons for the purpose of sexual exploitation, topical issues of judicial practice. Moscow, 2020. Ser. Scientific publications for Lawyers. p.55.

7. Protocol on the Prevention, Suppression and Punishment of Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on 15.11.2000 by Resolution 55/25 at the 62nd plenary session of the 55th session of the UN General Assembly) // The Collection of Legislation of the Russian Federation, 04.10.2004, No. 40, Article 3884; Bulletin of International Treaties, No. 2, 2005, pp. 46—55.

8. Explanatory Dictionary of the Russian language / Edited by S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova on CD [Electronic resource] / access path: <https://gufo.me/dict/ozhegov?> (date of appeal: 30.03.2022).

9. Criminal law of Russia / Edited by R.A. Adelhanyan. M., 2018. 560 p.

10. Zubkova V.I. Responsibility for crimes against the person under the legislation of Russia. M., 2015. 368 p.